

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**

Время для звезд

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Роберт Энсон Хайнлайн

Время для звезд

Серия «Фантастика и фэнтези. Большие книги»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63936216

Время для звезд. Сборник: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург;

2021

ISBN 978-5-389-19288-1

Аннотация

В этот том вошли лучшие «звездные» романы грандмастера мировой фантастики. Они действительно звездные, без всяких кавычек. Главная тема их – мечта и ее осуществление. Герои их – молодые люди, которые, несмотря ни на что, идут к поставленной цели и добиваются того, к чему шли.

Ведь когда человек молод, нет неодолимых вершин и даже путешествие на Луну – мечта не из раздела несбыточных. Главное, чтобы был скафандр, а случайная летающая тарелка всегда вовремя приземлится рядом («Есть скафандр – готов путешествовать»).

Да что Луна – бери выше – звезды! Стать участником звездной робинзонады, чтобы выжить на опасной планете, – только молодость способна на такое решиться («Туннель в небе»).

И юный Том из романа «Время для звезд», пройдя в звездных походах самые невероятные испытания, именно благодаря своей цельности и вере в мечту побеждает и обретает мужество.

И Джон Стюарт, приручивший «звездного зверя», из той же неугомонной компании. Мелочности, приземленности не лучших представителей такого вида, как «человек разумный», он противопоставляет дружескую любовь и терпимость к существам нечеловеческих рас, которые ему отвечают тем же.

Содержание

Есть скафандр – готов путешествовать	5
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	60
Глава 5	84
Глава 6	116
Глава 7	149
Глава 8	190
Глава 9	231
Глава 10	276
Глава 11	308
Глава 12	331
Туннель в небе	354
Глава 1	354
Конец ознакомительного фрагмента.	361

Роберт Хайнлайн

Время для звезд

Сборник романов

**Есть скафандр –
готов путешествовать**

Посвящается Гарри и Барбаре Стайн

Глава 1

У меня есть космический скафандр! Космический! Настоящий!

А это история о том, как я им обзавелся и через что в нем прошел.

– Пап, – сказал я однажды, – я хочу слетать на Луну.

– Валяй, – ответил отец и вновь уткнулся в книжку.

Он опять перечитывал «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома. Он ее, ей-богу, уже наизусть выучил.

Я уточнил:

– Пап! Я серьезно.

На сей раз он заложил книжку пальцем и невозмутимо произнес:

– Я же сказал: «Валяй!» Отправляйся.

– Ага... но как?

– Как? – Он, кажется, слегка удивился. – Ну, это уж ты сам думай, Клиффорд.

Вот такой у меня папа. Когда я сказал ему, что хочу купить велик, он точно так же буркнул, даже не взглянув на меня: «Валяй», и я отправился в гостиную, чтобы взять из корзинки денег на велосипед.

Но там оказалось всего-то одиннадцать долларов и сорок три цента, и велосипед мне достался примерно через тысячу миль скошенных газонов. С папой говорить на тему денег бесполезно, потому что если уж в корзине их нет – то нигде нет. Папа не связывался с банками; деньги складывались в корзинку, да рядышком еще стояла одна – с надписью «Дядя Сэм». Ее папа раз в год опорожнял и все содержимое отправлял по почте правительству. Службу внутренних доходов этой манерой он просто доводил до бешенства, и однажды она прислала своего человека, чтобы разобраться.

Вскоре чиновник ошалел.

– Доктор Рассел... нам, конечно, известны ваши былые заслуги... но это ведь не основание пренебрегать налоговой отчетностью!

– Да я и не пренебрегаю, – ответил папа. – Все тут. – Он постучал себя по лбу.

– По закону положено – в письменной форме.

– Еще чего! – хмыкнул папа. – Закон, кстати, не требует, чтобы я был грамотным. Кофе?

Посетитель уговаривал расплачиваться чеками или по безналичному расчету. Папа прочел ему надпись на долларовой купюре: «Является законным платежным средством по всем долгам, общественным и частным».

Вконец отчаявшись извлечь хоть какой-то прок из своего визита, чиновник убедительно попросил папу не заполнять графу «род занятий» словом «шпион».

– А почему нельзя?

– Что значит – почему? Вы же не шпион – так людей-то не смущайте.

– А ФБР вы запрашивали?

– Э-э-э... нет.

– Впрочем, там все равно не ответят. Но вы были так любезны, что я, пожалуй, буду писать «безработный шпион». Устроит?

Налоговый инспектор чуть не забыл свой портфель. С папой спорить бесполезно, он за свои слова отвечает и ни при каких обстоятельствах не идет на попятный.

И когда он сказал, что на Луну я лететь могу, а как – дело мое, именно это и имелось в виду. Я могу отправляться хоть завтра, если меня возьмут на корабль.

Впрочем, отец задумчиво добавил:

– Сынок, на Луну можно попасть не единственным путем.

Испытай все возможности... Вот как в этой книжке. Нужно открыть банку ананасов, а Гаррис забыл открывалку в Лондоне. И они пробуют разные способы.

Он принялся увлеченно цитировать, а я улизнул – я слышал этот кусок раз пятьсот. Ну ладно, три сотни.

Я отправился в сарай, где у меня была мастерская, и принялся размышлять об этих способах. Первый: поступить в Летную академию в Колорадо-Спрингс. При соблюдении ряда условий – что я поступлю, что я окончу, что меня возьмут в Космический корпус Федерации – есть некий шанс распределиться на Лунную базу. Или хотя бы на одну из орбитальных станций.

Еще вариант: выучиться на инженера, получить работу, связанную с реактивными двигателями, пробиться на такое место, откуда можно полететь на Луну... Десятки, а может, и сотни инженеров побывали на Луне, их там и сейчас полным-полно – электронщики, криогенщики, металлурги, специалисты по керамике, по кондиционированию воздуха – ну и, само собой, ракетчики.

Впрочем... из миллиона инженеров на Луну попадает горстка. Н-да... В детстве мне даже в «Почте», игре на поцелуи, редко удавалось поучаствовать.

Еще можно стать военным врачом (юристом, геологом, инженером-инструментальщиком...) и болтаться на Луне, причем за хорошую зарплату – если только ты сумел стать незаменимым. Мне на зарплату наплевать; но как достичь

вершины в выбранной специальности?

И есть еще один незамысловатый способ – подкатить к билетной кассе тачку с деньгами. Правда, денег у меня было восемьдесят семь центов.

Но мысли о Луне меня не оставляли. Космосом в нашей школе бредила половина ребят, другая половина притворялась, что им все равно (шансов, мол, никаких!), да была еще горстка зануд, которые бы не покинули Землю ни за какие коврижки. Мы долго на эту тему дискутировали, и кое-кто объявил, что умрет, а слетает.

Я помалкивал, но тут «Американ экспресс» и «Кук и сын» предложили всем желающим лунный туризм! Я увидел их рекламу в «Нэшнл джиогрэфик» в стоматологической клинике, когда сидел в очереди на чистку зубов. В этот миг я стал совершенно иным человеком.

Мысль о том, что любой толстосум может просто выложить деньги на бочку и отправиться в круиз, была невыносима.

Я просто обязан лететь. И я не смогу заплатить – во всяком случае, в обозримое время, – так что не стоит и думать о деньгах. Что же сделать, чтобы меня отправили?

Все знают истории про парней, бедных, но честных, которые в финале всего добиваются, потому что они умнее всех в бкруге, а может, и в стране. Но это не про меня.

Среди выпускников я входил в первую четверть по успеваемости, но за это не дают стипендию в Массачусетском тех-

нологическом институте – во всяком случае, выпускникам Сентервиллской средней школы. Это факт – наша школа не из лучших. Посещать ее было интересно – мы чемпионы лиги по баскетболу, и наша группа заняла второе место в штате по кадрили, а по средам у нас танцы. То есть с традициями все в порядке.

А вот с учебой похуже.

Упор делается на то, что наш директор мистер Хэнли называет «подготовкой к жизни», а не на тригонометрию. Может, к жизни это и готовит – но уж точно не к Калифорнийскому техническому университету.

Я не сам дошел до этой мысли. В прошлом году притащил домой анкету для нашего группового социологического проекта «Семейная жизнь». Одним из вопросов было: «Как организован ваш семейный совет?»

За обедом я спросил:

– Пап, как организован наш семейный совет?

Мама сказала:

– Не мешай отцу, солнышко.

Но папа заинтересовался:

– А? Дай-ка сюда.

Он прочел анкету – и велел мне принести учебники. Дома у меня их не было, так что папа послал за ними в школу. К счастью, она была открыта, шли репетиции Осеннего бала. Папа редко командовал, но уж коли отдал приказ – умри, а исполни.

Программа в тот семестр у меня была отличная: обществоведение, коммерческая арифметика, практический английский (класс выбрал тему «Сочинение лозунгов», было очень весело), труд (мы мастерили декорации для бала) и физкультура – то есть в моем случае баскетбол; для основной команды я был низковат, но надежному запасному в выпускном классе дают рекомендацию в университетскую команду. В общем, в школе у меня все было нормально, и я это знал.

Папа прочел мои учебники за ночь; он вообще быстро читает. В анкете я написал, что у нас в семье неформальная демократия; это сошло. Все стали обсуждать, должен ли председатель совета ротироваться или избираться и каков правовой статус у дедушки, живущего в семье. Решили, что дедушка может входить в совет, но не может быть председателем. Потом мы сформировали подкомиссии по выработке конституции идеальной семьи, чтобы представить эту конституцию нашим семьям как результат исследований.

В школе несколько дней крутился папа, что меня беспокоило, – когда предки проявляют излишнюю активность, они явно что-то замышляют.

В субботу вечером папа позвал меня в кабинет. На столе у него возвышалась стопка учебников и полный учебный план Сентервиллской средней школы, от американских народных танцев до естествознания. На нем была размечена моя программа, и не только на текущий год, но и на два года вперед, как распланировали мы с моим классным руководителем.

Папа воззрился на меня невинным кузнечиком и ласково спросил:

– Кип, а в колледж ты поступать собираешься?

– Ха! Ну конечно, пап!

– Каким образом?

Я растерялся. Вообще-то, догадывался, что это стоит денег. И хотя бывало, конечно, что долларовые бумажки переполняли корзину, обычно ее содержимое можно было пересчитать очень быстро.

– Ну, не исключено, что я получу стипендию. Или буду подрабатывать.

Он кивнул:

– Не сомневаюсь... если захочешь. Денежные проблемы всегда решаемы, бояться их не надо. Но когда я спросил «каким образом?», я имел в виду вот это.

Он постучал по своему черепу.

Я просто обалдел.

– Но если я окончу школу, пап, – я же поступлю в вуз.

– Может быть, поступишь. В университет нашего штата, или в сельскохозяйственный колледж, или в педагогическое училище. А ты знаешь, Кип, что на первом курсе вылетает сорок процентов студентов?

– Я не вылечу!

– Может, и не вылетишь. Но скорее – вылетишь, если выберешь любую серьезную специальность: инженерное дело, естествознание или медицину. Ты вылетишь, если твоя под-

готовка ограничится вот этим. – Он потряс программой.

Я остолбенел.

– Но у нас отличная школа, пап. – Я попытался припомнить, что нам говорили на лекции Учительско-родительской ассоциации. – «Система преподавания основана на новейших научных разработках, одобрена психологами и...»

– ...и обеспечивает шикарные зарплаты высококвалифицированным педагогическим кадрам. Учебные проекты выявляют практические проблемы человечества и ориентируют ребенка на жизнедеятельность в демократическом обществе, готовят его к решению жизненных проблем в сложных современных условиях. Прости, сынок; я разговаривал с мистером Хэнли, он простоватый человек и говорил без лукавства... Для достижения этих благородных целей мы тратим больше денег в расчете на одного учащегося, чем любой другой штат, кроме Калифорнии и Нью-Йорка.

– Ну... и что в этом плохого?

– Что такое абсолютный причастный оборот?

Я не ответил.

– Почему Ван Бюрен проиграл перевыборы? Как извлечь кубический корень из восьмидесяти семи?

Ван Бюрен когда-то был президентом, это все, что я про него помнил. Но на последний вопрос я ответил:

– Чтобы извлечь кубический корень, надо посмотреть таблицу в конце учебника.

Папа вздохнул.

– Сынок, ты что, думаешь, эту таблицу принес с неба архангел? – Он скорбно покачал головой. – Это я виноват, не ты. Мне бы раньше подумать... Но я полагал – раз ты любишь читать, быстро считаешь, умеешь работать руками, то с образованием у тебя все в порядке.

– А разве нет?

– Конечно нет. Кип, Сентервиллская средняя – замечательное заведение, его хорошо оборудовали, грамотно организовали, содержат в чистоте. Это не «школьные джунгли», и ученикам, по-видимому, все нравится. Но это, – папа со злостью хлопнул по программе, – болтовня! Мышиная возня! Трудотерапия для слабоумных!

Я не знал, что и сказать. Папа нахмурился, сел и выдал:

– По закону ты должен посещать школу до восемнадцати лет или сдать экстерном.

– Да, сэр.

– Ваша школа – пустая трата времени. В ней даже самая сложная программа не нагрузит твои мозги. Но иначе придется отослать тебя в другой город.

– Наверное, это кучу денег стоит.

Мое замечание он пропустил мимо ушей.

– Частные школы я не одобряю, мальчишка должен жить в семье. Конечно, в престижной частной школе где-нибудь на востоке тебя натааскают для поступления в Стэнфорд или Йель, да в любой из лучших университетов. Но там легко налюбоваться этих веяний – дурацких идей насчет денег, карье-

ры, модного портного... Я в свое время несколько лет избавлялся от этой дури. Мы с твоей матерью не случайно выбрали маленький городок, чтобы ты провел в нем детство.

Я вздохнул с облегчением.

– Вот ты хочешь поступать в колледж. Собираешься ли получить профессию? Или предпочтешь краткосрочные курсы по новейшим способам изготовления свечек из восковницы? Сынок, это твоя жизнь, и ты можешь делать с ней все, что хочешь. Но если намерен поступить в хороший университет и заниматься чем-нибудь стоящим, то мы должны решить, как лучше потратить следующие три года.

– Ну конечно, пап! Только в хороший...

– Скажешь, когда все обдумаешь. Спокойной ночи.

Я думал целую неделю. И начал понимать, что папа прав. Наш проект «Семейная жизнь» – чепуха. Что ребятишки знают о семейных проблемах? Да если на то пошло, что знает о них наша классная дама мисс Финчли, незамужняя и бездетная? Класс единодушно решил, что у каждого ребенка должна быть собственная комната и деньги на карманные расходы, «чтобы научиться с ними обращаться». Здорово, конечно, но... как быть с семьей Квинлан, где девять детей в доме из пяти комнат? Глупости все это.

Коммерческая арифметика была не такой ерундой, но все равно не стоила потраченного времени. В первую же неделю я прочел весь учебник, а потом только плевал в потолок.

Папа перевел мое внимание на алгебру, испанский язык,

общее естествознание, английскую грамматику и риторику; от прежней программы только физкультуру и оставил. Но и теперь было нетрудно справляться с нагрузкой – в учебниках хватало воды.

Тогда папа завалил меня другими книгами и сказал:

– Клиффорд, ты бы давно знал все это, если бы не застрял в яслях для переростков. Усвоишь – сдашь вступительные экзамены в колледж. Может быть.

После этого папа от меня отстал. Как он и обещал, выбор был за мной. Я едва не завяз в книгах – они были трудные, не та легкоусвояемая кашка, которой кормили в школе. Если вы думаете, что самостоятельно учить латынь – плевое дело, то попробуйте этим заняться – и убедитесь, как глубоко заблуждались.

Я впал в отчаяние и чуть не опустил руки, но потом разозлился и втянулся. Вскоре обнаружил, что после латыни легче учиться испанский и наоборот. Когда мисс Эрнандес, наша испанка, узнала, что я учу латынь, она взялась помогать. Я не только осилил Вергилия, но и по-испански стал говорить не хуже иного мексиканца.

Из математики наша школа предлагала только основы алгебры и планиметрию. Я самостоятельно прошел высшую алгебру, стереометрию и тригонометрию. Для поступления в колледж этого бы хватило, но математика затягивает почище семечек. Аналитическая геометрия куда труднее греческого языка, пока не разберешься, зато потом, если знаешь алгеб-

ру, все вдруг встает на свои места, и до конца учебника летишь как на крыльях. Полный отпад!

Потом дело дошло до дифференциального и интегрального исчислений, а когда я заинтересовался электроникой, понадобился векторный анализ. Единственным естественно-научным предметом у нас в школе было общее естествознание, и было оно воистину общим – на уровне воскресного приложения к газете. Но когда прочтешь что-то интересное по химии или физике, хочется заняться и этим. В нашем сарае я устроил фотохимическую лабораторию, электронный стенд и даже любительскую радиостанцию. Мама разнервничалась, когда от взрыва вылетели стекла и возник небольшой пожар, но папа остался невозмутим. Он только посоветовал не синтезировать взрывчатые вещества в деревянных строениях.

В выпускном классе я сдал экзамены по вступительной программе колледжа.

Именно в том году ранней весной я и заявил, что хочу полететь на Луну. Идея окончательно оформилась после объявления о туристских полетах, однако я «сдвинулся на космосе» много раньше – с тех пор, как стало известно, что Федеральный космический корпус возвел базу на Луне. А может, и еще раньше. Я поделился планами с папой; он мог что-нибудь посоветовать. Понимаете, папа всегда находил способ доводить дело до конца.

Когда я был маленьким, мы все время переезжали – из Вашингтона в Нью-Йорк, из Лос-Анджелеса еще куда-то – и жили обычно в гостиницах. Папа постоянно улетал по делам, а когда бывал дома, к нему потоком шли посетители; видел я его мало. Позже мы перебрались в Сентервилл, и он всегда сидел дома, погруженный в книгу или в работу за письменным столом. Если кто-то хотел с ним увидеться, то должен был приехать к нам.

Однажды, когда денежная корзина была пуста, папа сказал маме, что ожидается «августейший визит». В тот день я не отходил от родителей. Мне было восемь лет, и я никогда не встречал человека с королевской кровью в жилах. Вот прибыл гость, и я страшно разочаровался, не увидев на нем короны. Но на следующий день в корзине появились деньги, и я, совсем недавно прочитавший книжку «Маленький хромо́й принц»¹, решил, что августейшая особа приезжала инкогнито и вручила папе кошелек с золотом. Только через год я узнал, что папа подразумевал роялти – это плата за использование патента, или торговую марку, или авторских прав на книгу, и жизнь потеряла часть красок. Но тот гость, хоть и не был королем, считал, что может заставить папу делать то, чего хочет он, а не то, чего хочет папа.

– Доктор Рассел, я согласен – в Нью-Йорке ужасный кли-

¹ «*Маленький хромо́й принц*» («The Little Lame Prince») – повесть американской детской писательницы Дины Мариин Мьюлок Крэйк, впервые опубликованная в 1875 г.

мат. Но в ваших кабинетах будут кондиционеры.

– А также часы. Секретарши. И звукоизоляция.

– Все, что хотите, доктор.

– В том-то и дело, господин секретарь, что не хочу. В моем доме нет часов. Нет календарей. Когда-то у меня были большие деньги и большая язва; теперь у меня маленький доход и здоровый желудок. Я остаюсь здесь.

– Вы нужны нашему делу!

– Но не наоборот. Съешьте еще кусочек мясного пирога.

Папа не собирался лететь на Луну, и я должен был обойтись своими силами. Я обложился буклетами колледжей и начал поиск инженерных факультетов. У меня не было ни малейшего представления о том, как я буду платить за обучение или хотя бы проживание, – первой задачей было поступить на серьезный факультет с солидной репутацией.

Если провалюсь, можно будет пойти в летные войска, – глядишь, и удастся получить назначение на Луну. Не возьмут и в авиацию – попробую стать военным электронщиком. На Лунной базе пользуются радарами и астрофизической техникой. Так или иначе на Луну я попаду.

На следующее утро за завтраком папа спрятался за «Нью-Йорк таймс», а мама читала «Геральд трибюн». Мне достался «Сентервиллский горн», но в него только селедку заворачивать. Папа глянул на меня поверх своей газеты:

– Клиффорд, тут кое-что по твоей части.

– Хрр? – подавился я кукурузными хлопьями.

– Не хрюкай, это дурной тон, а ты еще не настолько взрослый. Читай. – И он протянул мне газету.

Там была реклама мыла.

Старый как мир трюк – гигантский, нет, суперколоссальный конкурс с призами. Тысяча призов, и сотня из них – годовой запас мыла «Звездный путь».

А потом я пролил завтрак на колени.

Первым призом было...

...ПОЛНОСТЬЮ ОПЛАЧЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ!!!

Так и было написано, с тремя восклицательными знаками, – только для меня там стояло двадцать восклицательных знаков, а вокруг рвались снаряды и пели херувимы.

Просто закончите фразу (в ней должно быть не более двадцати пяти слов): «Я пользуюсь мылом „Звездный путь“, потому что...» – и пришлите нам эту фразу на обертке от мыла или на ее четкой фотокопии...

Еще там что-то говорилось о совместном проекте «Американ экспресс» и «Кук и сын», о сотрудничестве с ВВС США и перечислялся список призов поменьше. Но пока кукурузные хлопья с молоком пропитывали мои брюки, перед

глазами стояло одно: «*ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ!!!*»

Глава 2

Сначала я взлетел на седьмое небо от восторга, затем рухнул в бездну отчаяния. В конкурсах мне сроду не везло. Я вообще невезучий – даже когда покупал «Крекер Джек», мне попадалась именно та коробка, в которую забыли положить игрушку. И если я когда-нибудь...

– Стоп! – сказал папа.

Я осекся.

– Понятия «везение» не существует. Есть только адекватная или неадекватная подготовка к существованию в статистической вселенной. Ты собираешься этим заняться?

– Я-то?

– Надо полагать, это означает «да». Что ж, тогда придется крепко попотеть.

Я принялся потеть, а папа не отказывался от помощи, не предлагал мне съесть еще кусочек мясного пирога. По ходу дела он следил, чтобы я не забросил все остальные предметы. В том семестре я разослал в несколько вузов заявления о поступлении. А пока ждал ответа, после занятий подрабатывал в аптеке «Чартон фамэси» – продавал газировку и попутно штудировал фармакологию. Конечно, мистер Чартон заботился о том, чтобы я не притрагивался к препаратам без упаковки, но все же я немало узнал о составе и номенклатуре лекарств, запомнил предназначение многих антибиотиков и

уяснил, с какими веществами надо быть осторожным. Так я добрался до органической химии с биохимией, и хозяин дал мне почитать Уокера, Бойда и Азимова. Биохимия сложнее атомной физики, но со временем я и в ней начал разбираться.

Мистер Чартон, старенький вдовец, свою жизнь посвятил фармакологии. Он намекал, что рано или поздно кто-то может унаследовать его аптеку, какой-нибудь молодой человек с научной степенью фармаколога и интересом к этой профессии. Говорил, что мог бы посодействовать с обучением. Если бы он посулил мне открыть аптеку на Луне, я бы, пожалуй, клюнул.

Но моей целью был космос, и я твердо решил стать инженером.

Услышав это, мистер Чартон не поднял меня на смех. Он сказал, что, возможно, я прав, но не стоит забывать: куда бы ни забрался человек – на Луну, на Марс или на самые далекие звезды, – аптеки и аптекари понадобятся и там. Потом он выкопал из своих залежей несколько книг по космической медицине: Страгхолд, Хейбер, Стэпп и другие авторы.

– Когда-то и я подумывал об этом, Кип, – глядя в сторону, обронил он. – Но теперь уже слишком поздно.

По большому счету мистера Чартона интересовали только лекарства, но у нас продавался весь традиционный ассортимент американской аптеки, от велосипедных камер до наборов для завивки волос в домашних условиях.

Ну и мыло, конечно. В тот день, придя на работу, я не мог не рассказать о конкурсе и награде.

«Звездный путь» расходился из рук вон плохо: Сентервилл – городок консервативный, чуряющийся новых брендов; бьюсь об заклад, некоторые старожилы сами варят мыло. Но мистер Чартон все же нашел две запылившиеся коробки и выставил их на прилавок. А затем позвонил в Спрингфилд поставщику.

Он действительно мне помог. Он снизил цену на «Звездный путь» почти до оптовой. Он расхваливал мыло перед покупателями – и почти каждого уговорил оставить обертку. Я же выстроил на стойке с газировкой, по обеим сторонам от крана, пирамиды из «Звездного пути». Покупатели угощались кока-колой – а я разливался соловьем о старом добром мыле, которое моет до дыр, напичкано витаминами, увеличивает шансы на Царствие Небесное, дает пышную пену, мягко и нежно действует на кожу и не нуждается в Пятой поправке для защиты своей чести и достоинства. Я потерял всякий стыд! Без мыла от меня уходил разве что глухой или быстриногий.

И только фокусник мог, купив «Звездный путь», оставить меня без обертки. Взрослых я старался уболтать, детей иногда подкупал – платил цент. Кто приносил обертки из других магазинов, получал десять центов за дюжину. Правила разрешали послать сколько угодно рекламных лозунгов на обертках от мыла или их фотокопиях. Я хотел было напеча-

тать уйму фотокопий, но папа отсоветовал:

— Конечно, это в пределах правил, Кип... но не припомню случая, чтобы на пикнике были рады скунсу.

Так что я собирал обертки и на каждой надписывал:

«Я пользуюсь мылом „Звездный путь“, потому что...

...оно придает незабываемую свежесть;

...лучше „Звездного пути“ в мире мыла не найти;

...его качество не ниже, чем звезды;

...оно отмывает до блеска Млечного Пути;

...оно обеспечивает стерильность, которой позавидует космический вакуум;

...от него ты свеж, как воздух после грозы».

И так далее, без конца. Даже во сне я ощущал вкус мыла.

Добро бы я один мучился — папа, мама и мистер Чартон тоже сочиняли рекламные фразы. Я завел блокнот, чтобы записывать лозунги в школе, на работе и даже среди ночи. Однажды, придя домой, обнаружил, что папа соорудил картотеку. Я расставлял карточки в алфавитном порядке, чтобы не повторяться. Это была хорошая идея. Под конец я отсылал до сотни оберток в день. Почтовые расходы били по карману, не говоря уже о том, что мне приходилось платить за часть оберток.

Другие ребята из нашего городка, а может, и кое-кто из взрослых, тоже участвовали в конкурсе, но только я додумался поставить дело на поток. Я приходил домой в десять с дневным урожаем оберток и лозунгов, присовокуплял к

ним полученные у родителей, оттискивал на обертках с внутренней стороны штемпель «Я пользуюсь мылом „Звездный путь“, потому что...», вписывал мой адрес и имя-фамилию. Папа заносил эти лозунги в картотеку. Утром по дороге в школу я заходил на почту с очередной бандеролью.

Взрослые надо мной посмеивались, но с обертками расставались охотно. Шутники – охотнее всех.

Кроме остолопа Квиггла по кличке Туз. Хотя я не назвал бы его взрослым. Это был этакий переросток, малолетний преступник. Наверное, в каждом городке найдется хотя бы один такой Туз. Школу он так и не окончил, хотя мистер Хэнли переводил из класса в класс почти любого, считая, что оставлять на второй год непедагогично. Сколько я помню, Квиггл околачивался на Мэйн-стрит, иногда подрабатывал, чаще просто слонялся.

Туз любил «шутить».

Однажды он застрял у моей стойки. Выпил стакан солодовой газировки за тридцать пять центов, а пространства и времени занял доллара на два. Я как раз уговорил старенькую миссис Дженкинс купить десять кусков мыла и избавил ее от оберток. Только она отошла, как Туз цапнул кусок с витрины и сказал:

– Продаешь мыло, космический кадет?
– Точно, Туз. Отличный товар.
– Куда намылился, капитан? Или правильней коммодором тебя называть? Неужто на Луну? Га! Га! Га! – У Туза

смех как у персонажей комиксов.

– Может быть, – вежливо сказал я. – Берешь?

– А ты уверен, что это стоящее мыло?

– Абсолютно.

– Ладно, куплю штучку. Только для того, чтобы от тебя избавиться.

Вот же скотина! Но вдруг именно эта обертка выиграет?

– Отлично, Туз, спасибо большое. – Я принял деньги, он опустил кусок мыла в карман и повернулся к выходу. – Секунду, Туз. Можно обертку?

Он остановился.

– Чего-чего? – Он вытащил мыло, снял обертку. – Ее, что ли?

– Да, Туз. Спасибо...

– Сейчас увидишь наилучшее применение этой бумажки. – Он взял со стеллажа для сигарет зажигалку, поджег обертку, прикурил от нее сигарету, подождал, пока обертка сгорит почти до пальцев, бросил и растер ногой.

Мистер Чартон наблюдал за нами, стоя у окна.

Туз ухмыльнулся:

– Ну, что скажешь, космический кадет?

Я стиснул совок для мороженого. Но ответил спокойно:

– Да ничего, Туз. Это ведь твое мыло.

Мистер Чартон приблизился и произнес:

– Кип, там нужно коробки распаковать. Иди, я присмотрю за твоей стойкой.

Пожалуй, только эта обертка мне и не досталась.

Конкурс заканчивался первого мая, в аптеке залежалась коробка мыла, и папа с мистером Чартоном решили, что она моя. С обертками я провозился почти до одиннадцати, и мистер Чартон отвез меня в Спрингфилд, чтобы на почте их успели проштемпелевать до полуночи.

Я отослал 5782 лозунга. Вряд ли Сентервилл еще когда-нибудь в своей истории был настолько чист.

Результаты объявили четвертого июля. За эти девять недель я сгрыз ногти до локтей. А жизнь шла своим чередом. Я окончил школу, родители подарили мне часы, выпускники промаршировали перед мистером Хэнли и получили аттестаты. Мне было радостно, хотя то, что я выучил под папиным контролем, отличалось от школьной программы как небо от земли. Все прошло замечательно, был и общешкольный пикник, и прощальный вечер класса, и выпускной бал, и спектакль, поставленный выпускниками, и утренник для выпускников, и совместное гулянье первоклассников и старшеклассников, и все остальные трюки, придуманные, чтобы удерживать в рамках приличий юнцов, впервые в жизни почувствовавших вкус свободы.

Мне случалось отпрашиваться у мистера Чартона пораньше, но редко – голова была занята другим, да и с кем гулять? В начале года было с кем, но Элайн Макмерти предпочитала говорить о парнях и тряпках, а я – о космосе и инженерном деле. Так что вскоре она мне дала отставку.

Окончив школу, я перешел к мистеру Чартону на полный рабочий день. Я все еще не определился насчет колледжа. Да и не думал об этом, только продавал мороженое-сандэ и с замиранием сердца ждал четвертого июля.

Результаты конкурса должны были объявить по телевизору в восемь вечера. Наш телик, черно-белый, с плоской картинкой, не включался месяцами; после того как я его собрал, он мне сразу наскучил. И вот теперь я выволок его из кладовки в гостиную, часа два настраивал, а остаток дня грыз ногти. Ужин в горло не лез. В половине восьмого я уже сидел перед экраном, слушал и не слышал каких-то комиков и перебирал свою картотеку. Вошел папа, сурово глянул на меня и сказал:

– Возьми себя в руки, Кип. И не забывай, что статистика – против тебя.

Я сглотнул.

– Знаю, пап.

– Да по большому счету это и не важно. Если чего-то достаточно сильно желаешь, почти всегда получаешь. Я уверен, что рано или поздно ты попадешь на Луну – так или иначе.

– Да, сэр. Просто хочется, чтобы все скорее кончилось.

– Кончится. Эмма, ты идешь?

– Сейчас, милый, – отозвалась мама.

Она вошла в комнату и села, погладив меня по руке.

Папа откинулся в кресле:

– Ощущения, будто в ночь выборов.

– Как хорошо, что ты с этим развязался, – сказала мама.

– Да ну, радость моя? Тебе же нравилась каждая кампания.

Мама фыркнула.

Актеры ушли с экрана, сигареты станцевали канкан и прыгнули обратно в пачки, ласковый голос принялся вещать, что «канцерогенов не бывает в „Короне“ – безвредных, Безвредных, БЕЗВРЕДНЫХ сигаретах с табаком высшего качества». Тут включилась местная телестанция, показала нам захватывающий вид Сентервиллской деревообрабатывающей и металлообрабатывающей фабрики. Я начал выщипывать волоски с тыльной стороны кисти.

Экран заполнился мыльными пузырями; квартет пропел, что наступает «время „Звездного пути“». Будто мы и так этого не знали. Потом экран погас, звук исчез, а у меня остановилось сердце.

На экране появилась надпись: «Трансляция прервана по техническим причинам».

Я вскрикнул:

– Нет! Только не это!

– Прекрати, Клиффорд, – сказал папа.

Я заткнулся.

– Милый, – вмешалась мама, – ведь он еще мальчик.

– Он не мальчик; он мужчина. Кип, как ты собираешься смотреть в глаза расстрельной команде, если даже такая

ерунда выбивает тебя из колеи?

Я пробормотал что-то невнятное.

– Отвечай четко.

Я сказал, что, в общем-то, не планировал встречи с расстрельной командой.

– Однажды тебе может понадобится железная выдержка. Это хорошая тренировка. Попробуй переключиться на Спрингфилд.

Я попробовал, но на экране был сплошной снег, а звук напоминал кошачий концерт. Я переключился обратно.

«..ерал Брюс Гилмор, Военно-воздушные силы Соединенных Штатов, наш сегодняшний гость, чуть позже продемонстрирует нам прежде не публиковавшиеся снимки Федеральной Лунной базы и новорожденного Луна-Сити, стремительно развивающегося поселения на Луне. Сразу после объявления результатов конкурса мы попытаемся установить телевизионную связь с Лунной базой. Благодаря сотрудничеству с Космическим корпусом и...»

Я глубоко вздохнул и попытался замедлить сердцебиение – вот так же пытаешься успокоиться перед решающим штрафным ударом. Болтовня на экране продолжалась – представляли знаменитостей, объясняли правила конкурса, невероятно слащавые молодожены, глядя в камеру, рассказывали друг другу, почему они пользуются только мылом «Звездный путь». Наверное, сам я, продавая мыло, выражался убедительнее.

Наконец-то... На сцену парадным шагом вышли пять девушек, каждая держала над головой большой транспарант. Ведущий с благоговением провозгласил: «А теперь... теперь... победитель конкурса рекламных лозунгов мыла „Звездный путь“... получает приз... бесплатное путешествие НА ЛУНУ!»

У меня перехватило дыхание.

Девушки запели: *«Мне нравится мыло „Звездный путь“, потому что...»* и далее, одна за другой переворачивая транспаранты: *«...это... чистота... звездного... неба!»*

Я судорожно ворошил картотеку. Кажется, это мой лозунг... но нет уверенности... Немудрено, среди пяти-то тысяч... Наконец нашел – и вновь сверился с экраном.

Папа! Мама!

Я выиграл!

Я ВЫИГРАЛ!

Глава 3

– Погоди, Кип, – буркнул папа. – Держи себя в руках.

– Ах, милый... – сказала мама.

Я услышал ведущего: «...Представить вам счастливого победителя, миссис Ксению Донахью, из Грейт-Фолс, штат Монтана... Миссис Донахью!»

Под звуки фанфар просеменила маленькая пухленькая женщина. Я перечитал слова лозунга. Они совпадали с написанными на моей карточке.

– Пап, что случилось? Это же мой лозунг!

– Дослушай.

– Обманули!

– Не ори. Дослушай.

– Как мы уже объясняли, в случае поступления одинаковых лозунгов выигрывает отправленный раньше. Если они отправлены одновременно, выигрывает тот, который раньше прибыл в жюри. Выигравший лозунг был прислан одиннадцатью конкурсантами. Все они получают призы. Сегодня вместе с нами в студии шестеро победителей. Они выиграли путешествие на Луну, экскурсию на космическую станцию, полет вокруг Земли на реактивном самолете, путешествие в Антарктиду...

Проиграл из-за штемпеля. Почтового штемпеля!

– К сожалению, мы не могли пригласить сегодня всех по-

бедителей. Но для остальных приготовили сюрприз. – Ведущий взглянул на часы. – Прямо в эту минуту в десятках домов по всей стране... прямо в эту секунду... раздается стук в двери счастливых, любителей мыла «Звездный путь»...

Раздался стук. В нашу дверь.

Меня не держали ноги. Дверь открыл папа. На пороге стояли трое мужчин с огромным деревянным ящиком, и курьер «Вестерн юнион» пел гимн «Звездного пути». Кто-то из них спросил:

– Здесь живет Клиффорд Рассел?

– Да, – ответил папа.

– Распишитесь за доставку.

– Что это?

– Не знаем. Все, что здесь написано, – «верх». Куда ставить?

Папа протянул мне квитанцию, я кое-как расписался.

– Нельзя ли внести в гостиную? – спросил папа.

Они внесли и удалились, а я притащил молоток и клещи. Ящик был похож на гроб, и захотелось им воспользоваться.

Я снял крышку. Мамины половики густо усеяла упаковочная стружка. Наконец мы добрались до подарка.

Это был скафандр.

Так себе скафандр, теперь таких уже не делают. Устаревшая и списанная модель, компания «Звездный путь» закупила ее оптом – для поощрительных призов с десятого по сотый. Но все же настоящий скафандр, изготовленный фир-

мой «Гудьер», с воздушным кондиционированием от «Йор-ка» и дополнительным оборудованием от «Дженерал элек-трик». В ящике также нашлись инструкция по эксплуатации и гарантийный талон, из которых следовало, что скафандр более восьмисот часов прослужил на Второй орбитальной станции.

Мне стало чуть легче. Это не подделка, не игрушка. Скафандр побывал в космосе, и я там побываю! Я освою его и пройду в нем по Луне!

– Может, снесем в сарай? – предложил папа.

Мама сказала:

– Некуда торопиться, дорогой. Клиффорд, не хочешь ли примерить его?

Конечно я хотел примерить. С папой мы поладили на том, что отволокли в сарай ящик со стружками, а когда вернулись, в гостиной уже торчали репортер и фотограф из «Горна» – в газете раньше меня узнали о выигрыше. Я счел это нечестным.

Им приспичило меня сфотографировать. Я не артачился.

Влезть в скафандр оказалось ужасно трудно – гораздо труднее, чем, к примеру, одеться в поезде на верхней полке. Тут встрял фотограф:

– Погоди, парень. Я видел на базе «Уилбур Райт», как их надевают. Хочешь совет?

– А? Нет. То есть да, подскажите.

– Нужно проскользнуть внутрь, как эскимос забирается в

свой каяк. Потом просовываешь правую руку вот сюда...

Дело пошло на лад. Я отстегнул грудную часть и уселся в скафандр – правда, все равно чуть не вывихнул плечо. Для подгонки размеров имелись лямки, но мы не стали с ними возиться. Фотограф запихнул меня в скафандр, вернул клапаны на место, помог мне встать на ноги и опустил лицевой щиток гермошлема.

Баллоны с воздухом к скафандру не прилагались, и, пока фотограф делал свои три снимка, мне пришлось дышать содержимым. Тут-то я и убедился, что скафандр хорошо послужил, – пахло в нем грязными носками. Сняв шлем, я с облегчением отдышался.

И все же мне понравилось в скафандре. Чувствуешь себя астронавтом.

Посетители ушли, и мы отправились спать, оставив скафандр на полу в гостиной.

За полночь я на цыпочках прокрался туда и снова примерил его.

Понутру, перед тем как уйти на работу, перетащил его в сарай.

Мистер Чартон проявил деликатность; он сказал только, что хотел бы взглянуть на скафандр, когда у меня будет свободное время.

Все уже всё знали – моя фотография была на первой полосе «Горна», между репортажем о Международном заезде на холм Пайкс-Пик и колонкой «Происшествия». Статья бы-

ла написана ироническим слогом, но я не обиделся. Во-первых, я никогда не верил всерьез, что выиграю, а во-вторых, у меня самый настоящий космический скафандр – завидуйте, одноклассники.

В тот же вечер пришла заказная бандероль от компании «Звездный путь». В ней была накладная на костюм высотный компенсирующий, один экземпляр, серийный номер такой-то, списан ВВС США тогда-то, и письмо. Оно начиналось с поздравлений и благодарностей, но в последних абзацах содержалось кое-что интересное:

Компания «Звездный путь» в полной мере отдает себе отчет, что Ваш приз, возможно, не является для Вас предметом первой необходимости. Поэтому в соответствии с параграфом 4а Правил компания предлагает выкупить его у Вас за пятьсот долларов (\$500.00) наличными. В случае Вашего согласия Вам надлежит вернуть костюм высотный компенсирующий в Специальный отдел оборудования корпорации «Гудьер», г. Акрон, штат Огайо, не позднее 15 сентября сего года.

Компания «Звездный путь» надеется, что Вы удовлетворены своим участием в Большом конкурсе в той же мере, в какой Ваше участие доставило удовольствие нам. Рассчитываем также, что Вы не расстанетесь с Вашим призом вплоть до съемки юбилейной программы «Звездный путь» на Вашей местной телестудии. В случае участия в телепередаче вам гарантирован гонорар в размере пятидесяти

долларов. С Вами свяжется сотрудник Вашей телестудии. Ждем Вас в гости.

Наилучшие пожелания от компании, производящей мыло «Звездный путь» – чистоту звездного неба!

– Пожалуй, надо согласиться, – сказал я.

Папа пожал плечами:

– Не вижу ничего плохого. Телевизор не оставляет шрамов на коже.

– Это верно. Легкие деньги. Наверное, и в самом деле лучше вернуть скафандр...

Я колебался. Мне бы радоваться, деньги – это деньги, а скафандр мне нужен как свинье волынка. Но радости не было, хотя пять сотен долларов в руках я сроду не держал.

– Сынок, я не верю утверждениям, начинающимся со слов «наверное» и в «самом деле...» Ты сам не знаешь, чего хочешь.

– Пятисот долларов почти хватит на семестр.

– Это не важно. Реши, что тебе нужно, и действуй. Никогда не уговаривай себя делать то, что тебе претит. Подумай над этим.

Он сказал «спокойной ночи» и удалился.

Я счел, что сжигать еще не перейденные мосты глупо. До середины сентября скафандр все-таки мой, а там – разберемся. Может, к тому времени он мне надоест.

Нет, не надоел. Скафандр – это чудо техники, маленький космический дом. Хромированный шлем доходил до плеч;

корпус был сделан из кремнийорганики, асбеста и стеклоткани. Все жесткое, кроме сочленений, изготовленных из того же прочного материала, но сохраняющих постоянный объем. Сгибаешь ногу, и сильфонное компенсирующее устройство увеличивает объем над коленной чашечкой настолько же, насколько он уменьшился под коленным сгибом. Без этого было бы невозможно двигаться – в вакууме давление внутри скафандра, которое может достигать нескольких тонн, превратило бы его в статую. Компенсаторы давления были покрыты дюралевой броней, даже над суставами пальцев располагались дюралевые пластинки.

В комплект входил стекловолоконный пояс с креплениями для инструментов. Лямки помогали подогнать рост и вес. За плечами имелись крепления для отсутствующих кислородных баллонов. И великое множество карманов на молниях, внутренних и наружных, для батарей и всего прочего.

Шлем с верхом торсовой части откидывался назад, две передние герметичные застежки-молнии давали доступ внутрь. Задраенный скафандр невозможно открыть, пока внутреннее давление превышает наружное.

И шлем, и грудная часть были усеяны датчиками и переключателями. Шлем был огромен. И немудрено – в него были встроены резервуар для питьевой воды, шесть медицинских контейнеров с каждой стороны, плоские рычажки, нажимаемые подбородком, – справа для переключения режимов рации, слева – для регулирования подачи воздуха. А

еще автоматический поляризатор лицевого щитка, микрофоны, головные телефоны, рация, смонтированная в области затылка, и приборная панель, выгнутая дугой над темнем. Приборная индикация выводилась зеркально и в реальном виде представляла отражением на удобном расстоянии в четырнадцать дюймов от глаз астронавта.

На шлеме, над иллюминатором, крепились сдвоенные фары. Еще выше, на макушке – две антенны, одна для обычной радиосвязи, другая – остронаправленная СВЧ. При работе с ней надо было поворачиваться лицом к принимающей станции. Рупорная антенна СВЧ была бронирована, за исключением излучающего конца.

По моим словам может показаться, что скафандр набит, как дамская сумочка, но на самом деле все очень компактно; голова ни за что не задевает. Смотришь вверх – видишь в зеркальце приборную панель, наклоняешь голову – нажимаешь подбородком рычажки, поворачиваешь налево и направо – получаешь воду и медикаменты. Изнутри шлем покрыт губчатой резиной для защиты головы от ударов.

Скафандр был как дорогой автомобиль, шлем – как швейцарские часы!

Но кое-чего не хватало: кислородных баллонов, устройств связи (за исключением штатных антенн), радиомаяка и аварийного радарного отражателя. Внутренние и наружные карманы были пусты, к поясу не крепились инструменты. Прочтя спецификацию, я понял: перед списанием со скафандра

содрали все, что только можно...

И я решил, что просто обязан довести его до ума.

Сначала отдраил его с «Клороксом», чтобы избавиться от запаха носков. Потом принялся отлаживать систему снабжения кислородом.

Хорошо, что прислали инструкцию, – бóльшая часть того, что я раньше знал о скафандрах, оказалась выдумкой.

Человек потребляет в сутки около трех фунтов воздуха – имеется в виду масса, а не фунты на квадратный дюйм. Кажется бы, это немного и можно взять хоть месячный запас, благо в космосе масса лишена веса, а на Луне те же три фунта будут весить всего полфунта. Что ж, так и делают водолазы, а еще астронавты на космических станциях и кораблях. Они пропускают выдыхаемый воздух через раствор щелочи, чтобы удалить углекислый газ, и снова дышат этим же воздухом. Но со скафандром так не получится.

Даже в наши дни люди рассуждают о «космическом холоде». Но в открытом космосе – вакуум, а если бы вакуум был холодным, как бы работал термос? Вакуум – это ничто, у него нет температуры. Просто он хороший теплоизолятор.

Три четверти съеденной нами за один присест пищи превращается в тепло – огромное количество калорий, достаточно, чтобы растопить больше пятидесяти фунтов льда. Трудно поверить? Но когда у вас в камине ревет огонь, вы почему-то раздеваетесь, то есть охлаждаете свое тело. Даже зимой в комнате градусов на тридцать прохладнее, чем у вас

под мышкой². Крутя ручку термостата на камине, вы тем самым выбираете наиболее комфортный режим охлаждения. Тело, как и мотор автомобиля, нельзя перегревать. Оно вырабатывает столько тепла, что приходится избавляться от излишка.

Конечно, если делать это слишком быстро – например, на ледяном ветру, – то можно замерзнуть. Но в скафандре задача противоположная – не свариться заживо. Ведь кругом вакуум, а в нем избавляться от тепла трудно.

Какая-то часть тепла излучается, но этого недостаточно. Добавляют калорий и солнечные лучи – вот почему космические корабли отполированы до зеркального блеска.

Как же быть?

Носить с собой пятидесятифунтовые бруски льда невозможно. Приходится избавляться от тепла так же, как на Земле, путем конвекции и испарения – тело обдувает ветерком, пот сохнет и охлаждает. Когда-нибудь появятся скафандры с замкнутой системой охлаждения, но пока приходится выпускать тепло из скафандра вместе с потом и углекислотой – и жертвовать на это часть кислорода.

Есть и другие проблемы. В атмосферное давление – пятнадцать фунтов на квадратный дюйм – входит три фунта давления кислорода. Для дыхания хватает и половины, однако кто, кроме индейца с вершин Анд, способен неплохо себя чувствовать при давлении кислорода меньше двух фунтов?

² То есть приблизительно двадцать градусов по Цельсию.

Девять десятых фунта – это предел. Примерно такое давление на вершине Эвереста, и оно едва закачивает кислород в кровь.

Большинство людей при столь низком давлении будет страдать от гипоксии, так что в скафандре должно быть два фунта кислорода на квадратный дюйм. К нему подмешивают инертный газ, потому что чистый кислород может вызвать жжение в горле, опьянение и даже сильные судороги. Нельзя использовать азот (который с воздухом мы вдыхаем всю жизнь), потому что при резком понижении давления он закипит в крови и вы получите кессонную болезнь. Поэтому применяется гелий. От него голос становится писклявым, но кого это волнует?

Итак, вы можете умереть от нехватки кислорода, отравиться избытком кислорода, загнуться от азота, задохнуться углекислым газом или получить от него кислотное отравление, умереть от лихорадки, вызванной обезвоживанием. Закончив читать инструкцию, я диву дался: ладно – в скафандре, но как человек вообще ухитряется жить?

Но вот он передо мной – скафандр, который защищал человека от беспощадного космоса сотни часов.

Объясню, как ему это удавалось. К спине крепятся стальные баллоны с «воздухом» (кислородно-гелиевой смесью) под давлением сто пятьдесят атмосфер, или более двух тысяч фунтов на квадратный дюйм. Оттуда воздух выходит через редуктор уже под давлением в сто пятьдесят фунтов

на дюйм, потом через другой редуктор давление доводится до трех-пяти фунтов, два из которых приходится на кислород. Шею охватывает резиново-силиконовый воротник с крошечными дырочками. Таким образом, давление на корпус уменьшается, а движение воздуха ускоряется; от этого испарение и охлаждение идет лучше и снижается вероятность кессонной болезни. На каждом запястье и лодыжке – выпускные клапаны, они стравливают не только газ, но и водяной пар – иначе вы окажетесь по щиколотку в собственном поту.

Баллон громоздок, весит фунтов шестьдесят. И даже при таком огромном давлении в нем не больше пяти фунтов воздуха. Так что запаса хватает на несколько часов – какой уж там месяц.

Мой скафандр был рассчитан на восемь часов. Но зато с гарантией – если, конечно, все работает как надо. Можно продлить срок, от перегрева человек сразу не умрет, при избытке углекислоты еще подышит. Но если выйдет кислород, вы скончаетесь примерно через семь минут. Так что возвращаемся к началу – чтобы жить, надо дышать.

Чтобы точно знать, что кислород поступает в достатке (а носом этого не учуешь), на ухо нужно прикрепить маленький фотоэлемент, контролирующий цвет крови. Чем краснее кровь, тем больше в ней кислорода. Элемент связан с гальванометром. Если его стрелка вышла за черту, начинайте молиться.

В выходной я снял со скафандра патрубки и поехал в Спрингфилд. В магазине подержанных инструментов мне посчастливилось купить два старых тридцатидюймовых газовых баллона для сварки. К неудовольствию продавцов, я заставил их проверить баллоны на давление. Вернувшись на автобусе с покупками, высадился у гаража Принга. Там мне закачали в баллоны воздух под давлением пятьдесят атмосфер.

В аэропорту Спрингфилда можно было заправиться под более высоким давлением и кислородом, и гелием, но пока мне это не требовалось.

Придя домой, я загерметизировал пустой скафандр и накачал его велосипедным насосом до двух абсолютных атмосфер, или одной рабочей. Это дало мне четырехкратную испытательную нагрузку. Затем я принялся за баллоны. Они должны были блестеть как зеркало, чтобы не нагреваться от Солнца. Так что я и скоблил, и тер, и скреб, и шлифовал, и полировал – готовил их к никелированию.

К утру мой скафандр (к тому времени он уже получил имя, я назвал его «Оскар, механический человек»³) обмяк, как воздушный шарик.

Вот же беда! Ведь этот древний скафандр должен держать не простой воздух, а смесь кислорода с гелием. Молекулы гелия настолько малы и подвижны, что просачиваются сквозь

³ Механический человек по имени Оскар – герой комиксов, публиковавшихся в США в начале 1940-х гг.

обычную резину, — а я хотел, чтобы скафандр был пригоден не только для маскарада, но и для работы в космосе. Старые сальники не держали; мелких утечек была тьма-тьмушая.

Новые резиново-силиконовые прокладки, особый клей, специальную ткань пришлось заказать аж в самой компании «Гудьер» — в нашем городке таких вещей не сыщешь. Я написал письмо, объяснил, что мне нужно и зачем, — и с меня даже денег не взяли. Еще и прислали mimeографированные инструкции.

Пришлось здорово попотеть. Однако настал день, когда я накачал Оскара чистым гелием при двух абсолютных атмосферах.

Даже через неделю он оставался тугим, как шестислойная шина.

И тогда я влез в Оскара по-настоящему. До этого надевал его без шлема и носил в мастерской, учился держать инструменты в перчатках, подгонял размеры. Это было похоже на то, как обкатываешь новые коньки. Через некоторое время я почти не замечал его — однажды даже к ужину в нем явился. Папа промолчал, а у мамы выдержка была как у полномочного посла; я спохватился, только когда потянулся за салфеткой.

И вот я выпустил гелий, наполнил баллоны воздухом и приладил их. Потом опустил шлем и застегнул замки.

Тихо шуршал воздух в шлеме, запрашивающий клапан в такт дыханию регулировал его поступление; замедлять или

ускорять его работу я мог движениями подбородка. Наблюдая за шкалами приборов в зеркале, попробовал поднять давление и довел его до двадцати абсолютных фунтов. Таким образом, избыточное давление дошло до пяти фунтов – максимальное приближение к условиям космоса, которое можно получить на Земле.

Я почувствовал, как скафандр раздулся, его сочленения стали плотнее и крепче. Зафиксировав эту разницу в пять фунтов, я попробовал пройтись.

И чуть не свалился. Хорошо, что ухватился за верстак.

Полностью экипированный, с баллонами за спиной, я весил в два с лишним раза больше, чем без скафандра. Кроме того, хотя сочленения имели компенсаторы объема, под давлением они не очень-то сгибались. Суньте ноги в тяжелые болотные сапоги, наденьте пальто, натяните боксерские перчатки, нахлобучьте на голову ведро, потом попросите кого-нибудь взвалить два мешка цемента вам на плечи, и вы поймете, как чувствуешь себя в скафандре при силе тяжести 1 g.

Однако минут за десять я притерпелся, а через полчаса чувствовал себя так, будто всю жизнь провел в скафандре. Вес распределялся равномерно и не слишком давил. Я знал, что на Луне он будет еще меньше. Чтобы справляться с сочленениями, следовало просто прикладывать чуть больше усилий. Научиться плавать было сложнее.

День выдался погожий: я вышел на улицу и глянул на

солнце. Поляризатор умерял блеск, и на светило можно было смотреть. В прочих направлениях свет не поляризовался, видимость была хорошей.

В скафандре было не жарко. Воздух, охлажденный путем полуадиабатического расширения (так гласила инструкция), овеивал голову, обтекал весь скафандр и выходил через выпускные клапаны, унося тепло. В инструкции утверждалось, что нагревательные элементы используются редко, так как обычно проблемой является охлаждение. Однако я решил достать сухого льда и протестировать термостат и нагреватель.

Я опробовал все, что мог придумать. По окраине нашего городка протекает ручей, а за ним лежит выгон. Шлепая через ручей, я оступися и рухнул – плохо, когда не видишь, куда ставишь ноги. Свалившись, я некоторое время лежал, почти весь под водой. Я не промок, не замерз, не нагрелся, и дышать было легко, хотя вода плескалась над шлемом.

Я с трудом выбрался на берег и снова упал, ударившись шлемом о камень. Никаких повреждений, Оскар был приспособлен к таким случаям. Я встал на колени, поднялся и пересек выгон, спотыкаясь на кочках, но не падая. На пути попался стог сена, и я зарылся в него.

Прохладный свежий воздух... Не волнуюсь, не потею.

Я снял скафандр через три часа.

Как и в высотных костюмах летчиков, в нем были специальные туалетные приспособления, но я еще не настроил их,

поэтому снял скафандр прежде, чем кончился воздух.

Расправляя скафандр на специальной вешалке, которую сам соорудил, я похлопал его по наплечнику и сказал:

– Ну что ж, Оскар, ты молодец. Мы с тобой партнеры. По-
дожди, еще попутешествуем.

И плевал я на пятьсот долларов!

Пока Оскар проходил проверку давлением, я копался в его электрической и электронной оснастке. Я не стал возиться с отражателем и маяком; первая конструкция была такой простой, что и ребенок справится, а вторая – чертовски дорогой. Но мне нужна была радиосвязь в том диапазоне, что используется для работы в космосе (антенны действовали только на этих частотах). Проще было собрать обычную рацию и прикрепить ее к поясу – но этим я обманул бы сам себя, имея неверную частоту и устройство, которое может не выдержать вакуума. Перепады давления, температуры и влажности запросто выводят из строя электронные устройства, поэтому передатчик должен находиться в шлеме.

В инструкции приводились схемы, и я занялся делом. Слуховые и модуляционные контуры особой проблемы не представляли – всего лишь транзисторные, на батарейках, которые я и сам легко мог сделать достаточно миниатюрными. Но вот УКВ-блок...

Это было нечто вроде двухголового тельца: двоякая рация, у каждой половины свой передатчик и свой прием-

ник; волна в один сантиметр для рупорной антенны и на три октавы ниже – восемь сантиметров – для штыревой, в точном гармоническом соответствии, так что обе частоты мог стабилизировать один и тот же кварц. В результате получался более сильный сигнал при ненаправленной передаче и лучшая направленность при переходе на рупор; кроме того, при смене антенны переключалась только часть схемы, а не вся. Схема была проста – на бумаге.

Но высокочастотная электроника – не фунт изюма; здесь требуется тщательность. Малейшая неточность может вывести из строя выходное сопротивление и сбить математически рассчитанный резонанс.

И все же я попытался что-то сделать. Синтетические кристаллы дешево продаются в магазинах списанной техники, некоторые транзисторы и другие компоненты я выдрал из собственных приборов. И проклятая штука в конце концов заработала. Правда, она никак не лезла в шлем.

Что ж, будем считать это моральной победой – ничего лучше я еще не делал своими руками.

В конце концов я купил готовое устройство – у той же фирмы, где раньше приобретал кварцы. Так же как и скафандр, для которого она выпускалась, рация была устаревшей и досталась мне по бросовой цене. Но к тому времени я готов был душу прозакладывать – так хотелось, чтобы скафандр действовал.

Мою задачу сильно затрудняло то, что все электронное

оборудование должно быть абсолютно безотказным; в космосе вы не заскочите на ближайшую станцию техобслуживания, если что-то сломается. Либо все работает безупречно, либо вас вносят в списки погибших. Поэтому на шлеме было две фары – вторая включалась, если отказывалась первая. Даже индикация приборной панели дублировалась. Я не стал экономить – восстановил все продублированные схемы и убедился, что их автоматическое переключение работает надежно.

Мистер Чартон заставил меня оснастить Оскара фармакологией точно по инструкции: мальтоза, декстроза, белковые таблетки, витамины, декседрин, драмамин, аспирин, антибиотики, антигистамины, кодеин. Все это поможет выжить почти в любой критической ситуации. Еще он попросил доктора Кеннеди выписать рецепты, чтобы я мог купить медикаменты, не нарушая закона.

Таким образом, я привел Оскара в отличную форму – в такой же он пребывал когда-то на Второй орбитальной станции. И это оказалось даже интереснее, чем когда я помогал Джейку Биксби переделывать его консервную банку на колесах в консервную банку с форсированным двигателем.

Однако лето подходило к концу, и из мира грез пора было выныривать. Я все еще не знал, в какой университет мне поступать, да и поступать ли вообще. Деньги у меня подкопились, но их все равно было маловато. Пришлось потратиться на обертки и почтовые расходы; впрочем, они с лихвой

окупились пятнадцатиминутным появлением на телеэкране. С самого марта я ни гроша не потратил на девчонок – было не до них. Починка Оскара обошлась на удивление дешево, хоть и пришлось попотеть и поработать отверткой. Семь долларов из каждых десяти заработанных оседали в корзинке.

Но этого было мало.

Я мрачно подумывал, что придется-таки продать Оскара, чтобы оплатить первый семестр. Но как быть со вторым? Джо Храбрец, герой Америки, всегда приходит в кампус с пятьюдесятью центами и золотым сердцем, а после серии подвигов становится членом студенческого общества «Череп и кости» и обладателем кругленькой суммы в банке. Но какой из меня Джо Храбрец? Что толку поступать, если после Рождества придется бросить? Может быть, умнее отложить это дело на год и познакомиться с кайлом и лопатой?

А есть ли у меня выбор? Единственный вуз, в который я наверняка могу поступить, – это университет штата. Но там некстати разразился скандал, поувольняли профессоров и пахнет потерей лицензии. Ну не смешно ли – вкалывать несколько лет ради бесполезного диплома, выданного опорочившим себя университетом?

Впрочем, этот университет и до скандала считался второсортным.

Ренесселеровский политехнический и Калифорнийский технологический отшили меня в один и тот же день. Первый прислал стандартный отказ, а второй – письмо с вежливым

объяснением, что этот вуз не в состоянии принять всех абитуриентов.

Мало того, раздражали всякие мелочи. Единственным утешением после того телешоу служили пятьдесят баксов. Человек в скафандре посреди студии и так выглядит по-дурачки, а ведущий вдобавок пытался веселить зрителей, стуча в стекло шлема и спрашивая, там ли я еще. Очень смешно. Он спросил, что я собираюсь делать со скафандром, а вместо моего ответа пустил в эфир запись с какой-то чушью про космических пиратов и летающие тарелки. Половина жителей городка поверила, что голос – мой.

На это можно было бы и наплевать, если бы снова не появился Туз Квиггл. Он где-то пропадал все лето, может, тянул срок, но на следующий день после шоу уселся напротив стойки с газировкой, уставился на меня и спросил громким драматическим шепотом:

– Слушай, это не ты ли, часом, знаменитый космический пират и телезвезда?

– Что будешь пить?

– Надо же! А можно автограф? В жизни не видал живого космического пирата!

– Заказывай, Туз. Или освободи место.

– Шоколадный солодовый, коммодор, – только без мыла.

Туз «шутил» всякий раз, как появлялся в магазине. Лето было страшно жаркое, и вскипеть было легче легкого. В пятницу накануне Дня труда у нас сломался кондиционер, сле-

сать не пришел, и я провел за починкой три жутких часа. В результате испортил свои лучшие штаны и умылся потом.

Я отстаивал последние часы за стойкой и мечтал о ванне, когда Туз ввалился в магазин, развязно меня приветствуя:

– Кого я вижу! Это же Капитан Комета⁴, Гроза Звездных Путей! Где же ваш бластер, Капитан? И вы не боитесь, что император Галактики оставит вас после уроков за беготню без штанов? Гы! Гы! Гы!

Девчонки возле стойки захихикали.

– Отвали, Туз, – устало сказал я. – Жарко сегодня.

– Так вот почему ты не надел резиновые подштанники!

Девчонки снова захихикали.

Туз самодовольно ухмыльнулся и продолжил:

– Слушай, малец, раз уж обзавелся клоунским балахоном, почему не носишь его на работе? Представь рекламу в «Горне»: «Есть скафандр – готов путешествовать!» Гы! Гы! Гы! Или можешь подрабатывать пугалом на огороде.

Девчонки заржали. Я досчитал до десяти, потом еще раз – по-испански, потом – по-латыни и резко проговорил:

– Так чего тебе, Туз?

– Как обычно. И шевелись – у меня свидание на Марсе.

Мистер Чартон вышел из-за своего прилавка, присел за столик и попросил холодный лимонный коктейль. Конечно, я обслужил его первым. Это остановило поток остроумия и, возможно, спасло Квигглу жизнь.

⁴ Герой комиксов, популярных в начале 1950-х.

Вскоре мы с боссом остались одни. Он тихо произнес:

– Кип, почтительное отношение к живым существам не обязывает нас уважать очевидные ошибки природы.

– Сэр?

– Можешь больше не обслуживать Туза. Мне не нравится, как он себя ведет.

– А, не расстраивайтесь. Он безобидный.

– Так уж и безобидный? Знать бы, насколько тормозят развитие цивилизации гогочущие болваны, безмозглые идиоты... Иди домой, завтра тебе рано вставать.

Семья Джейка Биксби пригласила меня провести День труда на лесном озере. Я и рад бы – хотелось не только спастись от жары, но и обсудить мои проблемы с Джейком. Однако я ответил:

– Что вы, мистер Чартон. Я не могу оставить вас без помощника.

– В праздники посетителей мало, можно вообще не торговать газировкой. Отдыхай на здоровье. Этим летом ты хорошо потрудился, Кип.

Я дал себя уговорить, но остался до самого закрытия и даже подмел в магазине. Потом потащился домой, напряженно размышляя.

Вечеринка закончилась, пора убирать игрушки. И деревенскому дурачку понятно, что скафандр мне ни к чему. Не то чтобы меня задевали шуточки Туза... но скафандр действительно не нужен – а вот деньги нужны. Даже если

и Стенфордский университет, и Массачусетский технологический институт, и Университет Карнеги отклонят мои документы, в этом семестре я все равно начну учиться. Университет штата плох – но и я далеко не гений. Вдобавок я уже понял, что от студента зависит больше, чем от учебного заведения.

Мама уже легла спать, папа читал. Я поздоровался и пошел в сарай, чтобы снять с Оскара мое оборудование, упаковать его в ящик, написать адрес, а утром позвонить в службу экспресс-доставки. Его уже не будет, когда я вернусь с лесного озера. Легко и просто.

Он висел на своей вешалке, и показалось, что он мне улыбнулся. Чепуха, конечно. Я подошел и похлопал его по плечу:

– Ну, старик, ты хороший друг, с тобой было приятно общаться. Увидимся. На Луне, надеюсь.

Однако Оскару не бывать на Луне. Оскар отправляется в Акрон, штат Огайо, в Специальный отдел оборудования. Там с него свинтят все сколько-нибудь годное, а остальное выкинут на свалку.

У меня пересохло во рту.

Ничего, дружище, сказал Оскар.

Видали? Да что это со мной? Оскар, конечно, молчал; это мое воображение распоясалось. Так что я перестал похлопывать скафандр, выволок ящик и снял с пояса Оскара гаечный ключ, чтобы отвинтить баллоны.

И замер.

Баллоны были заправлены, один кислородом, другой смесью кислорода и гелия. Я на это потратился, хотел хоть разок нюхнуть, чем дышат астронавты.

Батареи были свежие, аккумуляторы заряжены.

– Оскар, – сказал я с дрожью в голосе, – давай, что ли, пройдемся напоследок?

Класс!

Я расстарался, как перед решающей поверкой, – вода в бачке, аптечка заряжена, еще одна герметичная аптечка (я надеялся, что герметичная) в наружном кармане. Инструменты на поясе, подстрахованы стропками, чтобы не уплыли в невесомости. Все в порядке.

Затем я запустил контур – мне бы не поздоровилось, если бы о нем узнала Федеральная комиссия по связи. Я поставил его, когда делал рацию для скафандра. Собирался тестировать им «уши» Оскара и остронаправленную антенну. Контур был сцеплен с эхо-ответчиком – эту штуку я вытащил из проволочного магнитофона выпуска 1950 года.

Итак, я залез в Оскара и застегнулся.

– Штатно?

Штатно!

Я глянул на приборную индикацию, оценил цвет крови, убавил давление так, что Оскар едва не съжился. При нормальном наружном давлении недостаток кислорода мне не грозил; не отравиться бы от избытка.

Мы уже выходили, когда я кое-что вспомнил.

– Секунду, Оскар.

Я написал предкам, что на озеро уеду рано утром – первым автобусом. До того приноровился к скафандру, что мог не только писать – вдел бы и нитку в иголку. Я подсунул записку под дверь кухни.

Мы перебрались через речушку – брод меня уже не смущал – и пошли по пастбищу. Я привык к Оскару и твердо стоял на ногах.

Выйдя на поле, я включил рацию:

– Я «Майский жук», вызываю «Чибиса». «Чибис», прием...

Через несколько секунд эхоответчик ответил моим голосом:

– Я «Майский жук», вызываю «Чибиса». «Чибис», прием...

Я переключился на прием. В темноте нелегко было найти нужную клавишу, но у меня получилось. Потом я вернулся на остронаправленную антенну. Смещаясь по выгону, я продолжал вызывать «Чибиса» и связываться с венерианской базой в условиях неизвестной топографии и непригодной для дыхания атмосферы. Все работало как часы, и будь я вправду на Венере, чувствовал бы себя отлично.

Два огня пересекли небо на юге. Самолеты или вертолеты. Некоторые психи такие явления громогласно объявляют летающими тарелками. Я проводил огни взглядом, вышел из-

за холма, создающего радиотень, и снова вызвал «Чибиса». Тот ответил, но... мне надоело. Сколько можно разговаривать с тупым контуром, который может только попугайничать?

Вдруг я услышал:

– «Чибис» – «Майскому жуку»! Прием!

Я подумал, что мою шарманку засекли и сейчас начнутся проблемы, но потом решил, что это какой-нибудь радиолоубитель. И ответил:

– «Майский жук» на связи. Я вас слышу. Кто вы?

Сработал автоповтор.

Чужой голос прокричал:

– Я «Чибис»! Прошу посадки!

Это было глупо, конечно. Но я рефлекторно произнес:

– «Майский жук» – «Чибису». Переходите на частоту один сантиметр и не прекращайте связи. Говорите что-нибудь!

Я переключился на прием.

– «Майский жук», вас слышу. Пеленгуйте меня. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

– Вы южнее меня, азимут сорок. Кто вы?

Один из тех огней, не иначе...

Это было все, что я успел подумать. Космический корабль сел чуть ли не на голову мне.

Глава 4

Это был именно космический корабль, из тех, что строятся на орбите, не какая-нибудь ракета. Ни грохота, ни пламени – похоже, двигателем ему служил святой дух, а топливом – чистота помыслов.

Впрочем, когда тебя собираются прессовать такой массой, не до подробностей. Скафандр астронавта при нормальной силе тяжести – это вам не трико, хорошо, что я к нему уже приспособился.

Корабль приземлился в точности там, где я только что стоял, и занял до неприличия большую часть пастбища. Возник огромный темный силуэт.

С мягким шипением опустился второй корабль.

У первого открылся люк. Хлынул свет, из шлюза выскользнули две тени и припустили бегом. Одна двигалась изящно, как кошка, другую явно стеснял скафандр. Что ни говори, дурацкий вид у человека в скафандре. Росту у этого было от силы футов пять, и походил он на пряничного мальчика из сказки.

Что в скафандре мешает, так это узкий сектор обзора. Наблюдая за силуэтами, я не заметил, как открылась дверь второго корабля. Первая фигура остановилась, поджидая вторую, в скафандре и вдруг упала. Раздался вздох: «Ииииох!» – и тяжкий удар.

Вскрик боли ни с чем не спутаешь. Я спотыкающейся рысцой подбежал к ним, наклонился, пытаюсь рассмотреть, и навел прожектор шлема на лежащего...

...пучеглазого инопланетного монстра...

Стыдно, но это была моя первая мысль. Я глазам не поверил и ущипнул бы себя, если бы скафандр позволил.

Непредвзятый разум (а мой таковым не был) заметил бы, что этот монстр довольно симпатичен. Невелик, мне по пояс, элегантен – но грация не девичья, а скорее как у леопарда, хотя и это сравнение хромает. Я не мог понять, на кого он вообще похож. Никаких ассоциаций.

Но он был явно нездоров. Трясся, как перепуганный кролик. Широко открывал глаза – огромные, но мутные, тусклые, словно закрытые мигательной перепонкой. И то, что должно быть его ртом...

Больше я ничего не увидел. Что-то шарахнуло меня по хребту, точно между баллонами.

Я очнулся на голом полу. Вверху был потолок. Не сразу собрался с мыслями, а собравшись, обалдел. Что за бредни?! Я выгуливал Оскара... потом приземлился космический корабль... и этот пучеглазый...

Заметив, что Оскара на мне нет, я рывком принял сидячую позу.

– Эй! – окликнул тонкий голосок. – Привет!

Я дернул головой. На полу, откинувшись на стену, сидел

пацан лет десяти. Он... Или не он? Мальчишки, как правило, не нянчатся с тряпичными куклами. Это дитя в том возрасте, когда разница между мальчишкой и девчонкой не очень бросается в глаза.

Дитя было одето в рубашку, шорты и грязные теннисные туфли. Да и острижено коротко, так что я мог ориентироваться только на тряпичную куклу.

– И тебе привет, – сказал я. – Как дела?

– Пытаюсь выжить. Насчет тебя – не знаю.

– Что-что?

– Выживаю. Дышу. Берегу силы. Больше здесь пока нечего делать, нас заперли.

Я огляделся. Комната примерно десяти футов шириной, с четырьмя стенками, но не прямоугольная, а этаким клином, и никаких вещей, кроме тех, что на нас. Двери я не заметил – выйти некуда.

– Кто запер?

– Да они, космические пираты. И этот...

– Космические пираты? Не говори глупостей.

Ребенок пожал плечами:

– Просто я их так называю. Только их лучше не считать глупыми, если хочешь выжить. Ты «Майский жук»?

– От жука слышу.

Космические пираты, подумать только! И так выбит из колеи, а тут еще эта чушь... Где Оскар? Где я сам?

– Да я не про того жука. «Майский жук» – позывной. А

я «Чибис». Понятно?

Ага, понятно. Дружище Кип, ноги в руки – и к психиатру... Дойди потихоньку до ближайшей больницы и сдайся. Когда собранная тобой схема прикидывается тощей девчонкой с тряпичной куклой, это значит, что ты свихнулся. Впереди мокрые обертывания, транквилизаторы и никаких развлечений. Доигрался.

– Ты «Чибис»?

– Да, так меня называют. Но я не обижаюсь. Понимаешь, слышу я в эфире «„Майский жук“ – „Чибису“, прием» – и думаю: наверное, папа меня разыскал и поднял тревогу. Чтобы кто-нибудь помог мне приземлиться. Но если ты не «Майский жук», ты ничего знать не можешь. Ты кто?

– Постой, я и есть «Майский жук». То есть это мой позывной. А вообще-то, я Клиффорд Рассел, можно просто Кип.

– Приятно познакомиться, Кип.

– Взаимно, Чибис. Слушай, а ты мальчик или девочка?

Эк она вспыхнула!

– Ты мне за это ответишь! Конечно, для своего возраста я невысокая, но мне уже одиннадцать, скоро будет двенадцать. И нечего грубить. Лет через пять будешь умолять, чтобы станцевала с тобой хоть разок.

В тот момент я предпочел бы танцевать с табуреткой, но не стал спорить.

– Ну извини, Чибис. Я еще в себя не пришел. Ты хочешь сказать, что была в том первом корабле?

Кажется, она опять обиделась.

– Вообще-то, я его вела.

...Снотворное, психоанализ... А ведь я еще так молод...

– Ты – пилотировала космический корабль?!

– А кто, по-твоему, Мамми, что ли? Она бы с рычагами не справилась. Сидела рядом и подсказывала. Но если думаешь, что это так просто, то ошибаешься. Раньше я летала только на «сессне» с папой под боком и никогда сама не приземлялась. И у меня получилось! А ведь на посадку ты заводил неважно. Что же они сделали с Мамми?

– С кем?

– Ты не знаешь? Боже мой!

– Минуточку, Чибис. Давай настроимся на одну частоту. Допустим, я «Майский жук». Допустим, вел тебя на посадку, – и если думаешь, что я каждый день слышу голоса из ниоткуда, требующие срочной посадки, то ты тоже ошибаешься. Так вот, приземлился корабль, за ним другой, в первом открылся люк и выпрыгнул типчик в скафандре...

– Это была я.

– ...потом кто-то еще выскочил...

– Мамми.

– Однако далеко она не ушла. Вскрикнула и свалилась. Я подошел посмотреть, в чем дело, и кто-то меня вырубил. Дальше – твои слова: «Эй, привет!»

Я сомневался, говорить ли ей, что все наблюдаемое и ощущаемое, вплоть до нее самой, возможно, глюки от морфина.

Должно быть, на самом деле я лежу в больнице с загипсованным позвоночником.

Чибис задумчиво кивнула:

– Наверное, попали слабым зарядом. Иначе бы тебя здесь не было. Ну что ж, раз ты схвачен и я схвачена, то почти наверняка поймали и ее. Боже мой! Надеюсь, ей не очень досталось.

– Судя по виду, она умирала.

– Судя по виду, возможно, она умирала, – поправила Чи-бис. – Сослагательное наклонение. Я сильно сомневаюсь. Мамми очень трудно убить, да они и не стали бы, разве что в безвыходной ситуации. Она нужна им живой.

– Почему? И почему ты называешь ее Мамми?

– Кип, не все сразу. Она Мамми, потому что... ну, потому что это так и есть. Познакомишься с ней – сам поймешь. А почему не убили бы – да потому, что как заложник она ценнее, чем как труп. По этой же причине и меня здесь держат. Хотя она гораздо ценнее, чем я, – меня бы списали не моргнув глазом, начини я дергаться. Да и тебя тоже. Но раз ты говоришь, что она была жива, значит ее поймали и заперли. Может быть, прямо здесь, за стенкой. Знаешь, мне даже полегчало.

Мне – нисколько.

– Ладно, а где мы вообще?

Чибис взглянула на часы с Микки-Маусом, нахмурила лоб и произнесла:

– На полпути к Луне, по-моему.

– Чего-чего?!

– Ну, точно я не могу сказать. Но разумно предположить, что они решили вернуться на свою ближайшую базу. Именно оттуда мы с Мамми пытались сбежать.

– Хочешь сказать, что мы на корабле?

– Либо на том, который я украла, либо на втором. А где же еще ты мог оказаться?

– В психушке.

Она сделала большие глаза, потом ухмыльнулась:

– А с чего бы, Кип? Неужто у тебя такая слабая связь с реальностью?

– Теперь я ни в чем не уверен. Космические пираты, инопланетные мамочки...

Она нахмурилась и погрызла ноготь большого пальца.

– Пожалуй, и впрямь все это способно сбить с толку. Но ты верь себе. Я вот никогда не теряю связи с реальностью, можешь не сомневаться. Видишь ли, я гений.

Это была не похвальба, а констатация факта, и мне почему-то не захотелось оспаривать заявление, хоть оно и прозвучало из уст тощего ребенка с тряпичной куклой в руках.

Однако я не понимал, какой нам прок от этой гениальности.

– Космические пираты... хм... – продолжала Чибис. – Дело не в названии. Они действуют по-бандитски, орудуют в космосе – как еще их назовешь? Что же касается Мамми...

подожди, пока не познакомишься с ней.

– А что она делает в этой заварухе?

– Ну, это сложно. Лучше бы сама объяснила. Она полицейский. Охотилась за ними...

– Полицейский?

– Боюсь, это опять проблема семантической адекватности. Мамми знает, что мы подразумеваем под словом «полицейский», и, похоже, считает это понятие запутанным до абсурда. Но как ты назовешь человека, который ловит злодеев? Полицейский, разве нет?

– Пожалуй, да.

– Ну вот. – Чибис снова посмотрела на часы. – А сейчас нужно как-нибудь закрепиться. Через несколько минут пересечем среднюю точку траектории, а при маневре «полупетля» теряешь ориентацию в пространстве, даже если привязан.

Я знал об этом маневре только по книжкам и никогда не слышал о том, чтобы его проделывали в космосе. А в космосе ли мы? Пол подо мной тверд, как бетон, и столь же неподвижен.

– Не вижу, за что тут можно зацепиться.

– Боюсь, что ты прав. Но если усядемся, где поуже, и попробуем упереться ногами, то, возможно, удержимся. Потопись, мои часы могут отставать.

Мы переместились в узкую часть комнаты, где между сходящимися стенами было не больше пяти футов, и уселись

на пол лицом друг к другу. Как альпинисты в расщелине, уперлись ступнями в ступни. Точнее, мои ступни в носках упирались в ее кроссовки. Мои кроссовки, должно быть, так и стоят на верстаке. Подумалось, что, если пираты бросили Оскара на пастбище, папа может его найти.

– Держись крепче, Кип, и хватайся руками за палубу.

Я так и сделал.

– Откуда ты знаешь, когда мы будем переворачиваться?

– Так я же не теряла сознания. Меня просто схватили и затащили в корабль, поэтому я помню, когда был старт. Если предположить, что мы летим на Луну, а скорее всего, это так, и что полетное ускорение равняется одному g – а это тоже похоже на правду, ведь я чувствую, что вешу как обычно...

А ты чувствуешь?

– Пожалуй, – сказал я, прислушавшись к ощущениям.

– Значит, так оно и есть, хотя я могу ошибаться – слишком долго пробыла на Луне. Итак, если мои предположения верны, то путешествие почти наверняка займет три с половиной часа. – Чибис взглянула на часы. – Расчетное время прибытия – девять тридцать утра, а разворот – в семь сорок пять. С минуты на минуту.

– Разве уже так поздно? – Я посмотрел на свои часы. – А на моих четверть второго.

– Это в твоём часовом поясе. А мои часы поставлены по лунному времени, то есть по Гринвичу. Ой-ой! Началось!

Пол накренился, вздыбился, опрокинулся, как будто мы

мчались на американских горках. Мои полукружные каналы сплясали самбу.

Все постепенно вставало на свои места. Я очухивался после приступа головокружения.

– С тобой все в порядке? – спросила Чибис.

Я с трудом сфокусировал глаза:

– Вроде бы. Как после полуторного сальто над пустым бассейном.

– Мне никогда не хватало духу так резко разворачиваться. Вообще-то, это не больно, а глаза скоро придут в норму. Однако дело ясное – мы на пути к Луне. Прилетим через час сорок пять минут.

Я все еще не мог поверить.

– Чибис! Что за корабль может идти до самой Луны с ускорением в одно g ? Он что, секретный? И как ты на Луне оказалась? И почему украла корабль?

Она вздохнула и обратилась к кукле:

– Мадам Помпадур, видали почемучку? Кип, как я могу отвечать на три вопроса сразу? Корабль – летающая тарелка и...

– Летающая тарелка! С тобой все понятно!

– Перебивать невежливо. Можешь называть ее как угодно, это неофициальный термин. На самом деле по форме она как сплюснутый у полюсов сфероид. Это геометрическое тело...

– Что такое сжатый сфероид, мне известно!

Я был вымотан и расстроен всем, что на меня навалилось, от дурацкого кондиционера, испортившего отличные штаны, до удара в спину в ответ на заботу о ближнем. Не говоря уже о Тузе Квиггле. А что до маленьких девочек, то им не стоит выпячивать свою гениальность.

– Нечего рывкать, – сказала она с осуждением. – За летающие тарелки принимают все, что угодно, – от метеозондов до уличных фонарей. Но я совершенно уверена, что, пользуясь бритвой Оккама...

– Что еще за бритва?

– Оккама. Принцип отсеечения лишних гипотез. Ты хоть с логикой знаком?

– Мало.

– Так вот, исходя из этого принципа, я подозревала, что примерно одна из пятисот замеченных летающих тарелок – реальный корабль, такой как этот. В сумме получается немало. А по поводу того, что я делала на Луне... – Девочка сделала паузу и ухмыльнулась. – Я очень настырная.

В этом я уже убедился.

– Давным-давно, когда мой папа был маленьким, планетарий Хейдена стал бронировать билеты на Луну. Это была всего лишь рекламная акция, вроде недавнего дурацкого мыльного конкурса, но папа записался. А теперь, много лет спустя, открылся лунный туризм – и планетарий передал свой список в «Американ экспресс», а тот оповестил кандидатов, которых удалось разыскать.

– И твой отец полетел на Луну?

– Ну конечно нет! Папа в этот список попал еще маленьким. А теперь он шишка в Институте перспективных исследований, и ему некогда развлекаться. Мама не полетела бы ни за какие коврижки. Ну я и говорю: полечу сама. Папа сказал: «Нет!», мама сказала: «Боже мой, ни в коем случае!» Вот я и полетела. Я могу быть очень стервозной, если захочу, – добавила она горделиво. – У меня талант. Папа говорит, что я маленькое аморальное чудовище.

– Думаешь, он прав?

– Конечно прав. Он-то меня понимает, а мама только руками машет и говорит, что у нее сил больше нет. Так вот, целых две недели я вела себя совершенно ужасно и невыносимо, и в конце концов папа сказал: «Черт с ней, пусть катится! Может, за нее хоть страховку дадут!» И я покатилась.

– Хм... Я все-таки не понял, как ты очутилась на этом корабле.

– А-а-а... Я совалась куда не следует, делала, что не положено. Всегда стараюсь держать глаза открытыми – узнаешь много нового. Вот меня и сцапали. Они бы предпочли папу, но теперь надеются обменять меня на него. Я не могла этого допустить, поэтому пришлось дать деру.

– Это сделал дворецкий, – мрачно пробормотал я.

– Что?

– Твоя история напоминает детективы – так же много нестыковок и дыр.

– А-а-а... Уверяю тебя, это просто... Ой-ой, опять начинается!

Но ничего такого не произошло, всего лишь сияние сменилось с белого на голубое. Никаких осветительных приборов я не обнаружил, мерцал весь потолок. Мы распластались по полу. Я хотел встать, но не смог.

Самочувствие было как после кросса по пересеченной местности; я едва дышал. Вряд ли причиной был голубой свет. Голубая составляющая – просто колебания в диапазоне от 4300 до 5100 ангстрем, они присутствуют в солнечном спектре. Но что бы ни подмешали в это сияние, мы обмякли, как мокрая тетива.

Чибис пыталась мне что-то сказать:

– Если... за нами придут... не сопротивляйся... и... главное...

Голубой свет опять сменился белым. Узкая стена стала отъезжать в сторону.

Побелевшая от страха Чибис нашла силы договорить:

– ...главное... не сопротивляйся... ему.

Двое мужчин вошли в комнату и, отодвинув Чибис, связали мне запястья и лодыжки, да еще намотали веревку вокруг пояса, прижав локти к туловищу. Мало-помалу я выходил из оцепенения, но был еще так слаб, что не смог бы и почтовую марку лизнуть. До того хотелось дать им по башке, но проще, наверное, бабочке поднять накрывшую ее чашку.

Меня выволокли. Я запротестовал:

– Эй, куда вы меня тащите? Что вообще происходит? Я на вас в суд подам! Я...

– Заткнись, – сказал пират.

Это был костлявый коротышка лет пятидесяти или старше. Судя по физиономии, он никогда в жизни не улыбался. Второй, помоложе, – толстый, с обидчивым детским ртом и ямочкой на подбородке – выглядел так, будто мог и посмеяться, если беспокоиться не о чем. Но сейчас он был обеспокоен.

– Тим, мы можем влипнуть. Надо вышвырнуть его в космос... Обоих надо вышвырнуть. И сказать, что это несчастный случай. Развязались, мол, и попытались смыться через люк. Он никогда не узнает...

– Заткнись, – без всякого выражения ответил Тим. – Хочешь неприятностей? Вакуума не терпится хлебнуть?

– Но...

– Заткнись.

Меня протащили по изогнутому коридору и бросили на пол в какой-то комнате.

Лежа лицом кверху, я не сразу понял, что это отсек управления. Ни один человек не сделал бы такую кабину, да она и не была создана человеком.

Тут-то я и увидел его.

Чибис могла не предупреждать. Я и не подумал сопротивляться.

Коротышка был крут и опасен, толстяк – подл и жесток; но

по сравнению с ним это были херувимы. Будь у меня силы, я бы мог побороться с теми двумя любым способом по их выбору; думаю, ни одного человека я бы не испугался, будь у меня хоть малейший шанс против него.

Но против этого типа у меня шансов не было вовсе.

Он не был человеком, однако пугало другое. Слоны тоже не люди, но они славные. Внешне он больше походил на человека, чем слон, да только это не имело значения. Стоял он прямо, внизу ноги, наверху голова. Не более пяти футов ростом, но это тоже не играло роли. Он подчинял, как человек подчиняет лошадь. Его торс был никак не меньше моего, но фигуру укорачивали толстые ноги-поленья с выпирающими ступнями (если это были ступни), похожими на диски. Когда он двигался, ступни тошнотворно хлюпали. Когда он стоял, на манер треножника, был выпячен то ли хвост, то ли третья нога. Ему не требовалось садиться, да и вряд ли он смог бы сесть.

Короткие ножки не делали его медлительным. Движения были неуловимыми, как бросок змеи. Обеспечивалось ли это более совершенной нервной системой и более эффективной мускулатурой? Может, на его родной планете выше сила тяжести?

Руки змеились – суставов было больше, чем в наших. Этих рук было две пары – одна на поясе, другая под головой. Плечи отсутствовали. Я не смог сосчитать пальцы, похожие на щупальца, – они находились в беспрестанном движении.

Одежды на нем не было, кроме пояса с прорезями для нижних рук. К поясу он прикрепил что-то вроде кошелька и ключей. Лиловая кожа лоснилась, как от масла.

Кем бы ни был этот субъект, он не принадлежал к тому же народу, что и Мамми.

От Лилового шел сладковато-пряный запах. В любой переполненной людьми комнате пахнет в жару куда хуже, но если я еще когда-нибудь учую этот «аромат», то покроюсь мурашками и лишусь дара речи.

Все это я воспринял постепенно; сначала видел только лицо. Как еще это назвать?.. Я до сих пор не описал его – боялся, что меня затрясет. Но опишу, чтобы вы, увидев такое, стреляли не раздумывая, пока ваши кости не превратились в студень.

Носа не было. Лиловый дышал кислородом, но куда входил и откуда выходил воздух, определить было невозможно. Частично он дышал ртом, поскольку разговаривал. И этот орган занимал второе место по отвратительности. Челюсть и подбородок заменяли жвалы, которые разделялись на три неравные части. Во рту – ряды мелких зубов. Языка я не заметил, зато рот был окаймлен ресничками величиной с земляного червя. И эти реснички беспрестанно шевелились.

Я сказал, что рот был вторым по отвратительности органом. Первым были глаза. Огромные, выпученные, широко расставленные, защищенные роговыми кромками. Они, словно локаторы, двигались вверх-вниз и из стороны в сто-

рону.

Он не смотрел на меня – но при этом не выпускал из виду.

Когда Лиловый повернулся, я увидел третий глаз на затылке. Похоже, этот монстр постоянно сканировал пространство как радаром.

Какой же мозг способен обрабатывать информацию, поступающую сразу отовсюду? Сомневаюсь, что человеческому это по силам, даже если как-то обеспечить всестороннее поступление информации. В голове у Лилового для крупного мозга явно маловато места, но, может быть, его мозг не там? Человек носит свой думательный орган практически открыто, а ведь это не очень удобно и безопасно.

Но мозг у Лилового безусловно был. Монстр пришил меня как букашку и выжал все, что хотел. Он не терял времени на подготовительные процедуры; он просто спрашивал, а я отвечал. Время тянулось бесконечно, – казалось, прошли дни, а не часы. По-английски он говорил ужасно, но понять было можно. Губные согласные у него были все одинаковы, «б», «п» и «в» – неразличимы. Гуттуральные звучали очень редко, а у дентальных был цокающий оттенок. Однако почти все я понимал, а когда не мог понять, он не угрожал и не наказывал, просто повторял вопрос.

Его речь была лишена всякого выражения. Он допрашивал, пока не выяснил, кто я, чем занимался, а также все остальное, что его интересовало. Он хотел знать, как я оказался на пастбище, почему был одет в скафандр, когда меня

подобрали. И было непонятно, нравятся ему мои ответы или нет.

Лиловый с трудом понял, что значит «торговать газировкой в аптеке», а когда я рассказал о конкурсе мыла «Звездный путь», смысл до него, кажется, так и не дошел. Но я обнаружил, что тоже многого не знаю: например, какова численность человечества и сколько тонн белка мы производим ежегодно.

Спустя бесконечность он получил все, что хотел, и приказал:

– Убрать.

Шестерки ждали рядом. Толстый сглотнул и спросил:

– Наружу?

Он вел себя так, будто выкинуть в космос человека – все равно что обрывок веревки.

– Нет. Он глуп и неразвит, но может понадобиться. Верните его в карцер.

– Да, хозяин.

Меня выволокли наружу. В коридоре Толстый предложил:

– Давай ноги развяжем, пусть сам идет.

– Заткнись, – отозвался Тощий.

Чибис безучастно сидела сразу за входной панелью. Я догадался, что ее еще раз долбанули этой голубизной. Шестерки перешагнули через девочку и свалили меня на пол. Тощий стукнул мне по шее ребром ладони. Когда я очухался, пираты отсутствовали, руки-ноги были свободны, а Чибис

сидела рядом. Она озабоченно спросила:

– Очень плохо?

– Хуже некуда, – подтвердил я, и меня всего передернуло. – Чувствую себя лет на девяносто.

– Не стоило тебе на него смотреть, особенно в глаза. Отдохни немного, полегчает. – Она взглянула на часы. – Через сорок пять минут посадка, до этого времени о тебе не вспомнят.

– Что? – Я сел. – Я пробыл там всего час?

– Даже меньше. А кажется, что вечность. По себе знаю.

– Надо же, как выжатый лимон... – Я нахмурился, припоминая. – Чибис, когда за мной пришли, я ничего не боялся. Хотел требовать объяснений, извинений, освобождения – но так и не задал ему вопросов, ни одного.

– И никогда не задашь. Я пробовала. Просто сила воли тает, как у кролика перед удавом.

– Верно.

– Кип, теперь ты понимаешь, почему я должна была воспользоваться малейшим шансом на побег? Ты, кажется, не поверил моему рассказу; теперь веришь?

– Теперь верю.

– Спасибо. Я всегда говорила, что у меня есть гордость и мне наплевать, что люди подумают, но на самом деле это не так. Нужно было вернуться к папе и рассказать ему... потому что он единственный на всем белом свете, кто поверил бы мне, как бы идиотски это ни звучало.

– Понимаю. Думаю, что понимаю. Но как тебя занесло в Сентервилл?

– В Сентервилл?

– Туда, где я живу. Где «Майский жук» вызывал «Чиби-са».

– Да не собиралась я туда лететь. Надеялась приземлиться в Нью-Джерси, а еще лучше в Принстоне, потому что хотела найти папу.

– Хм... Неслабо промахнулась.

– А ты смог бы лучше? Ведь почти удалось, хотя все было против меня. Этот корабль нетрудно вести; просто нацеливаешься и летишь, – наши корабли куда мудрнее. И Мамми мне помогала. Но пришлось тормозить в атмосфере, делать поправку на вращение Земли, а тут я не очень сильна. Вот и вышло, что мы залетели слишком далеко на запад, а пираты гнались за мной, я растерялась... а потом услышала тебя на служебной частоте и решила, что все правильно – что я выбралась. – Она развела руками. – Прости меня, Кип.

– Твое счастье, что вообще села. Говорят, хорошее место посадки – то, с которого ушел на своих ногах.

– Прости, что впутала тебя в историю.

– Ну... насчет этого не волнуйся. Не меня бы впутала, так кого-нибудь другого. Чибис, что ему нужно?

– В смысле «им»?

– Им? Вряд ли те двое что-нибудь значат. Главный-то Лилловый.

– Я и не говорю про Тима и Джока – они люди, хоть и подонки. Я имею в виду пришельца и таких, как он.

Причины для разжижения мозгов, конечно, имелись: меня трижды нокаутировали, я не спал ночь, и вообще такие передраги не каждый день случаются. Но пока Чибис не поправила меня, даже в голову не приходило, что таких, как Лиловый, может быть много, – а ведь и его одного более чем достаточно.

Если есть один, то должны быть и тысячи – а возможно, миллионы и миллиарды. Сердце ушло в пятки, а то и ниже.

– Ты видела других?

– Нет, только его. Но мне говорила Мамми.

– Ничего себе! Чибис, что они задумали?

– А ты не догадываешься? Вторжение готовят.

Расстегнутый воротник начал меня душить.

– Как это?

– Не знаю.

– Хочешь сказать, что они нас перебьют и захватят Землю?

Она замялась:

– Может быть и похуже.

– Э-э-э... поработят?

– Теплее. Кип... Думаю, они питаются мясом.

Я сглотнул.

– Веселенькие у тебя, малявка, мысли.

– А мне, думаешь, нравится? Поэтому я и хотела все папе

рассказать.

Ответить было нечего.

Древний-предревний страх о судьбах человечества. Папа слышал в детстве радиопостановку про нашествие марсиан – это была выдумка чистой воды, но она вызвала жуткую панику. Теперь люди на такое не купятся. После того как мы высадились на Луне, облетели Марс и Венеру, все, похоже, уверились, что жизни в космосе нет.

И вот она, перед глазами.

– Чибис, это марсиане? Или с Венеры?

Девочка покачала головой:

– Они издалека. Мамми пыталась объяснить, но я не поняла ее.

– Но хоть из Солнечной системы?

– Именно этого я и не поняла. И да и нет.

– Так не бывает!

– Ну и спроси ее сам.

– С удовольствием. – Я замялся, а потом выпалил: – Мне плевать, откуда они, – мы их перестреляем... Найдем способ не смотреть на них!

– Хорошо бы!

– А ты подумай сама. Если их корабли и есть летающие тарелки – настоящие, а не метеозонды, – то они уже сколько лет следят за нами. Следовательно, в себе они не уверены, хотя и выглядят так устрашающе, что молоко скисает. Иначе бы просто вторглись на Землю и сожрали нас, как скотину.

Но они этого не сделали. Выходит, победить мы можем – при условии, что с умом возьмемся за дело.

Чибис с готовностью кивнула:

– Надеюсь, что так. Я думала, папа что-нибудь придумает. Но... – Она нахмурилась. – Мы о них очень мало знаем... а папа всегда советовал не пороть горячку при недостатке информации. «Не вари суп из одной устрицы, Чибис» – так он всегда говорит.

– Но я могу поспорить, что мы правы. Слушай, а кто твой отец? И как тебя зовут по-настоящему?

– Ну, мой папа – профессор Райсфельд. А меня зовут Патриция Вайнэнт Райсфельд. Кошмар, согласись. Лучше зови меня Чибис.

– Профессор Райсфельд... А что он преподает?

– Ты совсем темный? Не знаешь, что папа получил Нобелевскую премию?

– Ну извини, Чибис. Я из провинции.

– Заметно... Папа ничего не преподает. Он мыслит. Он мыслит лучше всех... кроме меня, быть может. Он синтезист. Все остальные – специалисты в отдельных областях. А папа знает все и делает обобщения.

Может, оно и так, но я никогда о синтезистах не слышал. Идея сводить части в единое целое шикарна, но для такого нужен аномально башковитый парень – мы же загибаемся под лавиной информации. Профессор Райсфельд, видимо, о трех головах. Или о пяти.

– Ты с ним еще познакомишься, – добавила Чибис, глянув на часы. – Кип, нам лучше закрепиться. Сейчас сядем... а на пассажиров инопланетянину плевать.

Мы снова втиснулись в угол, вцепились друг в друга и замерли в ожидании. Вскоре корабль тряхнуло, пол встал дыбом. Затихло. Я почувствовал необыкновенную легкость. Чибис подобрала под себя ноги и встала:

– Ну вот и Луна.

Глава 5

Когда я был маленьким, мы играли в первую высадку на Луну. Потом романтические бредни уступили место трезвым поискам способа достичь лунной поверхности. Но мне и в голову не могло прийти, что я прилечу на Луну в камере без окон, как мышь в обувной коробке.

Только мой вес подтверждал, что я на Луне. Увеличение веса можно смоделировать с помощью центрифуги. Но уменьшить его – совсем другое дело. Все, что доступно на Земле, – несколько секунд полета с трамплина, затяжной прыжок с парашютом, «горка» на самолете.

А если уменьшение гравитации все длится и длится, то вы где угодно, только не на Земле. На Марсе я оказаться не мог; значит – Луна.

Здесь я должен весить чуть больше двадцати пяти фунтов. Примерно на столько я себя и чувствовал – мог бы пройтись по лужайке, не примяв травы.

Несколько минут я просто наслаждался этим и, забыв о Лиловом и о наших бедах, с удовольствием вальсировал по комнате, слегка подпрыгивал, ударялся головой о потолок и ощущал, как медленно-медленно-медленно опускаюсь на пол. Чибис уселась, пожала плечами и снизошла до покровительственной улыбки. Лунный старожил! А ведь пробыла тут всего лишь на две недели дольше моего.

У низкой гравитации немало минусов. Почти нет сцепления с опорой, ноги разъезжаются. Пришлось на собственной шкуре испытать то, что я раньше знал только умом: вес уменьшается, но масса и инерция остаются. Чтобы сменить направление, даже при ходьбе, надо крениться, как на мотогонках, но, если нет трения (а у моих носков на гладком полу его не было), ноги выскальзывают из-под тела.

Падать при одной шестой g не больно, но Чибис хихикала. Я уселся и сказал:

– Смейся, смейся, интеллектуалка. Хорошо тебе, в кроссовках-то.

– Извини. Ты так забавно парил и хватался за воздух – точно в замедленном кино.

– Очень забавно, не сомневаюсь.

– Я же извинилась. Слушай, возьми мои кроссовки.

Я смерил глазами наши ноги и хмыкнул:

– Спасибо, конечно!

– Ну... можешь распороть задники или еще что-нибудь придумать. Мне и босиком нормально. Мне всегда нормально. А где твоя обувь, Кип?

– Да рядышком, четверть миллиона миль отсюда – если только мы вышли на нужной остановке.

– А-а-а... Ну, здесь она тебе не особенно нужна.

– Ага. – Я покусал губу, обдумывая это «здесь» и больше не интересуясь играми с гравитацией. – Чибис? Что будем делать?

– Ты о чем?

– О нем.

– Да ничего. Что мы можем?

– Ну а чем тогда заняться?

– Спи.

– Что-о?!

– Спи... «Невинный сон, сон, сматывающий клубок забот»⁵. «О нежный сон! Природы исцелитель!»⁶ «Дай бог здоровья тому, кто придумал сон: ведь это плащ, который прикрывает все человеческие помыслы»⁷.

– Хватит выпендриваться! Говори толком!

– Я и говорю толком. Сейчас мы беспомощны, как золотые рыбки в аквариуме. Просто хотим выжить. А первый принцип выживания – не застревать на том, что от тебя не зависит, и сосредоточиться на том, что можно сделать. Я хочу есть и пить, неважно себя чувствую, очень устала... и все, что могу в этой ситуации, – лечь спать. Так что, если окажешь любезность и помолчишь, я именно этим и займусь.

– Намек понял. Не надо на меня рычать.

– Извини. Когда устаю, я становлюсь злой как собака. И папа говорит, что до завтрака ко мне подходить опасно. – Она свернулась калачиком и подложила растрепанную тря-

⁵ У. Шекспир. Макбет (перевод А. Радловой).

⁶ Э. Юнг. Ночные мысли (перевод Д. Смирнова-Садовского).

⁷ М. Сервантес. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский (перевод Н. Любимова).

пичную куклу под щеку. – Спокойной ночи, Кип.

– Спокойной ночи, Чибис.

Тут мне кое-что еще пришло в голову, я заикнулся было... и увидел, что она уже спит. Ее дыхание стихло, лицо разгладилось и больше не казалось настороженным и чересчур серьезным. Верхняя губа оттопырилась совершенно по-детски, и девочка стала похожа на чумазого херувима. На щеках остались полосы высохших слез. А ведь я не заметил, когда она плакала.

Кип, сказал я себе, ты влезаешь в скверную историю; это намного хуже, чем притащить домой брошенного щенка или котенка.

Я обязан позаботиться о ней... или погибнуть в попытке.

Может, так и получится. В смысле, погибнуть. Я и о себе-то никогда не мог позаботиться как следует.

Я зевнул, потом еще раз. У креветки ума побольше, чем у меня. Я измотался, как никогда, хотел есть и пить, и вообще мне было паршиво. Уже собрался побарабанить в дверную панель и вызвать Толстого или Тощего. Но... разбуду Чибис, да и Лиловый сочтет это сопротивлением.

Я вспомнил, как дома часто дремал на ковре в гостиной. Оказалось, что и здесь на жестком полу можно очень удобно устроиться; одна шестая земного притяжения – это матрас лучше всякого поролона. Взбалмошной принцессе из сказки Андерсена было бы не на что пожаловаться.

Заснул я мигом.

Снилась мне невероятнейшая космическая опера. Кишели драконы, прекрасные девы с Арктура, рыцари в сверкающих скафандрах; действие перемещалось из дворца короля Артура на дно Мертвого моря Барсума⁸.

И все бы ничего, вот только у герольда-распорядителя было лицо лилового пришельца и голос Туза Квиггла. Он высывался из экрана и шевелил червеобразными ресничками.

– Победит ли Беовульф дракона? Вернется ли Тристан к Изольде? Найдет ли Чибис свою куклу? Включайте наш канал завтра вечером, а пока просыпайтесь и бегите в ближайшую аптеку, чтобы купить наждачную бумагу «Звездный путь», лучшее средство для чистки рыцарских доспехов. Подъем!

Он высунул щупальце из экрана и схватил меня за плечо. Я проснулся.

– Подъем! – трясла меня за плечо Чибис. – Пожалуйста, проснись, Кип.

– Отстань!..

– У тебя был кошмар.

– Принцесса с Арктура в беде! И я никогда не узнаю, чем все кончилось. Зачем ты меня разбудила? Сама же сказала, что нужно выспаться!

– Ты продрых несколько часов – а сейчас, похоже, мы можем кое-что сделать!

– Позавтракать?

⁸ Барсумом называется Марс в марсианской эпопее Эдгара Райса Берроуза.

Мою шпильку она пропустила мимо ушей.

– Сбежать!

Я резко сел, вернее, взлетел и опустился обратно.

– Ого! Как?

– Точно не знаю. Но мне кажется, они ушли и оставили нас одних. Если так, другого шанса не будет.

– А с чего ты взяла, что они ушли?

– Прислушайся. Хорошенько прислушайся.

Я подчинился. И услышал свое сердце, дыхание Чибис, а потом и ее сердце. Такой тишины я и в пещерах не встречал.

Я вынул перочинный ножик, сжал его зубами, чтобы звук передавался по костям, и приставил к стене. Ничего. Я прослушал пол и другие стены. Опять ничего. На борту царила тишина – ни дрожи, ни стуков, ни тех вибраций, которые нельзя услышать, а можно только почувствовать.

– Похоже, ты права.

– Прекратилась циркуляция воздуха.

Я повел носом:

– У нас кончается воздух?

– Пока нет. Но и не поступает – он выходил из крошечных отверстий вон там, наверху. Ты бы не заметил, а я почувствовала перемену.

Я напряженно размышлял.

– Все-таки не понимаю, что это нам дает. Мы заперты.

– Может, и нет.

Я ковырнул стену лезвием. Она не из металла, и на пла-

стик не похоже. Нож не берет. Может, граф Монте-Кристо и повертел бы в ней дырочку, но ему некуда было торопиться.

– Почему ты так думаешь?

– Каждый раз, когда они открывали и закрывали дверную панель, слышался щелчок. Так вот, когда тебя вытаскивали, я приклеила жвачку на стыке панели и стены, повыше, чтобы не заметили.

– У тебя есть жвачка?

– Да. Помогает, когда нет ни глотка воды. Я...

– Еще есть? – живо спросил я.

Было не до свежести дыхания, просто ни разу в жизни так не мучила жажда.

Чибис расстроилась:

– Ой, бедный Кип! У меня ничего не осталось, это старая жвачка. Я ее приклеивала к пряжке ремня и жевала, когда особенно хотелось пить. – Она помялась. – Но возьми, раз нужно. Пожалуйста.

– Ну спасибо, Чибис. Спасибо большое. Как-нибудь обойдусь.

Она оскорбилась:

– Уверяю вас, мистер Рассел, что не страдаю никакими заразными заболеваниями. Я всего лишь хотела...

– Да-да, – поспешно сказал я. – Совершенно в этом уверен. Но...

– Я учитываю, что мы находимся в экстремальной ситуации. И это гигиеничнее поцелуев – хотя, полагаю, тебе еще

не приходилось целоваться!

– В последнее время не приходилось, – попытался я сменить тему. – Но все, чего я хочу, – это глоток чистой холодной воды. Или грязной теплой воды... К тому же ты прилепила свою жвачку на дверную панель. Чего ты хотела добиться?

– Так я же говорила о щелчке. Папа считает, если стоишь перед дилеммой, полезно изменить любую из переменных, а потом снова приступить к решению задачи. Я попыталась внести изменения с помощью жвачки.

– Ну?

– Когда тебя притащили обратно и закрыли дверь, щелчка не было.

– Что? Ты знала, что перехитрила замок, уже несколько часов знала – и не сказала мне?

– Именно так.

– Ну, я тебя выпорю!

– Не советую, – сказала она ледяным тоном. – Я кусаюсь. Я поверил. Кусается. И царапается. И еще что-нибудь творит. Я сменил тему:

– Чибис, почему ты не сказала?

– Боялась, что рванешь наружу.

– Ха! Конечно, я бы попробовал.

– То-то и оно. А я решила, что лучше не дергать дверь... пока он на корабле.

Точно гений. По сравнению со мной.

– Я тебя понял. Ладно, давай попробуем открыть.

Я осмотрел панель. Жвачка была на месте, так высоко, как девочка могла достать. Панель, расплющив резинку, заклинила замок. Но никакого просвета я не увидел.

Я подцепил панель кончиком большого лезвия. Вроде отошла на осьмушку дюйма – и в этот момент лезвие сломалось.

Я вернул нож в карман.

– Еще идеи?

– Может, попробуем сдвинуть руками?

– Ладно. – Я вытер потные ладони о рубашку. – Сильно не давим – нужно, чтобы было трение.

Панель отодвинулась вправо почти на дюйм – и больше ни с места. Но от потолка до пола протянулась щель толщиной с волос.

Обломок лезвия тоже сломался, а щель не стала шире.

– Вот же черт! – пискнула Чибис.

– Рано сдаваться. – Я отступил для разбега и ринулся к двери.

Ноги заскользили, я потерял равновесие и проделал медленный кульбит. На этот раз Чибис не засмеялась.

Я поднялся, отошел к дальней стене, уперся ногой и попробовал оттолкнуться, как пловец в бассейне.

Мне удалось долететь до двери и ударить, не особенно сильно. Я почувствовал, что она слегка прогнулась, но тотчас восстановила форму.

– Стой, Кип, – сказала Чибис. – Снимай носки. Я подтолк-

ну сзади, мои кроссовки не скользят.

Она была права. На Луне, если нет резиновых подметок, лучше ходить босиком. Мы отошли к дальней стене, Чибис встала позади меня и положила руки мне на бедра. «Раз... два... три... Пошел!» Мы рванули с элегантностью бегемота.

Я ссадил плечо. Но панель выскочила из направляющей, открыв пространство дюйма в четыре.

На косяке я оставил кусок собственной шкуры, порвал рубашку. Ругался про себя по-черному... но щель расширялась. Как только удалось протиснуть голову, я распластался на полу и выглянул. В поле зрения никого не было – и это уже что-то значило, если учесть, как мы шумели. Лишь бы только враги не решили сыграть с нами в кошки-мышки. Но вряд ли они до этого опустятся. Особенно Лиловый.

Чибис хотела пролезть мимо меня, но я оттащил ее:

– Куда, хулиганка! Я пойду.

Еще пара рывков, и я пролезу. Я раскрыл маленькое лезвие и протянул нож Чибис:

– Со щитом или на щите, солдат.

– Лучше оставь себе.

– Мне он не нужен. Смерть о Двух Кулаках – так именуют меня в темных переулках. – Я отчаянно куражился, но зачем Чибис об этом знать? – «Кип без страха и упрека», спасаем девиц, дешево, оптовые скидки.

Я протиснулся на карачках, встал и огляделся.

– Вылезай, – тихонько сказал я.

Она полезла, но вдруг попятилась. Появилась вновь, сжимая замурзанную куклу.

– Чуть не забыла Мадам Помпадур, – сказала она взволнованно.

Я даже не улыбнулся. Но она вскинулась:

– Ну и что! Она мне нужна, не могу без нее заснуть. Это невротический комплекс, но папа говорит, что я его перерасту.

– Да ясно, ясно.

– Оставь покровительственный тон! Это не фетишизм, да же не первобытный анимизм, а просто условный рефлекс. Я давно знаю, что это всего лишь кукла; я давно поняла свою горькую ошибку... много лет назад.

– Послушай, Чибис, – сказал я серьезно, – мне все равно, как ты засыпаешь. Сам я бью себя молотком по голове. Прекрати. Ты в этих кораблях разбираешься?

Она огляделась.

– Думаю, мы в корабле, который меня преследовал. Но он такой же, как тот, который я вела.

– Отлично. Пошли в отсек управления.

– А?

– Ту консервную банку ты пилотировала. А эту сможешь?

– Н-навверное... Да, смогу.

– Пошли. – Я повернулся в ту сторону, куда меня тащили.

– Но тогда у меня была Мамми, она мне подсказывала! Давай ее найдем.

Я остановился.

– Ты поднять корабль сможешь?

– Да...

– Вот и подними его в воздух, то есть в космос, – и поищем Мамми. Если она на борту – найдем. Если нет... значит, нет.

– Ну... ладно. Логично, хотя мне это и не нравится. – Она шагала вслед за мной. – Кип, какое ускорение ты выдержи-
ваешь?

– Понятия не имею. А что?

– Эти штуки могут летать намного быстрее, чем я пробовала. Зря постеснялась.

– Зря ты полетела в Нью-Джерси.

– Но я хотела найти папу!

– Ну, это понятно. Но лучше бы рванула на Лунную базу и подняла Космический корпус. Это не игрушки; нужна помощь. Где мы, как ты считаешь?

– Должно быть, он вернул нас на свою базу. Я скажу точно, когда сориентируюсь по небу.

– Ладно. Если сможешь определить, где Лунная база, направимся туда. Если нет – на всех парах двинем в Нью-Джерси.

Дверь отсека управления была заперта, и я никак не мог сообразить, чем ее открыть. Чибис сделала то, что, по ее словам, должно было помочь, – засунула мизинец в дырку, куда мой палец не пролез бы, и сообщила, что заперто на замок. Тогда я огляделся.

И нашел металлический прут, висевший в коридоре, длиной около пяти футов, заостренный на одном конце, с четырьмя рукоятками вроде медных кастетов на другом. Черт ее знает, что за штука, может, это у монстров такой пожарный топор, но крушить с его помощью было одно удовольствие.

Через три минуты от двери одни щепки остались. Мы вошли.

Сначала у меня побежали мурашки по всему телу, потому что именно здесь Лиловый меня обрабатывал. Я взял себя в руки, но решил, что при встрече засажу эту железяку прямо в его мерзкие буркалы. В первый раз я по-настоящему осмотрел помещение. В центре было что-то вроде гнезда, окруженного устройством, смахивающим то ли на сильно навороченную кофеварку, то ли на велосипед для осьминога. Хорошо, что Чибис знает, на какие кнопки нажимать.

– А где внешний обзор?

– Вот. – Чибис проскользнула мимо меня и ткнула пальцем в какое-то отверстие.

Потолок был полусферический, как в планетарии. Когда зажглись огни, я понял, что это и есть планетарий. Аж дух захватило.

Вдруг оказалось, что мы стоим не на полу, а на платформе, висящей в пространстве, на высоте примерно тридцать футов. Надо мной светились на черном небосводе тысячи звезд, а прямо в лицо смотрела огромная, как десяток полных лун,

зеленая, милая и прекрасная Земля.

Чибис тронула меня за локоть:

– Очнись, Кип.

– Чибис, – спросил я с придыханием, – неужели в твоей душе нет ни капли поэзии?

– Конечно есть. Навалом. Только времени нет. Я знаю, где мы, Кип, – отсюда я и стартовала. Их база. Видишь скалы с длинными резкими тенями? Часть из них – замаскированные корабли. Вон там, левее, высокий пик с седловиной, а еще левее, почти точно на запад, в сорока милях отсюда, станция Томбо. Еще через двести миль – Лунная база, а за ней – Луна-Сити.

– Долго добираться?

– Двести... почти двести пятьдесят миль? Мне не пришлось летать местными рейсами, но думаю, что несколько минут.

– Стартуем! Они могут вернуться в любой момент.

– Да, Кип. – Она забралась в это воронье гнездо и склонилась над пультом.

Затем выпрямилась. Ее лицо было белым, худым и совсем детским.

– Кип... никуда мы не полетим. Извини.

Я взвыл:

– Что! Что стряслось? Ты забыла, как управлять?

– Нет. Здесь нет «мозга».

– Чего нет?

– «Мозга». Маленькой черной штуковины размером с грецкий орех, которая вставляется вот сюда. – Она показала куда. – В тот раз мы убежали, потому что Мамми сумела его украсть. Нас заперли в пустом корабле, как нас с тобой сейчас. Но там был «мозг». – Чибис выглядела уныло и потерянно. – Я должна была догадаться, что пираты не оставят такую важную вещь в отсеке управления. Может, и догадывалась... но не хотела этого признавать. Прости.

– Нет, Чибис, мы так легко не сдадимся. Можно сварганить что-нибудь, что подойдет к этой розетке?

– Вроде как соединить проводки зажигания у автомобиля? – Она покачала головой. – Это не так просто, Кип. Если поставить в автомобиль деревянную модель аккумулятора, разве поедешь? Я точно не знаю, что делает эта штука, я и «мозгом»-то ее назвала, потому что она такая сложная.

– Но... – Я заткнулся.

Если дикарю с острова Борнео дать новехонькую машину, совершенно целую, только без свечей, далеко он уедет? Внутренний голос подсказывает, что не очень.

– Чибис, какие еще есть идеи? Пусть даже бредовые? Если нет – покажи хотя бы входной шлюз. Я возьму вот это, – я потряс своей железной дубинкой, – и буду валить всех, кто сунется.

– Я не знаю, что делать, – вздохнула она. – Надо найти Мамми. Если она тут, то что-нибудь подскажет.

– Хорошо... но покажи наконец входной шлюз. Потом

ищи ее, я покараую.

Во мне вскипал безрассудный гнев отчаяния. Раз уж нам не суждено отсюда выбраться – а похоже на то, – надо по крайней мере рассчитаться. Я хотел объяснить Лиловому, что обращаться так жестоко с людьми – себе дороже. И был совершенно уверен: перед тем как под его взглядом оцепенеет мой хребет, я успею врезать. Размозжу отвратительную башку.

Если не буду смотреть в глаза.

Чибис медленно произнесла:

– Есть... еще одна возможность...

– Какая?

– Н-не хочется предлагать. Вдруг подумаешь, что я решила выбраться на твоём горбу.

– Не глупи. Если что-то придумала, выкладывай.

– Ну... в сорока милях отсюда станция Томбо. Если мой скафандр здесь, на корабле...

Я воспрянул, как Боуи при обороне Аламо. Может, в этой игре назначат добавочное время.

– Мы дойдем!

Чибис покачала головой:

– Нет, Кип. Поэтому-то я и не хотела об этом говорить. Я смогу дойти... если найдем мой скафандр. А ты в него не влезешь, хоть пополам сложишься.

– Сдался мне твой скафандр, – буркнул я.

– Кип, Кип! Это же Луна, забыл? Воздуха нет.

– Что я тебе, идиот? Но если где-то здесь лежит твой скафандр, то, может быть, рядышком валяется и мой. И...

– У тебя есть скафандр? – не поверила она.

Не стоит, пожалуй, пересказывать сумбурный разговор, который за этим последовал. Но мало-помалу до Чибис дошло: не будь у меня скафандра, двенадцать часов назад и в четверти миллиона миль отсюда я просто не смог бы связаться с ней на космической частоте.

– Давай кончать с этим безобразием. Хотя погоди: сначала покажи шлюз, а потом ищи наши скафандры.

– Ладно.

Девочка отвела меня к входному шлюзу. Это был отсек, сильно напоминавший тот, в котором нас держали, но меньше и со второй дверью, рассчитанной на большое давление. Она оказалась незапертой, и мы осторожно открыли ее. Внутри было пусто. Внешняя дверь была закрыта, иначе мы бы не справились с внутренней.

– Будь у Лилового хоть капля осторожности, – язвительно заметил я, – он бы оставил внешнюю дверь открытой, пусть мы и сидели взаперти. Тогда... Погоди секунду... Внутренняя дверь фиксируется, когда она открыта?

– Не знаю.

– Давай посмотрим.

Она удерживалась обычной задвижкой. На тот случай, если задвижка убирается какой-нибудь кнопкой снаружи, я заклинил ее ножиком.

– Больше шлюзов нет?

– На том корабле не было, а они очень похожи.

– Будем начеку. Через этот шлюз до нас уже никто не доберется. Даже старине Лиловому без шлюза не обойтись.

– А вдруг он все-таки откроет внешнюю дверь? – нервно спросила Чибис. – Тогда мы лопнем, как воздушные шарiki.

Я ухмыльнулся:

– Ну и кто здесь гений? Конечно лопнем... если он откроет. Только как он откроет, если на нее давит двадцать – двадцать пять тонн? Сама мне недавно сказала, что это Луна. Снаружи пустота, не забыла?

– Фу ты... – сконфузилась Чибис.

Мы отправились на поиски. Я с удовольствием взламывал двери – все равно Лиловый не питал ко мне симпатий. Вначале мы нашли вонючий закуток, где ютились Толстый и Тощий. Вот же растяпы, даже дверь не заперли.

По комнатке я многое о них понял: это свиньи, с такими же отвратительными привычками, как их нравы. Видно, что они не случайные пленники, – все устроено для землян. Эти негодяи расположились здесь надолго. Мы увидели два пустых контейнера для скафандров, десятки банок с консервами, приобретенных на распродаже армейского имущества, а главное, там была питьевая вода и нечто вроде умывальника. Нашлись и два полных баллона с кислородно-гелиевой смесью – вот их я не отдам ни за ладан, ни за чистое золото, если, конечно, мы обнаружим скафандры!

Я напился, открыл консервы для Чибис; жестянка была с ключом, и мы избежали участи «Троих в лодке» с их банкой ананасов. Велев девчонке подкрепиться, я продолжил обыск; железяка была в этом деле отличным подспорьем. С того момента, как нашлись баллоны с воздухом, меня сжигало желание поскорее добраться до наших скафандров и смыться.

Я вскрыл с десятков дверей быстрее, чем Морж и Плотник вскрывали устриц, и нашел кучу всякой всячины. В том числе и каюты, по всей видимости предназначенные для черверотых. Я не тратил времени на их осмотр – этим, бог даст, займется Космический корпус, – а лишь проверял, нет ли скафандров.

И нашел их! В каюте рядом с нашим узилищем.

Я был так рад Оскару, что чуть не расцеловал его. Заорал: «Привет, приятель! *Mirabile visu!*»⁹ – и побежал искать Чибис. Ноги разъезжались, но было не до этого.

Чибис подняла голову, когда я ворвался в каюту.

– Уже собиралась искать тебя.

– Нашел! Нашел!

– Мамми? – с готовностью вырвалось у нее.

– Что? Нет! Скафандры – и твой, и мой! Пошли!

– А-а-а... – Вид у нее был разочарованный, и меня это задело. – Хорошо, конечно... только сначала надо найти Мамми.

У меня опустились руки. Появился самомалейший шанс

⁹ Счастлив тебя видеть! (*лат.*)

избежать чего-то более страшного, чем смерть, и это не риторическая фигура, – а Чибис приспичило искать свое пучеглазое чудовище. Будь это человек, даже незнакомый, пусть бы у него даже изо рта дурно пахло, я бы его не бросил. Собаку или кошку тоже попытался бы выручить... скрепя сердце.

Но что мне лупоглазый монстр? Все, что он для меня сделал, – это втянул в историю, которая скопом заткнула за пояс мои прежние передраги.

Я подумал, не оглушить ли Чибис и не засунуть ли в скафандр. Но вслух сказал:

– Спятила? Мы уходим. Сейчас же!

– Мы не можем уйти без нее!

– Ты точно свихнулась. Мы даже не знаем, здесь ли она... но, если даже найдем, не сможем взять ее с собой.

– Сможем!

– Как? Это Луна, забыла? Воздуха нет. У тебя есть скафандр для нее?

– Нет... – Она чуть опешила. Но ненадолго. Вдруг резко встала, даже подпрыгнула ненарочно, и заявила: – Ты как хочешь, а я пойду ее искать. На! – И сунула мне банку.

Эх, скрутить бы ее! Но мне с детства внушали, что с женщиной драться не следует, как бы она этого ни заслуживала. Пока я метался между доводами разума и издержками воспитания, Чибис улизнула вместе с моим шансом на спасение. Я только беспомощно застонал.

Но тут запахло чем-то фантастически вкусным. Ведь у ме-

ня в руках была банка с консервами. То есть с тушеной подметкой в сером соусе, но запах... Амброзия!

Половину слопала Чибис; я доедал, рассматривая ее находки. Моток нейлонового шнура с радостью положил к баллонам; у Оскара на поясе есть футов пятьдесят бельевой веревки, но запас карман не тянет. Так... геологический молоток, пригодится. Две батарейки – это для фар.

Из прочего какой-никакой интерес представляли разве что изданный пресс-службой правительства «Предварительный селенологический отчет», рекламный проспект урановых рудников и просроченные водительские права штата Юта на имя Тимоти Джонсона – с фотографии смотрела подлая физиономия Толстого. Буклет я бы почитал на досуге, но нельзя себе позволить лишнего багажа.

Из мебели в комнате были две кровати, повторяющие контуры тела и щедро выстланные мягким. Я смекнул, что Тощий и Толстый спасались на них от перегрузок.

Подобрав остатки соуса пальцем, я напился, вымыл руки, не жалея воды (пусть эта парочка сдохнет от жажды!), собрал добычу и двинулся к каюте со скафандрами.

Там я увидел Чибис. Она держала наш импровизированный лом и вся светилась от счастья.

– Нашла ее!

– Где?

– Пойдем! Не могу открыть, сил не хватает.

Я положил барахло возле скафандров и пошел за ней. Она

остановилась у дальних дверей, до которых я, с моим вандализмом, еще не добрался.

– Здесь!

Я глянул, прислушался.

– Откуда знаешь?

– Знаю! Открывай!

Я пожал плечами и пустил в дело железяку. Панель с шумом отскочила.

Скорчившись, посреди комнаты на полу сидело существо.

Не поручусь, что именно его я видел вчера на пастбище. Смеркалось, обстановка была совсем другая, да и долго разглядывать мне не дали. Но Чибис не сомневалась. С радостным визгом она бросилась вперед, и друзья покатались по полу, как играющие котята.

Чибис все вопила, более или менее по-английски. Мамми тоже что-то лопотала. Я не удивился бы, услышав от нее английскую речь, ведь и Лиловый изъяснялся по-нашему, да и Чибис упоминала, что Мамми ей о чем-то рассказывала. Но сейчас не понимал ни словечка.

Вам приходилось слышать пересмешника? Он то высвистывает мелодию, то радостно шлет Господу свою птичью хвалу. Бесконечно разнообразные трели пересмешника – вот на что была похожа речь Мамми.

В конце концов они уgomонились, и Чибис сказала:

– Мамми, я так счастлива!

Существо что-то пропело. Чибис ответила:

– Ой, какая я невежа! Мамми, это Кип, мой лучший друг. Мамми пропела мне... и я понял.

Она сказала:

Очень рада познакомиться с тобой, Кип.

Мамми говорила не словами. Но так ясно, словно по-английски. Это не было полущутливым самообманом, вроде моих разговоров с Оскаром или Чибисовых – с Мадам Помпадур. Общаясь с Оскаром, я говорю за обоих; это просто мое сознание разговаривает с подсознанием, или что-то вроде того. Но тут было совсем по-другому.

Мамми пела, а я все понимал.

Это было удивительно, но я не испытывал недоверия. Когда глядишь на радугу, не думаешь о законах оптики. Просто видишь ее в небе.

Нужно быть идиотом, чтобы не понять, когда Мамми говорит именно с тобой. Если она обращалась только к Чибис, я слышал птичий щебет; но когда реплика предназначалась мне, я понимал все.

Называйте это телепатией, хотя в Университете Дьюка под этим словом вроде бы подразумевают нечто другое. Я не читал ее мыслей. И не думаю, что она читала мои. Мы просто разговаривали.

Но хоть и был изумлен, я не забывал о приличиях. Когда мама знакомила меня с кем-нибудь из своих старших подруг, ощущение было схожим с нынешним. Так что я поклонился и сказал:

– Мы счастливы, что нашли вас, Мамми.

Это была чистая, голая правда. Я понял, понял без всяких объяснений, что заставляло Чибис упрямо искать ее, невзирая на риск вновь попасть в плен. То качество, что и делало существо Мамми, мамочкой.

У Чибис имелась привычка приклеивать хлесткие прозвища, и не всегда к месту. Но в данном случае не поспоришь. Мамми была Мамми, потому что именно Мамми она и была. От нее исходило счастье, тепло и безопасность. Примерно как если с ободранной коленкой и в слезах придешь домой, а мама поцелует ссадину, намажет ее тиомерсалом, и все пройдет. Таковы некоторые медсестры, учителя... и не все мамы, к сожалению.

Но Мамми все это излучала так сильно, что я даже перестал беспокоиться насчет черверотых. Она с нами, а значит, мы спасены. Разумом я понимал, что Мамми так же уязвима, как и мы, – у меня на глазах ее сбили с ног. Она была меньше и слабее меня, не могла вести корабль, как Чибис. Но это не имело значения.

Хотелось усесться ей на колени. Но она была так мала, да и коленей у нее не было, – зато я с радостью усадил бы ее на собственные.

Я чаще говорю об отце, но это не значит, что мать не так важна. Папа активен, мама пассивна; папа говорит, мама молчит. Но умри она – и зачахнет папа, как выкорчеванное дерево. Она – основа нашего мира.

Мамми действовала на меня как мама, только к маме-то я привык. А теперь, далеко от дома, получил родительскую поддержку – неожиданно и в нужную минуту.

Чибис торжествовала:

– Теперь мы можем идти, Кип. Пойдем скорее!

А куда, детки? – пропела Мамми.

– На станцию Томбо, там помогут.

Мамми печально моргнула. Глаза у нее были огромные, как у лемура, с мягким и сочувственным взглядом, но она не относилась к приматам. Она вообще была не нашим, не земным существом... Чудесные глаза и нежный, беззащитный рот, из которого лилась музыка. Она была даже меньше Чибис, с совсем маленькими шестипалыми ручками. Каждый палец мог противостоять остальным – как наш большой палец. Ее тело трудно описать, оно все время меняло форму, но ей как раз такое и подходило.

На ней не было одежды, но это не ощущалось; ее покрывал мех, мягкий, гладкий, красиво лоснящийся, как у шиниллы. Сперва я и украшений не заметил, но потом углядел блестящий треугольник с двойной спиралью в каждом углу. Уж не знаю, каким образом он держался на Мамми.

Я не сразу рассмотрел все подробности. А затем поймал ее печальный взгляд – и мое счастье рухнуло.

Она заговорила, и стало ясно, что чудес не предвидится.

Как же мы поведем корабль? В этот раз меня стерегли очень тщательно.

Чибис с готовностью изложила наш план; тем временем я стоял ни жив ни мертв и в желудке росла льдина. Задача, ради которой я был готов подчинить девчонку силой, оказалась неразрешимой. Оставить Мамми я не мог, Чибис тоже... а у нас только два скафандра.

Да и подошел бы Мамми наш скафандр... как змее роликовые коньки.

Мамми деликатно сообщила, что ее собственное приспособление для пребывания в вакууме разрушено. Впредь я не буду дословно переводить ее пение, да и запомнилось мне далеко не все.

Тут началась борьба. И выглядело это весьма и весьма странно. Мамми была нежной и любящей, разумной и непоколебимой, а мелкая хулиганка Чибис в слезах, как капризный младенец, выкрикивала свои доводы. Я же неприкаянно стоял рядом и не смел вмешаться.

Когда Мамми уяснила ситуацию, она немедленно пришла к неизбежному выводу. Раз ей никак не выбраться (даже в собственном скафандре она бы столько не прошла), то идти должны мы с Чибис – и сейчас же. Если спасемся, то наш долг – донести до человечества, насколько опасны Лиловый с компанией. И тогда Мамми, вероятно, тоже останется в живых... что было бы приятно, но не обязательно.

Чибис решительно, наотрез, категорически отказалась выслушивать любые планы, предполагающие оставить Мамми на корабле. Если не может идти Мамми, то и она с места

не сдвинется.

– Кип! Отправляйся за помощью. Шевелись! Я остаюсь.
Я уставился на нее:

– Чибис, я так не могу.

– Должен! Действуй! Через «не могу»! Если не пойдешь, я... я с тобой больше разговаривать не буду!

– А если пойду, то сам с собой больше не буду разговаривать. Послушай, Чибис, это не вариант. Должна идти ты...

– Нет!

– Вот что, помолчи хоть для разнообразия. Ты пойдешь, а я останусь у двери, с дубиной. Я их задержу, а ты поднимай войска. И передай им, чтобы поторопились.

– Я... – Она успокоилась на миг, хоть и выглядела при этом совершенно растерянной. И вдруг с рыданиями бросилась к Мамми. – Ты меня больше не любишь!

Ну ясно, совсем потеряла голову. Мамми что-то ей напекла, а я места себе не находил. Из-за дурацких споров упускаем последний шанс. Лиловый может вернуться в любую секунду, и как бы я ни внушал себе, что сумею его прикончить, скорее всего, он сделает это со мной. Значит, тоже не вариант...

Прикинув все за и против, я сказал:

– Все пойдем.

От удивления у Чибис даже слезы высохли.

– Ты же знаешь, это невозможно.

Как, Кип? – пропела Мамми.

– Сейчас покажу. Чибис, вставай.

Мы двинулись к скафандрам, причем Чибис несла Мадам Помпадур и помогала идти Мамми. Монтажник Ларс Эклунд, первый хозяин Оскара, если верить сервисной книжке, похоже, весил не меньше двухсот фунтов. «Ушить» скафандр без потери герметичности нельзя; чтобы не болтаться внутри, я был вынужден затянуть все лямки. Длина рук и ног подходила, но в обхвате Оскар был мне велик. В нем хватит места и для меня, и для Мамми.

Пока я это объяснял, Чибис глазела на меня, а Мамми пением выражала свои сомнения и одобрения. Да, она может висеть на закорках; не сорвется, когда скафандр будет закрыт, а ремни подогнаны.

– Отлично. Чибис, лезь в скафандр.

Пока Чибис снаряжалась, я сбегал за носками. Вернувшись, посмотрел на зеркальную индикацию ее шлема.

– Надо подкачать воздуха. Твои баллоны заполнены только наполовину.

Это была серьезная неприятность. Запасные баллоны, которые я реквизирувал у двух упырей, были, как и мои, с нормальными резьбовыми штуцерами, но баллоны в скафандре Чибис имели дурацкие байонетные стыки. Туристы – народ изнеженный, непрестанно опекаемый няньками, – впадают в панику при малейшей задержке со сменой баллона. Для серьезной работы такая конструкция не годилась. У себя в мастерской я бы смастерил переходник за двадцать минут. Но

здесь, без необходимых инструментов... Этот запасной воздух с тем же успехом мог остаться на Земле.

Тут я всерьез подумал, не совершить ли одиночный марш-бросок за помощью. Но не стоило и заикаться об этом. Чибис лучше умрет, чем сдастся черверотому, – и я ее понимал.

– Детка, – выдавил я, – воздуха маловато. Не хватит на сорок миль.

Ее приборы показывали запас воздуха и оставшееся время. Пять часов... Сможет ли Чибис – даже на Луне – преодолеть сорок миль, даже трусцой? Вряд ли.

Я встретил ее спокойный взгляд.

– Прибор рассчитан на взрослого. Я маленькая – мне нужно меньше воздуха.

– Хм... не расходуй его слишком быстро.

– Не буду. Пошли.

Я стал застегивать ее скафандр.

– Стой! – запротестовала она.

– Что еще?

– Мадам Помпадур! Дай ее мне... пожалуйста. Она на полу, у меня под ногами.

Я подобрал несуразную куклу и вручил Чибис.

– А ей сколько воздуха нужно?

Чибис улыбнулась:

– Попрошу, чтобы не дышала.

Она засунула куклу за пазуху, я загерметизировал ее скафандр. Влез в свой. Мамми забралась мне на плечи и тесно

прижалась, мурлыча что-то ободряющее. Она сидела удобно, и я почувствовал, что смог бы пройти сотню миль, только бы они с Чибис были в безопасности.

Шнуроваться было нелегко – требовалось сначала распусть лямки, потом затянуть с учетом размера Мамми, а руки и у меня, и у Чибис уже были в перчатках. Но мы справились.

Из бельевой веревки я сделал хомут для запасных баллонов и повесил их на шею. Мамми на закорках, сам Оскар – со всем этим на Луне я весил фунтов пятьдесят. Но наконец-то я твердо стоял на ногах.

Я вытащил нож, которым заклинивал замок шлюза, и пристегнул его к поясу Оскара, рядом с нейлоновой веревкой и геологическим молотком. Мы вошли в шлюз и закрыли внутреннюю дверь. Я не знал, как выпустить воздух наружу, но Чибис была в курсе. Стравливаемый воздух зашипел.

– Как ты, Мамми?

– Держусь, Кип. – Она прильнула ко мне.

– «Чибис» – «Майскому жуку», – услышал я в наушниках, – проверка связи. Раз-раз-раз, раз-два, прием...

– «Майский жук» – «Чибису», раз-раз-раз, слышу хорошо, прием...

– Слышу тебя, Кип.

– Принято.

– Следи за давлением, Кип. Ты раздуваешься.

Я глянул на индикатор и шлепнул подбородком по клави-

ше, ругнувши себя за то, что девчонка поймала меня на такой ерунде. Но она-то в скафандре по Луне уже ходила, а я — зеленый новичок.

Не время дуться.

— Чибис? Готов слушать любые советы.

— Хорошо, Кип.

Внешняя дверь бесшумно отворилась внутрь, и я увидел тускло светящуюся лунную равнину. На мгновение ощутил тоску по дому, вспомнил детские игры в «путешествие на Луну». Как бы я хотел оказаться сейчас в Сентервилле!

Чибис прижала свой шлем к моему:

— Видишь кого-нибудь?

— Нет.

— Нам повезло, дверь не просматривается с других кораблей. Слушай внимательно. Радировать нельзя, пока за горизонт не зайдем, разве что уж совсем припрет. Они прослушивают наши частоты, это я знаю точно. Видишь вон ту гору с седловиной? Кип, да куда ты смотришь!

— Да-да... — Я загляделся на Землю.

Она была прекрасна даже в том планетарии, но я и представить себе не мог, как это будет наяву. Земля рядом, только руку протяни... и такая далекая. Вернемся ли мы домой? Знали бы вы, какая у нас красивая планета! Это надо увидеть своими глазами... Облака, клубящиеся вдоль ее пояса, льды на полюсе — точно кокетливая весенняя шляпка.

— Да, я вижу перевал.

– Пойдем левее, к перевалу. Тим и Джок везли меня там на вездеходе. Найдем его следы, будет проще. Сначала надо добраться до тех холмов, левее перевала, – наш корабль за-слонит нас, и сможем уйти... если повезет.

До поверхности было около двенадцати футов, и я хотел прыгнуть, ведь при такой гравитации это пустяк. Чибис настояла на том, чтобы спустить меня на веревке.

– Кувыркнешься. Слушай, Кип, старую тетю Чибис, она знает, что говорит. У тебя ноги еще не приспособились к Луне. Это как первый раз на велосипед сесть.

Так что она спустила нас с Мамми, привязав нейлоновый шнур к замку. Потом легко прыгнула. Я начал сматывать веревку, но Чибис остановила меня и пристегнула свободный конец к своему поясу, потом прижалась ко мне шлемом.

– Я поведу. Если пойду слишком быстро или понадобится, дерни за веревочку. Не забывай, я вас не вижу.

– Есть, капитан!

– Не шути, Кип. Это серьезно.

– Я не шучу, Чибис. Ты командир.

– Пошли. Не верти головой, упадешь. Курс – на холмы.

Глава 6

Мне бы млеть от причудливой романтики, но я был занят, как Элиза, переходящая замерзшую реку¹⁰, а те, кто мог идти по пятам, были хуже гончих псов. Хотелось оглянуться, но нужно было удерживаться на ногах. Я не видел, куда ступаю; приходилось смотреть вперед и соизмерять каждый шаг, и я был внимателен, как лесоруб на состязаниях по логроллингу. Идти не скользко, грунт шершавый – пыль и тонкий песок, а под ними скала. Пятидесяти фунтов веса оказалось достаточно для надежного сцепления подошв с почвой. Однако оставались триста фунтов массы; инерция издевалась над приобретенными за жизнь рефлексам. Приходилось крениться при малейшем повороте, откидываться назад, зарываться ногами в песок, тормозя, и наклоняться вперед, набирая ход.

Я мог бы нарисовать схему усилий и перемещений, но какой в том прок? Сколько времени младенец учится ходить? А новорожденный обитатель Луны постигал эту науку в процессе форсированного марша, полуслепой, на максимально возможной скорости.

Так что у меня не было времени размышлять о невероятности происходящего.

¹⁰ Подразумевается сцена из романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Элиза бежит по льдинам во время ледохода, спасаясь от погони.

Чибис перешла на рысь, она все нажимала. Вербка то и дело натягивалась, я отчаянно старался идти быстрее и не падать при этом.

Мамми пропела в спину:

Все в порядке, Кип? Кажется, ты нервничаешь.

– Я... в порядке! Как... вы?

Мне очень удобно. Не надорвись, дорогой.

– Ладно.

Оскар делал свое дело. Я потел от натуги и от солнца, но не нажимал подбородком на рычажок, пока не заметил на индикаторе цвета крови, что начинается гипоксия. Система работала безупречно, при давлении в четыре фунта сочленения не досаждали; сказывались долгие часы тренировок на пастбище. Так что у меня оставалась единственная забота – не наткаться на бугры и ямы и искать колею вездехода.

Мы добрались до холмов минут за двадцать. Первый же поворот, который Чибис сделала на этих кочках, застал меня врасплох, и я чуть не упал. Она притормозила и вошла в расселину. Я приблизился, и мы соприкоснулись шлемами.

– Как ты?

– Нормально.

– Мамми, слышишь меня?

Да, дорогая.

– Тебе удобно? Хорошо дышится?

Вполне. Наш Кип очень заботлив.

– Вот и отлично. Веди себя хорошо, Мамми.

Конечно, дорогая.

Каким-то образом в свою птичью трель она вложила снисходительный смешок.

– Кстати, о дыхании, – сказал я Чибис. – Давай-ка проверим твой баллон.

Я попытался заглянуть в ее шлем.

Она отвернулась, потом придвинулась опять.

– У меня все в порядке!

– Это ты так думаешь.

Я взялся за ее шлем обеими руками, но не смог увидеть приборную панель – на слепящем солнце заглядывать в скафандр все равно что ночью пялиться в колодец.

– Что на приборах? И не вздумай соврать!

– Не суй нос куда не надо.

Я развернул ее и глянул на манометры баллонов. Один резервуар был пуст, другой почти полон.

Я прижался к ее шлему.

– Чибис, – медленно сказал я, – сколько миль мы уже прошли?

– Около трех, я думаю. А что?

– Значит, нам идти еще миль тридцать?

– Если не тридцать пять. Кип, не психуй. Что один баллон пуст, я знаю; переключилась на полный перед тем, как мы остановились.

– На одном баллоне ты не пройдешь тридцать пять миль.

– Пройду... потому что должна пройти.

– Слушай, у нас воздуха – полно. Я придумаю, как перекачать.

Я полностью погрузился в эту проблему. Вспоминал, какие инструменты на поясе, что можно использовать.

– Кип, ты же знаешь, нельзя подключить запасные баллоны к моему скафандру – так что заткнись!

В чем дело, милые мои? Почему вы ссоритесь?

– Мы не ссоримся, Мамми. Просто Кип нудит.

Ну, ребята...

– Чибис, я согласен, что не смогу подключить баллоны к твоему скафандру, – сказал я. – Но придумаю, как перезарядить твой баллон.

– Как, Кип?

– Предоставь это мне. Я потренируюсь на пустом баллоне; если не получится, мы ничего не потеряем.

– Сколько времени это займет?

– Десять минут, если повезет. Если нет – полчаса.

– Отпадает, – решила она.

– Ну, Чибис, не говори ерун...

– Я не говорю ерунды! Пока не дошли до гор, мы как жук на тарелке. До гор я дотяну. Там отдохнем и заполним баллон.

Резонно.

– Вот и хорошо.

– Ты быстрее идти можешь? Если не успеем дойти до гор незамеченными...

– Быстрее – могу. Вот только эти чертовы баллоны...

– А-а-а... – Она остановилась и нерешительно спросила: – Может, один скинешь?

– Что? Ну нет! Просто из-за них я теряю равновесие. Раз десять чуть не брякнулся. Чибис, можешь связать их, чтобы не болтались?

– Ну конечно.

Уходя, я перекинул баллоны через шею, и они свешивались на грудь – не очень элегантно, но я торопился. Теперь Чибис прочно соединила их с моими собственными баллонами. Мамми сидела у меня за спиной – наверняка ей было тесно, как на распродаже в черную пятницу. Чибис пропустила шнур под моим поясом и прихватила им хомут. Она сказала, прикоснувшись шлемом:

– Надеюсь, теперь нормально.

– А ты сделала плоский узел?

Она глянула и виновато призналась:

– Нет, женский... Все, теперь плоский.

– Хорошо. Подоткни концы под пояс, чтобы я за них не зацепился, а то вспашем носом землю. Ты как?

– Угу, – медленно проговорила Чибис. – Только жвачку жалко, хотя она была совсем старая. В горле пересохло.

– Хлебни воды. Только немного.

– Кип! Не смешно.

Я уставился на нее:

– Чибис... в твоём скафандре нет воды?

– Ты что, свихнулся?

У меня челюсть отвисла.

– Но, детка, – беспомощно сказал я, – что ж ты не набрала воды перед выходом?

– Ты о чем? В твоём скафандре есть емкость для воды?

Я потерял дар речи. Оказывается, у нее прогулочный скафандр – для этих «живописных экскурсий по величавому древнему лику Луны», обещанных рекламой. Точно рассчитанные прогулки, не дольше получаса, разумеется, с гидом... Так зачем нужна вода? Не дай бог какой-нибудь турист поперхнется, или откусит наконечник и утонет в собственном шлеме, или еще что в том же духе. Да оно и дешевле.

Я задумался: чем еще опасна эта экономная экипировка, ведь от нее зависит жизнь Чибис.

– Извини, – виновато сказал я. – Послушай, я придумаю, как переправить тебе воду.

– Вряд ли получится. Я не умру по пути от жажды, так что перестань волноваться. Со мной все нормально. Просто жалко, что нет жвачки. Готов?

Ну... готов.

Холмы были всего лишь гигантскими наплывами лавы; их мы преодолели быстро, хотя пришлось осторожничать. Поверхность за холмами казалась глаже, чем запад Канзаса. Равнина тянулась до близкого горизонта, за которым торчали блестящие на солнце горы. Они выделялись на черном

небе, словно вырезанные из картона. Я попытался вычислить расстояние до горизонта, зная, что радиус Луны тысяча миль, а глаз находится на высоте шести футов, но не смог сделать это в уме и пожалел, что при мне нет логарифмической линейки. Казалось, до горизонта не больше мили.

Чибис дождалась меня, прикоснулась шлемом:

– Все в порядке, Кип? Как ты, Мамми?

– Вполне.

Все хорошо, дорогая.

– Кип, когда меня тащили, от прохода в горах курс был на восемь градусов к северо-востоку. Я слышала, как они спорили, и заглянула в карту. Так что сейчас надо назад, на запад, восемью градусами южнее... Это без учета нашей пробежки до холмов, но выйдем достаточно близко к проходу. Согласен?

– Звучит шикарно. – Меня действительно впечатлило. – Чибис, ты, наверное, в прошлой жизни была индейцем-разведчиком! А может, самым Дэви Крокеттом.

– Ну, карту читать все умеют. – Судя по голосу, она была польщена. – Сверим компасы. У тебя на Земле какая была поправка?

«Оскар, – мысленно сказал я, – ты меня подводишь. Я ей пенял, что в ее скафандре нет воды, – а у тебя нет компаса».

Оскар запротестовал:

Обижаете, друг! Зачем мне компас на Второй орбитальной? А насчет Луны вообще не было разговоров.

Вслух я произнес:

– Чибис, этот скафандр предназначен для работы на орбитальных станциях. Какой толк от компаса в открытом космосе? Мне никто не обещал, что я попаду на Луну.

– Вот черт!.. Ладно, проехали, не реветь же по этому поводу. Ты можешь ориентироваться по Земле.

– А почему я не могу ориентироваться по твоему компасу?

– Не говори глупостей, он встроен в шлем. Так, минуточку...

Она повернулась к Земле, потом в разные стороны. И снова прижалась шлемом.

– Земля точно на северо-западе... значит, наш курс – пятьдесят три градуса влево. Попробуй определиться. Угловой размер Земли два градуса, как тебе известно.

– Это мне еще до твоего рождения было известно.

– Не сомневаюсь. Некоторые без форы не могут.

– Тоже мне, академик нашелся!

– Ты первый начал грубить!

– Ладно... Оставим споры на потом. У тебя два шара форы.

– Очень надо! Ты еще не знаешь, как я могу...

– Не знаю, но догадываюсь.

Ребята! Ребята!

– Извини, Чибис.

– Тоже извини. Я слишком легко раздражаюсь. Скорее бы

туда.

– Это точно. Давай-ка я прикину курс.

Я посчитал градусы, взяв за мерило Землю. Зрительно отметил место. Пятьдесят три градуса – сколько это процентов от девяноста? Результаты не совпали, и я попробовал найти какие-нибудь звезды, чтобы сориентироваться по ним. Говорят, что с Луны видны звезды даже днем. Видны, если хорошенько поискать. Солнце было у меня за спиной, но я стоял лицом к Земле, видимой в три четверти, и еще мешало ослепительное сияние лунной поверхности. Поляризатор убирал часть блеска, но вместе с ним и свет звезд.

Поэтому я взял среднее от моих результатов и отметил эту точку.

– Чибис? Видишь вон тот пик, у него слева что-то вроде подбородка? Думаю, это довольно точный ориентир.

– Дай проверить. – Она глянула на компас. – Похоже, Кип. Наш курс правее всего на три градуса.

Я был польщен.

– Вперед?

– Да. За перевалом, точно на западе, будет станция Томбо. До гор было около десяти миль; мы их одолели быстро. На Луне все получается быстро – если поверхность ровная и если держишь равновесие. Чибис все ускоряла шаг, и вот уже мы почти летим, прыгая длинно и низко, по-страусиному, – а вы сами знаете, что быстро бежать легче, чем медленно. После того как приспособишься, самое страшное –

опрокинуться, налетев на скалу или угодив в яму. Серьезная опасность, на такой скорости легко оступиться. Я не боялся упасть; был уверен, что Оскар выдержит. Но, рухнув на спину, я мог раздавить Мамми.

И я волновался за Чибис. Эти идиотские прогулочные скафандры не такие крепкие, как Оскар. Мне случалось читать о взрывной декомпрессии – вот уж чего не дай бог увидеть. Особенно если это случится с девчушкой. Но предупредить ее по радио я не осмеливался, хотя мы, наверное, уже вошли в радиотень. А если дернуть за бечевку, она может упасть.

Равнина начала повышаться, и мы пошли медленнее. Еще какое-то время шагали, потом стали карабкаться по склону, покрытому щебнем. Я оступился, но приземлился на руки и легко поднялся – одна шестая гравитации имеет и преимущества, не только недостатки. Мы добрались до вершины, и Чибис завела нас в небольшую трещину. Она остановилась и прикоснулась шлемом:

– Эй, есть кто-нибудь в домике? Вы как?

Все порядке, дитя мое.

– Разумеется, – подтвердил я, – правда, немножко устали. – Это было мягко сказано, но если уж Чибис держалась, то я и подавно не мог ударить в грязь лицом.

– Можно отдохнуть, – ответила она, – и расслабиться. Я хотела побыстрее уйти с открытого пространства. Здесь нас нипочем не найдут.

Я решил, что она права. Конечно, пролетающий мимо корабль способен нас засечь, если нижний обзор у черверотых так же хорош, как верхний, ведь это, возможно, переключается одной кнопкой. И все же наши шансы возросли.

– Пора заняться твоим баллоном.

– Хорошо.

Нельзя было терять времени – второй баллон опустел больше чем на треть, даже почти на половину. На нем до станции Томбо она не дотянет – простая арифметика. Так что я скрестил пальцы на счастье и взялся за дело.

– Чибис, сможешь распутать эту кошачью колыбельку?

Пока девочка возилась с узлами, я собрался попить, но устыдился. Чибис, должно быть, уже язык жует, чтобы собственной слюной утолить жажду, – а я все не могу сообразить, как переправить ей воду. Резервуар находится внутри моего шлема, и добраться до него снаружи невозможно – мы с Мамми погибли бы при попытке.

Если выживу и стану инженером, я это исправлю!

Но потом я решил, что глупо не пить самому, если Чибис не имеет такой возможности, – от моей дееспособности зависят наши жизни. Так что я попил, съел три таблетки сублимированного молока, таблетку соли, потом еще глотнул воды. Сразу полегчало, но все же я надеялся, что Чибис ничего не заметила. Впрочем, она была занята шнуром, да и сквозь стекло шлема плохо видно.

Я снял пустой баллон со спины Чибис, тщательно прове-

рил, убедился, что внешний клапан закрыт. По идее, в месте соединения воздуховода со шлемом клапан односторонний, но я больше не доверял ее скафандру; возможно, конструкторы еще на чем-нибудь сэкономили. Я положил пустой баллон на землю рядом с полным, осмотрел их и повернулся к Чибис:

– Отсоедини левый баллон у меня на спине.

– Зачем, Кип?

– Просто делай, что говорю. – Я мог бы объяснить, но не хотел ввязываться в спор.

В этом баллоне был чистый кислород, в других – кислородно-гелиевая смесь. Он был полнехонек, разве что я чуть-чуть потратил прошлой ночью в Сентервилле. И уж если невозможно заправить ее баллон полностью, логика подсказывает наполовину заправить его чистым кислородом.

Она умолкла и сняла баллон.

Я стал соображать, как уравнивать давление в баллонах с несопадающей резьбой. Почти без инструментов, в четверти миллиона миль от Земли сделать это как следует невозможно, – и даже оттого, что станция Томбо рядом, не легче.

Но у меня был моток липкой ленты.

В инструкции к Оскару говорилось о двух наборах первой помощи. Не знаю уж, что в них должно было находиться; в списке значились только артикулы номенклатуры ВВС. Я так и не додумался, что может быть полезным в наборе, носимом вне скафандра, – возможно, шприц для подкожных

инъекций, достаточно острый, чтобы проткнуть оболочку и ввести человеку морфин. Не зная, чем оснастить аптечки, я положил и во внешнюю, и во внутреннюю бандаж, бинт и рулончик пластыря.

На него-то я и надеялся.

Я свел концы воздуховодов, сорвал обертку с бандажной ленты и обмотал место соединения – был риск, что липкое вещество помешает потом присоединить воздуховод к скафандру. Затем покрыл стык пластырем, наматывая очень плотно и тщательно, с запасом в три дюйма с каждой стороны. Лента и сама может продержаться несколько секунд, но очень уж велика сила, которая попытается разорвать стык. Я извел весь рулончик.

После этого поманил Чибис, и мы соприкоснулись шлемами.

– Я сейчас открою клапан на полном баллоне. На пустом уже открыт. Когда увидишь, что я начинаю закрывать клапан полного баллона, тут же закрывай клапан пустого. Поняла?

– Закрывать клапан синхронно с тобой. Задача ясна.

– Приготовься. Положи руку на клапан.

Я как можно сильнее зажал перебинтованные воздуховоды в кулаке, положил другую руку на клапан. Если соединение порвется, напор кислорода сбросит мою руку. И тогда маленькой Чибис долго не прожить. Поэтому я вцепился изо всех сил.

Следя за обоими приборами, я чуть сдвинул клапан.

Шланг воздуховода изогнулся; стрелка прибора на отметке «пусто» задергалась. Я открыл клапан полностью.

Одна стрелка скакнула влево, другая вправо. Обе быстро приближались к середине. «Давай!» – бессмысленно завопил я и начал закрывать клапан.

И почувствовал, что стык расходится.

Шланги выскочили у меня из руки, но газа улетучилось немного. До меня дошло, что я пытаюсь крутить плотно закрытый клапан. Свой клапан Чибис уже задраила. Обе шкалы показывали чуть меньше половины – теперь у Чибис был воздух.

Я вздохнул и понял, что все это время не дышал.

Чибис прижалась ко мне шлемом и сказала очень спокойно:

– Спасибо, Кип.

– Аптека Чартона к вашим услугам, мэм. Ваша сдача, мэм. Чаевых не нужно, мэм. Сейчас я тут приберусь, потом вы привяжете меня, и пойдем.

– Теперь тебе нужно нести только один лишний баллон.

– Ошибаешься, Чибис. Мы сможем проделать этот трюк пять или шесть раз, пока там еще шипит. – «Или пока держит пластырь», – добавил я про себя.

Первое, что я сделал, – это смотал ленту в рулончик. Если думаете, что это легко, попробуйте сами, когда вы в перчатках, а липкий слой стремительно засыхает.

Несмотря на бинт, липучка в стык проникла. Но сразу за-

сохла и легко отшелушилась от байонетного стыка. Я не беспокоился насчет резьбового соединения – полагал, что оно уже не понадобится. Мы взгромоздили на Чибис ее перезаряженный баллон, и я предупредил, что там чистый кислород.

– Уменьши давление и пользуйся обоими баллонами. Что у тебя с цветом крови?

– Я поддерживаю режим дефицита кислорода.

– Дура! Хочешь коньки отбросить? Жми рычажок! Доводи до нормального уровня!

Один из украденных мной баллонов мы повесили мне на спину, второй и тот, что с кислородом, привязали спереди и двинулись.

Земные горы не таят особых неожиданностей. О лунных этого не скажешь, ведь они формировались без участия воды. Мы уперлись в расщелину, по отвесным стенкам которой нельзя было спуститься без веревки, а подняться вряд ли и с веревкой. С крючьями и карабинами, без скафандров, в Скалистых горах это бы не составило труда. Но в нашем положении... Чибис неохотно повела нас обратно. Вниз по щебню двигаться было куда сложнее – я съезжал на руках и коленях, а Чибис страховала меня веревкой. Я хотел было изобразить героя и подстраховать ее – и мы опять поругались.

– Перестань корчить галантного идиота, Кип! Ты прешь на себе четыре баллона и Мамми, а я козой прыгаю...

Я умолк.

Спустившись, она прикоснулась к моему шлему.

– Кип, – сказала она с беспокойством. – Я не знаю, что делать.

– В смысле?

– Я держалась немного к югу от следа вездехода. Не хотела идти прямо по его колее. Но теперь мне кажется, что другого пути нет.

– Надо было раньше сказать.

– Но это же для того, чтобы нас не нашли. Искать-то будут по колее.

– М-да. – Я глянул на гряды, которая нас остановила.

На фотографиях лунные горы выглядят высокими, острыми и неровными; сквозь гермошлем они кажутся неприступными.

Я снова прикоснулся к ее шлему:

– Мы бы поискали другую дорогу, будь у нас время, воздух и ресурсы крупной экспедиции. Но придется идти прежним маршрутом. Куда?

– Чуть севернее... кажется.

Мы попытались пройти севернее вдоль подножий холмов, но путь оказался трудным и долгим. В конце концов вернулись на край равнины. Пришлось попрыгать, но мы не могли рисковать. Двигались быстро, но не бежали, боялись пропустить следы вездехода. Я считал шаги и, когда дошел до тысячи, потянул за веревку. Чибис остановилась, и я сказал ей через шлем:

– Мы прошли полмили. Сколько еще осталось, как думаешь? Мы не могли пропустить колею?

Чибис посмотрела на горы.

– Не знаю, – сказала она. – Все выглядит незнакомо.

– Заблудились?

– Ох... Колея должна быть где-то впереди. Но мы уже далеко зашли. Хочешь повернуть?

– Чибис, я даже не знаю, где здесь почта.

– Что же нам делать?

– Думаю, надо идти вперед, пока ты не убедишься, что маршрут неверный. Высматривай проход, а я буду искать колею. Когда скажешь, что мы точно зашли слишком далеко, повернем назад. Мы не можем метаться, как собака за кроликом.

– Ладно.

Я насчитал две тысячи шагов, то есть еще одну милю, когда Чибис остановилась.

– Кип? Дальше колеи быть не может. Горы здесь выше и круче.

– Уверена? Подумай хорошенько. Лучше пройти лишние пять миль, чем чуть-чуть не дойти.

Она колебалась. Ее лицо было прижато к гермошлему, и я видел, что она хмурится. Наконец сказала:

– Колеи впереди нет, Кип.

– Это решает дело. Назад, шагом марш! «Макдуф, начнем,

кто первым крикнет: „Стой!“ – тот проклят будет!»¹¹

– «Король Лир».

– «Макбет». Пари?

Колея была позади всего в полумиле – в первый раз я проглядел ее. Солнце светило мне в спину, и следы гусениц на голой скале с тончайшим слоем пыли были почти не видны – я и во второй раз чуть не прошел мимо.

Они повели нас прочь с равнины, прямо в горы.

Без этих следов мы бы ни за что не перебрались на ту сторону. Чибис была оптимистична, как ребенок. Ведь мы шли не по дороге, а по следу гусеничного вездехода. Кое-где не прошел бы даже он, если бы кто-то не расчистил путь взрывчаткой. Сомневаюсь, что эту козью тропу пробивали Толстый и Тощий; они не смахивали на любителей тяжелой работы. Возможно, поработала одна из исследовательских партий. Если бы мы с Чибис не отказались от попытки найти другой проход, так и остались бы там – достопримечательности для будущих поколений туристов.

Однако где прошел вездеход, там и человек пройдет. Конечно, это не увеселительная прогулка, а тяжелый труд, все вверх, вверх и вверх – и не хвататься за шаткие камни, смотри, куда ставишь ногу. Иногда приходилось страховаться веревкой. Нудное и скучное занятие.

Когда Чибис израсходовала свой кислород, мы останови-

¹¹ Перевод Ю. Корнеева.

лись, и я снова выровнял давление в баллонах, отдав на этот раз только четверть заправки – по принципу Ахиллеса и черепахи. Мы могли бы до бесконечности так делиться половинками, лишь бы выдержал пластырь. Он уже вконец облез, но давление было теперь вдвое меньше, я сумел удержать шланги, пока мы закрывали клапаны.

Должен сказать, что я переносил дорогу довольно легко. У меня была вода, пища, декседрин. Последний очень помогал; как только я выдыхался, спасала живительная таблетка. У бедняжки Чибис не было ничего, кроме воздуха и отваги.

У нее не было даже системы охлаждения, как у меня. Поскольку она пользовалась дыхательной смесью с большим содержанием кислорода, вентиляция была слабой и ее не хватало для охлаждения тела; я напомнил Чибис, что надо беречь воздух для дыхания.

– Знаю, Кип, – отозвалась она с обидой. – Стрелка как раз на красной отметке. Ты меня за дурочку держишь?

– О твоей жизни забочусь.

– Только не надо обращаться со мной как с ребенком. Ты, главное, ноги переставляй, об остальном я сама позабочусь.

– Не сомневаюсь.

Мамми тоже каждый раз уверяла, что все в порядке. Воздух у нее был тот же, что и у меня, но я не знал, что ей приходится нелегко. Подвесь человека за ноги – и он умрет через сутки. Для летучей мыши это приятный отдых, но мы с летучими мышами не близкие родственники.

Пока мы карабкались, я разговаривал с ней. Не важно о чем; ее щебет действовал на меня как подбадривающие крики болельщиков. У бедной Чибис не было даже такой поддержки. С Мамми она общалась, только когда мы останавливались и соприкасались шлемами. Мы все еще не пользовались радио – даже в горах боялись себя выдать.

Вот новая остановка, и я отдаю Чибис одну восьмую заправки. Липкая лента совсем испортилась; я сомневался, послужит ли она еще раз. Я сказал:

– Чибис, может, израсходуешь твою кислородно-гелиевую смесь до конца, а я понесу этот баллон? Сбережешь силы.

– Я не устала.

– Меньше груз – меньше расход воздуха.

– У тебя должны быть свободными руки. Вдруг поскользнешься?

– Чибис, я не в руках понесу. Правый баллон у меня пустой, я его выброшу. Просто поменяемся баллонами, у меня их будет по-прежнему четыре, вдобавок лучше уравновешенные.

– Хорошо. Только я понесу два баллона. Честно, Кип, вес ничего не значит. А если я истрачу всю кислородно-гелиевую смесь, чем буду дышать, пока мы заправляем баллон?

Не хотелось говорить ей, что маловато шансов заправить мизерное количество, которое еще оставалось.

– Идет.

Мы поменяли баллоны, выкинули пустой в глубокую чер-

ную яму и продолжили путь. Не знаю, как далеко мы забрались и сколько это продолжалось. Казалось, ползем уже который день – хотя не протянули бы так долго с нашим запасом. Миля за милей, следуя вдоль колеи, мы вскарабкались по меньшей мере на восемь тысяч футов. За точность не ручаюсь, но я видел горы, чья высота мне известна. Можете сами посмотреть в справочнике – первая гряда к востоку от станции Томбо. Это серьезное восхождение, даже при одной шестой *g*.

Путь казался бесконечным, потому что я не представлял ни пройденного расстояния, ни потраченного времени. Часы были у нас обоих – на руках под скафандрами. В шлемах хронометры отсутствовали. Есть способ определить время по Гринвичу, посмотрев на Землю. Но этого я не умел, к тому же почти всегда Землю закрывали горы. И мы не знали, когда покинули корабль.

Чего еще не хватало в скафандрах, так это зеркала заднего обзора. Конечно, не помешало бы и окошко у подбородка, чтобы видеть, куда ставишь ногу. Но если выбирать, я бы предпочел зеркало. Оглянуться невозможно, приходится поворачиваться всем телом. Каждые несколько секунд мне хотелось посмотреть, нет ли погони, – но я не мог тратить на это силы. Все время казалось, что нам дышат в затылок, чудилась рука черверотого на плече. Я со страхом вслушивался, хотя в вакууме шаги не звучат.

Будете покупать скафандр, потребуйте, чтобы его осна-

стили зеркалом заднего вида. Пусть вам не понадобится убежать от черверотых, но даже лучший друг, подкрадывающийся сзади, действует на нервы. Да, захватите зонтик от солнца. Оскар старался изо всех сил, и в «Йорке» делают кондиционеры на совесть – но Солнце, не смягченное атмосферой, палит нещадно, а я не смел тратить воздух для охлаждения, во всяком случае тратил не больше, чем Чибис.

Становилось жарче, с меня тек пот, вся кожа зудела, но почесаться было невозможно. Пот жег глаза. Чибис, должно быть, уже сварилась. Даже когда колея проходила по глубоким расщелинам, освещенным только отраженным светом, и приходилось включать нашлемные фонари – все равно было жарко. Когда же мы снова выбирались на солнце, пёкло становилось почти невыносимым. Искушение нажать подбродком на рычажок и впустить воздух было слишком велико. Желание охладить тело брало верх над необходимостью дышать.

Будь я один, наверное, так бы и сделал – и умер. Но Чибис приходилось хуже, чем мне. И раз она до сих пор выдержала, я тоже не мог сдаться.

Раньше я удивлялся, как нам удалось заблудиться так близко от человеческого жилья – и как хитроумно чудовища спрятали свою базу всего в сорока милях от станции Томбо. Что ж, у меня было время поразмыслить. Оглядывая лунную поверхность, я понял причину.

В сравнении с Луной Арктика просто кишит людьми.

Площадь Луны примерно с Азию – а народу там меньше, чем в Сентервилле. На исследование равнины, где обосновались червероты, могло уйти столетие.

С пролетающей ракеты ничего не заметить, даже не будь база замаскирована. Пешком человек в скафандре туда не дойдет. Человек в вездеходе наткнулся бы на это логово только случайно, даже если бы пробрался нашим путем и исколесил всю равнину.

Был еще лунный картографический спутник, который делал снимки поверхности. Но слишком мала вероятность, что фотограмметрист в Лондоне обнаружил бы нечто необычное. Возможно, обнаружил бы. Возможно, еще через несколько лет кто-нибудь попытался бы проверить – если бы ему не помешало что-то более срочное. У первопроходцев все необычно и все срочно.

Что же до радарных наблюдений... так необъясненных радарных наблюдений хватало еще до моего рождения.

Пиратское логово у станции Томбо под самым боком, расстояние меньше, чем между Далласом и Форт-Уэртом. Но, сидя там как мышь, черверотый мог ни о чем не беспокоиться. Слишком много квадратных миль, слишком мало людей.

Нашим миром стали острые сверкающие скалы, и темные тени, и черное небо. Мы все шли и шли, и казалось, не будет конца этому нудному переставлению ног.

И все же теперь мы чаще спускались, чем поднимались, и вдруг за поворотом открылась раскаленная блестящая рав-

нина. Непостижимо далеко впереди виднелись горы; даже с высоты тысячи футов казалось, что они за линией горизонта. Я оглядел эту равнину, слишком измотанный, чтобы радоваться, потом посмотрел на Землю и попытался найти запад.

Чибис прикоснулась шлемом:

– Вон там, Кип.

– Где?

Она указала, и я уловил отблеск серебристого купола.

Мамми издала трель у меня за спиной:

Что вы видите, ребята?

– Станцию Томбо, Мамми.

Ответом был ободряющий щебет – мы хорошие детки, и она знала, что мы справимся.

До станции было, наверное, миль десять. Расстояния там трудно определять – горизонт диковинный, ориентиров нет. Я даже не понял, какого размера купол.

– Чибис, попробуем связаться по радио?

Она повернулась и посмотрела назад. Я тоже взгляделся; мы были совершенно одни.

– Давай рискнем.

– На какой частоте?

– На той же, наверное. Диапазон космической связи.

Я попробовал:

– Станция Томбо. Станция Томбо, прием. Вы меня слышите?

Потом попыталась Чибис. Я перебрал все частоты, на ко-

торых работала рация. Безуспешно.

Я переключился на направленную антенну, ориентируясь на отблеск купола. Никакого ответа.

– Мы зря теряем время, Чибис. Вперед.

Она медленно повернулась. Почувствовав ее разочарование – сам дрожал от волнения, – я догнал ее и прикоснулся к шлему:

– Не расстраивайся, Чибис. Не могут же они сидеть на приеме весь день напролет. Станцию мы видим, теперь дойдем.

– Я знаю, – ответила она тусклым голосом.

Тронувшись с места, мы сразу потеряли из виду станцию Томбо, не только из-за поворотов, но и потому, что она скрылась за горизонтом. Я вызывал, пока оставалась какая-то надежда, потом отключился, экономя воздух и батареи.

Мы прошли почти половину спуска, когда Чибис замедлила шаг, остановилась, осела на землю и замерла.

Я заспешил к ней:

– Чибис!

– Кип, – вяло сказала она. – Можешь привести кого-нибудь? Пожалуйста! Ты знаешь дорогу. Я подожду здесь. Пожалуйста, Кип!

– Чибис! – рявкнул я. – Вставай! Ты должна идти.

– Н-не могу. – Она заплакала. – Так хочется пить... и ноги... – Она потеряла сознание.

– Чибис! – Я потряс ее за плечо. – Нельзя так! Мамми!

Скажи ей что-нибудь!

У Чибис дрогнули веки.

– Еще, Мамми! Говори с ней, не прекращай!

Я отпустил Чибис и взялся за дело. Гипоксия сшибает человека мгновенно, как удар в челюсть. Не нужно было убеждаться, что указатель цвета крови стоит на «Опасно», – все было видно по манометрам. Кислородный баллон пуст, второй баллон почти пуст. Я закрыл выпускные клапаны, переключил клавишу под подбородком Чибис на внешнее управление и стравил в ее шлем остатки кислородно-гелиевой смеси. Когда скафандр начал раздуваться, я перекрыл поток воздуха и чуть-чуть приоткрыл один из выпускных клапанов. И только после этого закрыл блокирующие клапаны и снял опустевший баллон.

И уперся в дурацкую проблему.

Чибис слишком хорошо приторочила баллоны; я не мог дотянуться до узла! Левой рукой его нащупывал, но правой не дотягивался. Мешал висящий спереди баллон – а одной рукой узел не развяжешь.

Я заставил себя не паниковать. Ну конечно! У меня есть нож. Старый скаутский нож с поясной петлей, на ней он сейчас и висел. Но крючок на поясе Оскара был слишком широк, пришлось его поджать, и теперь нож не снимался. Я держал его, пока петля не лопнула.

Мне никак не удавалось открыть маленькое лезвие. У перчаток скафандра нет ногтей.

«Кип, хватит бегать по кругу, – сказал я себе. – Все, что тебе нужно сделать, – это открыть нож. И ты обязан справиться – потому что Чибис задыхается». Я огляделся в поисках тонкого камешка... Нет ничего, что сгодились бы вместо ногтя. Перебрал инструменты на поясе.

Меня выручил геологический молоток с узкой кромкой. Я перерезал веревку.

Но этого было мало. Необходимо было добраться до баллона на спине. Когда я выкинул пустой баллон и поставил себе последний полный, то сразу подключил его и сэкономил почти половину другого баллона. Я рассчитывал сбросить этот запас на крайний случай и разделить его с Чибис. Пора это сделать – у нее кончился воздух. У меня в одном баллоне воздуха тоже почти не было, зато в этом оставалось ползаправки. Плюс в баллоне с чистым кислородом одна восьмая или чуть меньше – максимум, на что можно надеяться после моих перекачек. Я хотел сделать приятный сюрприз Чибис, отдав сразу четверть заправки кислородно-гелиевой смеси – и хватит надолго, и охлаждает она лучше.

Настоящее донкихотство, подумал я. И двух секунд не понадобилось, чтобы понять: ничего не получится.

Я не мог снять этот баллон со спины!

Возможно, если бы я не переделывал крепления под нештатные баллоны, я бы справился. В инструкции говорилось: «Закиньте руку за противоположное плечо, закройте блокирующие клапаны баллона и шлема, отсоедините хо-

мут...» У меня не было никакого хомута; вместо него были стропы. Но я вообще сомневаюсь, что можно закинуть руку за плечо в скафандре под давлением и при этом еще что-то делать. Наверное, инструкция написана какой-нибудь канцелярской крысой. Может, даже наблюдавшей этот трюк в исполнении фокусника, умеющего выворачивать свои плечи из суставов. Но спорю на полную заправку кислорода, что монтажники на Второй орбитальной станции справлялись, как мы с Чибис, помогая друг другу, – либо заходили в помещение и шлюзовались.

Если доведется, я это изменю. Ко всем аксессуарам скафандра необходим доступ спереди. Там должны располагаться клапаны, хомуты и все остальное, даже если нужно поменять что-то сзади. Мы ведь не похожи на черверотых, у которых глаза повсюду, а руки сгибаются в десяти местах; мы можем делать что-то, лишь глядя вперед, – тем более в скафандре.

А еще у подбородка должно быть окошко, чтобы видеть, что делаешь! На бумаге-то все гладко...

Однако я не тратил времени на сетования; в пределах досягаемости у меня была одна восьмая заправки. За нее-то я и ухватился.

Хорошо послужившая липкая лента уже превратилась в жалкий мусор. С бандажом я не стал возиться. Если пластырь вообще прилипнет, я уже буду счастлив. Я обращался с ним осторожно, как с золотой фольгой, стараясь намотать

поплотнее, и лишь единожды прервался, чтобы полностью закрыть выпускной клапан, когда показалось, что скафандр Чибис съезживается. Но вот я закончил. Пальцы тряслись.

Без Чибис я не мог закрыть клапан. Пришлось одной рукой сжимать разваливающийся стык, другой – открывать ее пустой баллон. Потом я быстро наклонился, открыл баллон с кислородом, схватил клапан баллона Чибис и взглянул на приборы.

Две стрелки качнулись друг к другу. Когда их движение замедлилось, я начал закрывать ее баллон – и тут слетела лента.

Я успел закрыть клапан; из баллона Чибис пропало совсем немного газа. Содержимое другого быстро улетучивалось. Я, не теряя времени, отодрал обрывки ленты, убедился, что соединение чистое, приладил этот чуть заполненный баллон обратно к скафандру Чибис, открыл блокирующие клапаны.

Ее скафандр начал наполняться. Я чуть приоткрыл один из выпускающих клапанов и прижался к ней шлемом.

– Чибис! Чибис! Слышишь меня? Проснись, детка! Мамми! Разбуди ее! Чибис!

– Да, Кип?

– Проснись! Подъем, героиня! Вставай! Солнышко, пожалуйста, проснись.

– А? Помоги мне снять шлем... я не могу дышать.

– Можешь. Надави на рычажок подбородком – почувствуй воздух, попробуй на вкус. Свежий воздух!

Она вяло попыталась; я подтолкнул ее, помогая снаружи.

– Ой!

– Вот видишь? У тебя есть воздух. Полно воздуха. Теперь поднимайся.

– Давай я здесь полежу. Ну пожалуйста.

– Нет! Ты капризная, противная, испорченная девчонка – если не встанешь, никто не будет любить тебя. Мамми не будет любить тебя. Мамми! Скажи ей!

Вставай, доченька.

Чибис попробовала. Она дрожала и цеплялась за меня, а я держал ее, чтобы не упала.

– Мамми? – слабым голосом проговорила девочка. – Я смогла встать. Ты... все еще меня любишь?

Да, дорогая!

– Голова кружится... Кажется, я не смогу идти.

– И не надо, детка, – ласково сказал я и поднял ее на руки. – Больше идти не надо.

Она почти ничего не весила.

Мы спустились с холмов. Отчетливая в пыли колея вездехода вела точно на запад. Я убавлял подачу воздуха, пока стрелка индикатора цвета крови не зависла рядом с отметкой «Опасно». Нажимал подбородком на клавишу, только когда стрелка переползала эту отметку. Похоже, разработчик оставил какой-то запас, как у автомобильных топливных датчиков. Я велел Чибис не спускать глаз с этого прибора и удерж-

живать стрелку на краю опасной зоны. Она обещала, а я то и дело напоминал. Ее шлем был прижат к моему наплечнику, так что мы могли говорить.

Я считал шаги и через каждые полмили просил Чибис вызывать станцию Томбо. Станция находилась за горизонтом, но там могла быть высокая антенна.

Мамми тоже разговаривала с Чибис – обо всем, лишь бы девочка опять не потеряла сознание. Это экономило мне силы и поднимало настроение.

Через некоторое время я заметил, что моя стрелка снова сместилась в красную область. Я стукнул по рычажку и подождал. Ничего не произошло. Я снова надавил, стрелка медленно перешла на белое поле.

– Как у тебя с воздухом, Чибис?

– Нормально, Кип, нормально.

Ко мне взывал Оскар. Я моргнул и заметил, что моя тень исчезла. Раньше она ложилась передо мной под углом к колее. Колея была на месте, а тень отсутствовала. Это меня огорчило, и я оглянулся – куда же она подевалась? В прятки вздумала играть!

Так-то лучше! – сказал Оскар.

– Здесь внутри жарковато, друг.

Думаешь, снаружи прохладнее? Следи, парень, за тенью – и за колеей.

– Ладно, ладно! Не учи. – Я решил, что не позволю тени

снова исчезнуть. Она еще узнает, с кем связалась! – Здесь внутри чертовски мало воздуха, Оскар.

А ты дыши мелко, старик. Мы справимся.

– Сейчас я дышу где-то на уровне носков.

Можно на уровне рубашки.

– Вроде там корабль пролетел?

Откуда мне знать? Глаза-то у тебя.

– Не умничай, мне не до шуток.

Я сидел, держа Чибис на коленях, а Оскар действительно вопил – и Мамми тоже.

Вставай, ленивая обезьяна! Вставай и топай.

Вставай, Кип, милый! Осталось всего чуть-чуть.

– Просто хочу отдышаться.

Хорошо, а теперь вызывай станцию Томбо.

– Чибис, вызывай Томбо, – сказал я.

Она молчала. Я так испугался, что даже очухался.

– Станция Томбо, прием! Прием! – Я поднялся на колени, встал на ноги. – Станция Томбо, слышите меня? Помогите! Помогите!

Мне ответили:

– Вас слышу!

– Помогите! Мэйдэй!¹² Умирает девочка! Помогите!

Вдруг у меня прямо перед глазами очутились огромные блестящие купола, высокие башни, радиотелескопы, гигант-

¹² Международный сигнал бедствия в радиотелефонной связи.

ская камера Шмидта. Я, запинаясь, шагнул вперед и крикнул по-французски:

– M'aidez!

Открылся огромный люк, из него выкатился вездеход. Голос в наушниках сказал:

– Мы идем. Оставайтесь на месте. Конец связи.

Вездеход затормозил около меня. Из него выбрался человек, подошел и прижался шлемом. Я воскликнул:

– Помогите внести ее внутрь!

В ответ я услышал:

– Ты доставляешь хлопоты, браток. Не люблю тех, кто доставляет хлопоты.

Вслед за первым из вездехода выбрался второй, побольше и потолще. Тот, что поменьше, поднял какую-то штуку, похожую на фотоаппарат, и направил ее на меня. Это последнее, что я помню.

Глава 7

Не знаю, везли они нас обратно на вездеходе или Лиловый выслал корабль. В сознание меня вернула крепкая пощечина, и я обнаружил, что лежу на полу. Охаживал меня Тощий – тот, кого Толстый звал Тимом. Я дернулся дать сдачи, но не смог и шевельнуться – что-то вроде смирительной рубашки спеленало меня как мумию. Я взвизгнул от боли.

Тощий схватил меня за волосы, вздернул голову и попытался засунуть в рот большую таблетку.

Я попытался его укусить.

Он врезал мне еще сильнее и вновь попробовал запихнуть таблетку. Выражение его физиономии было тем же, что и при нашей первой встрече. Угрожающим.

– Да ешь, малец.

Я скосил глаза на Толстого.

– Съешь, – повторил он. – У тебя впереди пять очень плохих дней.

Я съел. Не потому, что послушался, а потому, что одной рукой мне зажали нос, а другой протолкнули таблетку в рот, когда я наконец его раскрыл. Жирняга поднес чашку воды; тут я не сопротивлялся, пить хотелось.

Тощий вогнал мне в плечо лошадиный шприц. Я высказал все, что о нем думаю, а вообще-то, я такими нехорошими словами пользуюсь редко. Тощий, словно глухой, даже бро-

вью не повел; Толстый хихикнул. Я перевел взгляд на него.

– Ты тоже, – простонал я слабо, – продажная шкура.

Толстый неодобрительно поцокал языком.

– Радуйся, что мы вам жизнь спасли. – И добавил: – Только это была не моя идея, – по мне, вы просто жалкие неудачники. Но хозяину вы нужны живыми.

– Заткнись, – сказал Тощий. – Пристегни его голову.

– Да пусть хоть шею свернет. Самим бы пристегнуться. Хозяин ждать не будет.

Тощий взглянул на часы:

– Четыре минуты.

Толстый торопливо закрепил мне голову ремнем, потом они оба поспешно что-то проглотили и вкололи себе. Я как мог наблюдал.

Снова я на пиратском корабле. Тот же светящийся потолок, те же стены. Они приволокли меня в свой кубрик. Их койки стояли по бокам, я был привязан к мягкой кушетке посередине.

Они торопливо забрались в какие-то тугие коконы, похожие на спальные мешки, и застегнули молнии. И головы свои закрепили.

Мне это было неинтересно.

– Эй! Что вы сделали с Чибис?

Толстый захихикал:

– Слышал, Тим? Ай да парень!

– Заткнись.

– Ты... – Хотелось покрыть Толстого на все корки, но уже путались мысли, каменел язык.

Я ведь собирался еще спросить о Мамми...

Все мышцы онемели. Навалилась страшная тяжесть, кушетка превратилась в камень.

Бесконечно долго я пребывал в полусне. Сначала меня раздавило; потом накатила боль, от которой хотелось вопить. И не было сил.

Но боль ушла, как и все ощущения. Исчезло тело, осталось только мое «я» в чистом виде. Мне грезился абсурд, будто я застрял в каком-то комиксе – из тех, чьего запрета добивается Учительско-родительская ассоциация, – и его злобные персонажи всячески глумились надо мной.

Кушетка сделала кульбит, а ко мне вернулось тело вместе с головокружением. Через несколько веков до меня дошло, что мы проделали полупетлю. В минуты прояснений осознавалось, что мы летим очень быстро, с чудовищным ускорением. Должно быть, полпути уже одолели. Сколько будет бесконечность плюс бесконечность? Получается восемьдесят пять центов плюс налог с продаж, но кассовый аппарат со звоном обнуляется, и начинай сначала...

Толстый отстегнул ремень с моей головы. Тот, успевший прирасти, отошел с куском кожи.

– Просыпайся, пацан! Время не ждет.

Я лишь закричал. Тощий развязывал меня. Ноги не слу-

шались и страшно болели.

– Вставай!

Я попробовал и не смог. Тощий схватил мою ногу и стал массировать. Я завопил.

– Предоставь это мне, я был тренером.

Толстый знал, что делает. Я вскрикнул, когда его большие пальцы впились мне в икры, и он тут же остановился.

– Что, слишком грубо?

Я не смог даже ничего выговорить.

Он все разминал меня и приговаривал почти игриво:

– Пять дней при восьми g – это не прогулочка... Ничего, восстановишься. Тим, давай шприц...

Тощий вогнал мне иглу в левое бедро. Укола я почти не почувствовал.

Толстый рывком усадил меня и сунул в руки чашку. Я подумал, что это вода, но оказалось что-то другое, и я поперхнулся. Толстый подождал, потом снова протянул мне чашку:

– Теперь пей.

Я выпил.

– Ладно, вставай. Каникулы закончились.

Пол заходил ходуном, и я схватился за Толстого, переживая головокружение.

– Где мы? – прохрипел я.

Толстый ухмыльнулся, как будто готовился отмочить невероятно смешную шутку:

– На Плутоне, конечно. Славное местечко, прямо курорт.

– Заткнись. Пусть пошевеливается.

– Встряхнись, малыш. Не заставляй хозяина ждать.

Плутон! Не может быть; никто не забирался так далеко. Да что там, никто еще не пытался долететь хотя бы до спутников Юпитера. А Плутон гораздо дальше...

Мозги совершенно не работали. Последняя передрыга напроць вышибла меня из колеи, и я уже отказывался верить тому, что испытал на собственной шкуре.

Но Плутон!

Удивляться времени не дали; мы полезли в скафандры. Я и не надеялся, что Оскара тоже прихватили, и так обрадовался, что обо всем забыл. С ним не церемонились, просто свалили на пол. Я наклонился над ним, преодолевая судорогу во всех мышцах, и осмотрел. Кажется, целехонек.

– Надевай! – приказал Толстый. – Хватит копать.

– Ладно, – ответил я почти радостно. Потом замялся. – Знаете, у меня кончился воздух.

– Разуй глаза, – велел Толстый.

Я вгляделся. За спиной висели заряженные баллоны с кислородно-гелиевой смесью.

– Хотя, – добавил он, – если бы насчет тебя не распорядился хозяин, ты бы у меня не то что воздуха – вони лимбургского сыра не получил бы. Ты у нас слямзил два баллона, геологический молоток, веревку... а она на Земле стоит четыре девяносто пять. Когда-нибудь, – пообещал он беззлобно, – ты мне возместишь убытки.

– Заткнись, – сказал Тощий. – Пошли.

Я расправил Оскара, влез внутрь, включил индикатор цвета крови и застегнулся. Потом надел шлем. В скафандре мне сразу полегчало.

– Штатно?

Штатно! – подтвердил Оскар.

– Далековато от дома нас занесло.

Зато воздух есть. Выше нос и челюсть вперед!

Это мне напомнило, что надо проверить подбородком вентиль. Все работало. Не хватало моего ножа, молотка и веревки... но это уже мелочи. Главное, что все штатно.

Вслед за Тощим я вышел из каюты. Толстый конвоировал. В коридоре мы разминулись с черверотым, но, хоть меня и передернуло, я был под защитой Оскара – чудище не смогло бы до меня добраться.

В шлюзе к нам присоединилось еще какое-то существо, и я не сразу понял, что это черверотый в скафандре. Он смахивал на высохшее дерево с голыми ветвями и мощными корнями; сходству мешал только набалдашник-шлем – стеклянный гладкий купол. Вероятно, стекло было односторонним, сквозь него я ничего не увидел. Упакованный таким образом черверотый выглядел не то чтобы устрашающим, а скорее гротескно несуразным. И все же я старался держаться от него подальше.

Давление падало, я стравливал воздух, чтобы меня не слишком раздуло. Это напомнило о том, что я больше всего

хотел узнать, – как сложилась судьба Чибис и Мамми. Так что я включил радио и объявил:

– Проверка связи. Раз-раз-раз...

– Не занимайся ерундой. Понадобишься – скажем.

Внешняя дверь открылась, и я впервые увидел Плутон.

Не знаю, чего я ожидал. Плутон так далек от нас, что даже с Лунной обсерватории не получишь приличных фотографий. Я читал статьи в «Сайентифик Американ», видел картинки в «Лайф» – имитации фотографий. На них изображался «летний» Плутон – если называть «летом» сезон плавления замерзшего воздуха. Я вспомнил об этом, потому что там было написано: когда Плутон приближается к Солнцу, у него появляется атмосфера.

Однако Плутоном я почти не интересовался – мало фактов, много домыслов, далековато, об освоении даже думать не хочется. Луна рядом с ним – элитный пригород. Профессор Томбо, в честь которого была названа станция на Луне, получил в свое время грант фонда Гуггенхайма на фотографирование Плутона с помощью гигантского электронного телескопа, но его интерес понятен – он-то и открыл Плутон задолго до моего рождения.

Дверь начала открываться. Первое, что я услышал, – щелк... щелк... щелк... четыре щелчка в шлеме. Оскар включил все обогреватели.

Передо мной висело Солнце. Сначала я не понял, что это оно. Выглядело светило не крупнее Венеры или Юпитера,

если смотреть на них с Земли, – то есть в виде точки, а не диска. Но сверкало оно гораздо ярче, как электрическая дуга.

Толстый двинул меня под ребра:

– Не спи, замерзнешь.

Прямо за дверью начинался разводной мост, он упирался в эстакаду. Та вела к горе, что высилась в двух сотнях ярдов от нас. Дорогу поддерживали опоры, похожие на паучьи ноги, высотой от двух-трех до десяти-двадцати футов, в зависимости от рельефа местности. Всюду лежал снег, ослепительно-белый даже под булавочным Солнцем. Там, где опоры были повыше, под виадуком, протекала речка.

Что за «вода» в этой речке? Метан? Что за «снег»? Замерзший аммиак? У меня не было таблиц с данными, я не мог узнать, что в адских условиях здешнего «лета» замерзает, что становится жидким, а что остается газообразным. Но я был в курсе, что зимой здесь жидкостей и газов не остается – только вакуум, как на Луне.

– Пошевеливайся!

Я рад был пошевеливаться. Слева дул такой ветер, что не только мерз бок, несмотря на все усилия Оскара, но и ступать приходилось с опаской. Я подумал, что наш марш-бросок на Луне был куда безопаснее падения в этот «снег». Будет ли человек еще дергаться, в клочья разнося скафандр и себя, или умрет мгновенно?

Помимо сильного ветра и отсутствия перил, добавляло

страха оживленное движение экипированных черверотых. Они сновали вдвое быстрее нас, а дорогу уступали не чаще, чем собака уступает косточку. Даже Тощий совершал смешные перебежки и маневры уклонения, а я трижды чуть не сверзился.

Дорога уводила в туннель. Через десять футов перед нами раздвинулась стенка, еще через двадцать мы увидели вторую; она также разошлась, а потом сошлась за нами. Мы миновали около двух десятков панелей, действовавших как скоростные шлюзы. После каждого шлюза слегка поднималось давление. Я не видел, чем они управлялись, хотя темно в туннеле не было – его освещали мерцающие потолки. Наконец мы прошли через последний, особо мощный шлюз, но давление уже выровнялось, и его двери остались открытыми. Они вели в огромное помещение.

В нем стоял черверотый. Думаю, мой старый знакомый, потому что он сказал по-английски: «Пошли». Это я услышал сквозь шлем. Впрочем, в комнате были и другие, а я скорее отличил бы друг от друга двух бородавочников.

Черверотый поспешил к выходу. На нем не было скафандра, и я вздохнул с облегчением, когда он отвернулся, потому что невозможно было смотреть на его шевелящийся рот. Но это оказалось слабым утешением, так как теперь стал виден его задний глаз.

Поспевать за черверотым оказалось трудно. Он провел нас по коридору, потом направо через открытые двойные

двери и неожиданно остановился возле дыры в полу, похожей на канализационный люк.

– Раздеть его! – скомандовал он.

Толстый и Тощий откинули свои шлемы, и я заключил, что это безопасно. И все же из Оскара вылезать не хотелось – пока черверотый был рядом.

Толстый отстегнул мой шлем.

– Вылезай из шкуры, парень. Расстегивайся!

Тощий распустил мне пояс. Хотя я и сопротивлялся, они живо вытряхнули меня из скафандра.

Черверотый ждал. Как только с меня содрали Оскара, он указал на дыру:

– Вниз!

Я сглотнул. Дыра казалась бездонной и ничуть не соблазнительной.

– Вниз! – повторил он. – Быстро!

– Давай, приятель, – посоветовал Толстый. – Прыгай, или тебя толкнут. Ныряй в дыру, пока он не рассердился.

Я попытался отскочить.

Но не успел я шелохнуться, как черверотый схватил меня и стал запихивать в дыру. Я уперся, попятился – и оглянулся как раз вовремя, чтобы не шлепнуться задом, а неуклюже спрыгнуть.

Падать оказалось не так больно, как на Земле, но щиколотку я подвернул. Впрочем, значения это не имело: идти все равно было некуда; единственный выход – дыра в потолке.

Площадь моего узилища составляла около двадцати квадратных футов. Наверное, оно было вырублено в цельной скале, но убедиться в этом я не мог – стены, пол и потолок были такие же глухие, как и на корабле. Половину потолка занимала осветительная панель, так что я мог бы читать, если бы имел хоть одну книгу. И последней деталью была струйка воды, вытекающая из отверстия в стене, попадающая в углубление размером с кухонную мойку и выливающаяся неизвестно куда.

Было тепло, что меня порадовало, ведь ничего похожего на кровать или постель я не заметил. Я уже понял, что какое-то время придется провести здесь, и задался вопросом, чем буду питаться и где спать.

Устал я от всего этого абсурда. Занимался своим делом, прогуливался у собственного дома. Принесла же нелегкая Лилового. Я уселся на пол и принялся мечтать, как буду убивать его. Легкой смерти пусть не просит.

Наконец я прекратил заниматься ерундой и задумался о Чибис и Мамми. Здесь ли они? Или лежат где-нибудь между горами и станцией Томбо? Угрюмо обдумывая ситуацию, я надеялся, что бедняжка Чибис не очнулась во второй раз. Насчет Мамми немного сомневался, потому что мало знал о ней, – но в смерти Чибис был уверен.

Что ж, поделом мне эта мука. Донкихоты всегда рано или поздно оказываются в темнице. Хотя по канону прекрасная дева должна оказаться в соседней башне. Прости меня, Чи-

бис; я не рыцарь, я всего лишь продавец газировки из аптеки... «Я силой десяти богат, поскольку чист душой...»¹³

Нет, не смешно это все.

Я устал казнить и посмотрел, который час. Не то чтобы это имело какое-то значение. Но считается, что узник должен выцарапывать на стенах черточки, отмечая дни заключения, и я решил, что и мне пора начать. Часы на руке сохранились, но стояли, а завести их я не смог. Наверное, восемь *g* их доконали, хотя предполагалось, что они противоударные, непромокаемые, немагнитные и иммунные к антиамериканской деятельности.

Через некоторое время я лег на пол и заснул.

Проснулся я от стука.

Это банка консервов свалилась на пол. От удара она не открылась, но при ней был ключ, и он сослужил свою службу. Очень неплохое говяжье рагу. Из пустой банки я напился – допускал, что вода ядовитая, но был ли у меня выбор? – потом вымыл банку, чтобы не пахла.

Обнаружив, что вода теплая, я решил помыться. Сомневаюсь, что многие граждане США в последние двадцать лет испытывали столь же острую нужду в водных процедурах. Потом я постирал одежду. Рубашка, трусы и носки были из немнущейся синтетики, которая быстро высыхала. Джинсы сохли дольше, но мне некуда было торопиться. Я лишь жа-

¹³ А. Теннисон. Сэр Галахад (перевод С. Лихачевой).

лел о мыле «Звездный путь» – двести кусков лежали на полу в моей каморке. Знал бы, что полечу на Плутон, прихватил бы парочку.

Стирка надоумила меня провести инвентаризацию. Итак, носовой платок, шестьдесят семь центов мелочью, долларовая бумажка, настолько истрепанная и пропитанная потом, что даже не различить портрет Вашингтона, автоматический карандаш с надписью «Дорожное кафе Джея – лучшая солодовая газировка в городе» (наглая ложь, лучшая газировка у нас в аптеке!) и список продуктов, которые я должен был купить по просьбе мамы, но не купил из-за дурацкого испорченного кондиционера. Список был не такой истрепанный, как доллар, потому что лежал в кармане рубашки.

Я выстроил рядом свое имущество и оглядел его. Ну никак не получалось переделать эти предметы в чудо-оружие, чтобы пробить путь на свободу, украсть корабль, научиться пилотированию, с триумфом возвратиться домой, предупредить президента и спасти страну. Я переложил вещи по-новому – все равно никаких спасительных идей.

Мне приснился кошмар. Разбуженный этим ужасом, я вспомнил, где нахожусь, и захотел вернуться в дурной сон. Стало жаль себя, потекли слезы, задрожал подбородок. Я никогда не слышал от родителей «не будь плаксой». Папа говорит, что в слезах нет ничего плохого, просто они социально неприемлемы. Он рассказывал, что в некоторых культурах

плач считается проявлением светской любезности. Однако в гимназии имени Хораса Манна быть нытиком вовсе не престижно, и я бросил это дело много лет назад. Вдобавок жалость к себе выматывает и не приносит никакой пользы. Поэтому я выключил дождь и подбил бабки.

Мой список действий выглядел так:

1. Выбраться из этой клетки.
2. Разыскать Оскара и экипироваться.
3. Украсть корабль и отправиться домой – если соображу, как управлять им.

4. Найти оружие или придумать военную хитрость, чтобы победить черверотых или отвлечь их, пока я не доберусь до корабля. Ничего сверхъестественного, справится любой рядовой супермен, владеющий приемами телепортации и другими парапсихотрюками. Лишь бы предусматривалась в плане «защита от дурака» и была оплачена страховка.

5. Прежде чем распрощаюсь с романтическими побережьями экзотического Плутона и его колоритными дружелюбными аборигенами, надо удостовериться, что за бортом не остались ни Чибис, ни Мамми. Если остались, забрать их с собой – потому что, вопреки мнению некоторых, лучше быть мертвым героем, чем живым подлецом. Умирать неприятно и неинтересно, но даже подлец когда-нибудь сыграет в ящик, как бы ни старался продлить себе жизнь, – и до самой смерти ему придется искать оправдания выбору, сделанному давным-давно.

Как ни старался я придать шарма участи героя, привлекательнее эта участь не становилась. Мой личный опыт утверждал, что героизм – занятие крайне невыгодное, но альтернатива выглядела еще хуже.

И совсем не важно, что Чибис умеет управлять кораблем, а Мамми может натаскать меня в пилотировании. Я не могу этого доказать, но сам-то знаю правду.

Примечание: даже если научусь вести корабль, смогу ли я делать это при восьми g ? Может, для черверотого предусмотрено специальное устройство, но меня-то при восьмикратной перегрузке никакое кресло не спасет. Автопилот? А инструкция при нем будет? На английском? Не надо дурацких иллюзий, Клиффорд.

Дополнительное примечание: а на одном g сколько лететь до Земли? До скончания века? Или всего лишь до голодной смерти?

6. Трудотерапия на период вынужденного безделья. Это важно, чтобы не расклеиться. О. Генри в тюрьме сочинял рассказы. Апостол Павел свои самые мощные послания создал в римской темнице. Гитлер за решеткой написал «Майн кампф». В следующий раз захвачу с собой пишущую машинку и бумаги побольше. А пока можно чертить магические квадраты и изобретать шахматные задачи. Все лучше, чем жалеть себя. Львы выживают в зоопарках, а разве я не умнее львов? Хотя бы некоторых из них?

Итак, за работу. Пункт первый: как выбраться из ямы?

Я пришел к однозначному выводу: это невозможно. Поперечник камеры двадцать футов, высота двенадцать; стенки гладкие, как щеки младенца, неприступные, как душа коллектора долгов. Кроме этого, дыра в потолке, восходящая туннелем еще футов на шесть, ручеек, умывальник, светящийся участок потолка. Из инструментов – уже упомянутые несколько унций барахла, ничего острого, взрывчатого или едкого, одежда, пустая консервная банка.

Я решил выяснить, как высоко смогу подпрыгнуть, – и достал до потолка. Это означало, что тяготение составляет примерно половину g . Точнее сказать трудно, потому что целую вечность я провел при одной шестой g , несколько бесконечных эпох – при восьми g ; и мои рефлексy давно сбились с панталыку.

Но хоть и дотронулся до потолка, ни ходить по нему, ни левитировать я не мог. Там бы и мышь не удержалась.

Я мог разорвать одежду и сплести веревку. Но зацепится ли она за что-нибудь? Насколько я помнил, там только гладкий пол. Но если даже зацепится? Что дальше? Слоняться в чем мать родила, пока черверотый не заметит меня и не отправит обратно, на сей раз без одежды? Я решил отложить игры с веревкой, пока не придумаю, как обвести вокруг пальца Лилового и его шайку.

Я вздохнул и огляделся. Оставалась только струйка воды и умывальник.

Есть история про двух лягушек, упавших в горшок со

сливками. Одна видит безнадежность положения, сдается и тонет. Другая настолько тупа, что не осознает своей обреченности и продолжает бултыхаться. Через несколько часов она сбивает островок масла и восседает на нем в тиши и прохладе, пока доярка не выбрасывает ее из кувшина.

Вода с журчанием убегала в слив. Что, если она перестанет убегать?

Я обследовал дно резервуара. Слив не по-земному велик, но заткнуть его можно. Вот только продержусь ли я на плаву, пока комната не переполнится и не вытеснит меня наружу? Что ж, можно это проверить с помощью банки.

На вид она пинтовая. Известно, что пинта воды весит один фунт, а кубический фут воды весит на Земле чуть больше шестидесяти фунтов. Но я решил уточнить. Длина моих ступней одиннадцать дюймов; до этого размера они выросли, когда мне исполнилось десять лет, – и натерпелся же я насмешек, покуда, в свою очередь, не вырос ступням под стать. Я отмерил одиннадцать дюймов на полу двумя монетами. Оказывается, ширина долларовой банкноты два с половиной дюйма, а монета в двадцать пять центов в диаметре чуть меньше дюйма. Вскоре я довольно точно знал размеры комнаты и банки.

Я подставил банку под струю, потом быстро опорожнил. Наполняя банки, я на пальцах левой руки считал секунды. Таким образом вычислил, за какое время наполнится комната. Ответ мне не понравился; я пересчитал еще раз.

Получалось четырнадцать часов. Накинем час на погрешность примитивных вычислений. Смогу ли я столько продержаться?

Припрет – смогу. А меня приперло. И вообще, человек способен держаться на плаву сколь угодно долго – если не поддается панике.

Я скомкал носки и сунул в слив. И чуть не упустил их. Пришлось обмотать носками банку и заткнуть слив на манер пробки. Она держалась прочно, да я еще подконопатил ее остальной одеждой. Потом подождал, распираемый самодовольством. Бассейн постепенно наполнялся.

Вода поднялась примерно на дюйм от пола – и струйка иссякла.

Вероятно, где-то был выключатель, реагирующий на давление. Следовало бы догадаться, что создатели кораблей, летающих с постоянным ускорением восемь g , способны делать безаварийную сантехнику. В отличие от нас.

Я собрал одежду, всю, кроме одного носка, и разложил ее сушиться. Хорошо бы этот носок испортил там какой-нибудь насос или еще что, только вряд ли – тут хорошие инженеры.

Да я, вообще-то, и не верил в эту историю с лягушками.

Сбросили еще одну банку – ростбиф и волглый картофель. Сытная еда, но мне что-то захотелось персиков. На банке значилось: «Для продажи по сниженным ценам на Луне». Можно заключить, что она из числа продуктов, честно купленных Толстым и Тощим. И не жалко им делиться со

мной припасами? Небось еще как жалко, но они не смеют перечить черверотому. Отсюда вопрос: почему Лиловый оставил меня в живых? Я, конечно, не против, но не понимаю, зачем ему это нужно.

Я решил отсчитывать по банкам дни и так вести календарь.

Это напомнило, что я еще не подсчитал, сколько лететь до Земли при ускорении в одно g , если окажется, что при восьми g я не смогу запустить автопилот. Я заикнулся на поиске выхода из камеры и даже не подумал о том, что буду делать, если выберусь (поправочка: не «если», а «когда»). И теперь я занялся баллистикой.

Книги мне не требовались. Даже в наши дни большинство людей не способны отличить звезду от планеты, а все астрономические расстояния для них «далеко». В сущности, они мало отличаются от дикарей, считающих так: один, два, три, много. Да любой сопливый скаут заткнет такого невежду за пояс, а парень вроде меня, которого космическая муха укусила, обычно помнит и кое-какие цифры.

«Мама варит земляничный морс, а юный сын уже не плачет». Не забудьте, если повторите несколько раз? Тогда распишем подробно:

Мама – Меркурий – \$0,39

Варит – Венера – \$0,72

Земляничный – Земля – \$1,00

Морс – Марс – \$1,50

А – Астероиды – В ассортименте

Юный – Юпитер – \$5,20

Сын – Сатурн – \$9,50

Уже – Уран – \$19,00

Не – Нептун – \$30,00

Плачет – Плутон – \$39,50

«Цены» – расстояния от Солнца в астрономических единицах. Астрономическая единица – среднее расстояние от Земли до Солнца, девяносто три миллиона миль. Чем запоминать миллионы и миллиарды, проще запомнить одно всем известное число и несколько мелких чисел. А долларовые значки я использую потому, что в денежном выражении числа приобретают некоторую пикантность. Правда, папа считает это прискорбным заблуждением. Но надо же как-то запоминать, чтобы видеть дальше собственного носа.

Теперь к сути. Согласно вышеприведенной таблице, расстояние от Плутона до Солнца составляет тридцать девять с половиной расстояний от Земли до Солнца. Однако у Плутона и Меркурия орбиты очень вытянуты. У Плутона расстояние до Солнца изменяется на два миллиарда миль, это больше, чем от Солнца до Урана. Плутон даже забирается внутрь орбиты Нептуна, а потом откатывается вдаль и маячит там пару столетий, совершая всего четыре оборота за тысячу лет.

Но в той статье говорилось, что на Плутоне начинается

«лето». Значит, сейчас он вблизи орбиты Нептуна. И находился бы там до конца моей жизни – если бы я оставался в Сентервилле. Здесь же предсказать, сколько я проживу, трудновато. В общем, получилась круглая цифра – тридцать астрономических единиц.

Задачки на ускорение проще пареной репы:

$$s = 1/2 at^2$$

(расстояние равняется половине ускорения, умноженного на квадрат времени разгона). Если бы астронавигация этим и ограничивалась, любой новичок мог бы управлять космическим кораблем. Трудности происходят от гравитационных возмущений и оттого, что все движется одновременно и в четырнадцати разных направлениях.

Однако я мог пренебречь гравитационными полями и движением планет. При скоростях, которые развивают корабли черверотых, эти факторы не имеют значения, если не подлетать слишком близко к планетам. Мне всего-то нужен был порядок величины.

Жаль, что нет логарифмической линейки. Папа говорит, не умеющий ею пользоваться должен, как неграмотный, не допускаться до выборов. У меня прелесть, а не линейка – двадцатидюймовая «Койфель и Эссер лог лог дуплекс децитриг». Папа осчастливил меня ею после того, как я освоил десятидюймовую ученическую. Целую неделю пришлось сидеть на одной картошке, но папа заявил, что предметы роскоши должны стоять в первых строках бюджета. Увы, линей-

ка осталась дома, на моем столе.

Ничего страшного. У меня есть цифры, формула, карандаш и бумага.

Прикинем. Толстый сказал «Плутон», «пять дней» и «восемь g ».

Задача состоит из двух частей; половину времени (и расстояния) занимают ускорение и разворот, вторую половину времени (и расстояния) – торможение. Полное расстояние нельзя использовать в уравнении, потому что время возводится в квадрат – функция параболическая.

В какой же конфигурации Плутон? В противостоянии? В соединении? В стоянии? Плутон в телескоп не видно – так кто помнит, в каком он месте эклиптики? Ну ладно, среднее расстояние тридцать а. е.; отсюда будем танцевать.

Половина этого расстояния в футах равна:

$$\frac{1}{2} \times 30 \times 93\,000\,000 \times 5280.$$

Восьмикратное ускорение – это $8 \times 32,2$ фута в секунду за секунду. Скорость возрастает на 258 футов в секунду за каждую секунду до разворота и с той же скоростью уменьшается после него. Таким образом, из равенства:

$$\frac{1}{2} \times 30 \times 93\,000\,000 \times 5280 = \frac{1}{2} \times 8 \times 32,2 \times t^2$$

получаем время, за которое преодолеем половину пути, в секундах. Удваиваем его и получаем общее время в пути. Делим на 3600, получаем время в часах; делим на 24 и получаем дни. На логарифмической линейке такая задачка реша-

ется за сорок секунд, большую часть из которых потратишь на знаки после запятой. Элементарно, как подсчет налога с продаж.

Я потратил без малого час на вычисления и почти столько же на проверку вычислений в ином порядке. Потом пришлось проверять еще раз, потому что результаты не совпали. Я забыл умножить на 5280, и на одной стороне уравнения оказались футы, а на другой мили. Арифметика такого не любит. Потом я пересчитал в четвертый раз, так как уже ни в чем не был уверен. Все же логарифмическая линейка — лучшая штука в мире после девушек.

Наконец получился верный результат. Пять с половиной дней. Я на Плутоне.

Или на Нептуне...

Нет, на Нептуне я бы не смог подпрыгнуть на двенадцать футов; только Плутон отвечает всем условиям. Так что я все стер и высчитал, сколько придется лететь при одном g .

Пятнадцать дней.

Я-то думал, по крайней мере в восемь раз дольше, чем при восьми g , — или даже в шестьдесят четыре раза дольше. Теперь же я был рад, что одолел аналитическую геометрию — она помогла выявить грубую ошибку. Квадрат времени съедает преимущество в скорости — чем больше ускорение, тем короче путь, а чем короче путь, тем меньше времени ускоряешься. Чтобы сократить время вдвое, требуется четырехкратное ускорение; чтобы сократить время в четы-

ре раза, ускорение нужно увеличить в шестнадцать раз и так далее. Вот где собака зарыта.

Понимание того, что я могу долететь до дому за две недели при ускорении в одно g , подбодрило меня. За это время я не умру от голода. Если удастся украсть корабль. Если смогу им управлять. Если выберусь из этой норы. Если...

Не «если», а «когда»! В этом году я уже все равно не поступлю в колледж, пятнадцать дней никакой роли не играют.

Еще при первых расчетах я обратил внимание на максимальную скорость корабля перед разворотом. Более одиннадцати тысяч миль в секунду. Приличная скорость, даже по меркам космоса. Я призадумался. До ближайшей звезды, Проксимы Центавра, четыре и три десятых световых года, об этом то и дело слышишь в телевикторинах. Сколько займет путь при восьми g ?

Задача та же, но надо следить за запятыми: числа становятся громоздкими.

Световой год равен... Я забыл. Придется умножить 186 000 миль в секунду (это скорость света) на количество секунд в году ($365,25 \times 24 \times 3600$) – получаем 5 880 000 000 000 миль. Умножаем на 4,3 и получаем 25 284 000 000 000 миль. Приблизительно двадцать пять триллионов миль. Ничего себе!

А полет займет год и пять месяцев – меньше, чем кругосветка столетие назад.

Да эти чудища путешествуют между звездами!

Уж не знаю, почему я так удивился, ведь это просто в глаза бросалось. Я было принял как должное, что Лиловый привез меня на свою родную планету, что он плутонианец, или плутократ, да как ни назови. Но это исключено.

Он дышит воздухом. В его корабле для меня достаточно тепло. Если он не торопится, то небольшие расстояния преодолевает при ускорении, равном земному. Он пользуется освещением, которое подходит для моих глаз. Значит, он прилетел с планеты, похожей на мою.

Проксима Центавра – двойная звезда, как известно всем любителям кроссвордов. Одна из звезд – близнец нашего Солнца: размер, температура, другие свойства. Можно допустить, что у нее есть и планета, похожая на Землю? Я сильно подозревал, что выяснил домашний адрес черверотого.

И я точно знал, откуда эти монстры не могли прилететь. С планеты, которая веками несется в полном вакууме при температурах, близких к абсолютному нулю, где «летом» тают лишь газы, а вода остается твердой как камень, где даже Лиловый вынужден носить скафандр. Они не могли явиться из Солнечной системы – я был железно уверен, что Лиловый нормально чувствует себя только на планете, похожей на нашу. Не важно, как он выглядит; пауки совсем не похожи на нас, но им нравится то же, что и нам. У нас, наверное, в каждом доме живет тысяча пауков.

Лиловому и его сородичам понравилась Земля. Боюсь, даже слишком понравилась.

Я начал размышлять о Проксиме Центавра и заметил кое-что еще. Скорость при развороте у меня получилась равной 1 110 000 миль в секунду, в шесть раз выше скорости света. Теория относительности говорит, что это невозможно.

Захотелось обсудить это с папой. Папа читает все, от «Анатомии меланхолии» до «Acta Mathematica» и «Пари-матч». Он способен усесться на поребрик тротуара и копаться в намокших газетах из мусорного ящика в поисках «продолжения на странице восемь».

Папа достал бы книжку, и мы посмотрели бы, что об этом пишут. Потом он нашел бы еще четыре или пять книжек с другими точками зрения. Папа попытался бы оспорить каждое мнение, он терпеть не может подхода: «это правда, иначе бы не напечатали». Папа не признает никаких авторитетов – меня потрясло, когда он впервые взял ручку и исправил что-то в моем учебнике математики.

Даже если скорость света превысить нельзя, четыре или пять лет – срок вполне приемлемый. Нам наговорили, что для экспедиций даже к ближайшим звездам потребуется смена поколений на корабле, такая точка зрения укоренилась...

Одна миля по лунным горам – долгое путешествие, триллион миль по пустому космосу – заурядный вояж...

Но что Лиловый делает на Плутоне?

С чего вы начнете завоевание чужой солнечной системы? Я не шучу. Тюрьма на Плутоне не располагает к шуткам, и в

лицо Лиловому не расхохочешься. Станете вы ломиться нахрапом или сначала высунете шапку за угол? Да, в технологиях червероты далеко опередили нас, но ведь они не могли знать этого заранее. Может, умнее сначала выстроить базу в таком уголке системы, куда никто не заглядывает?

Потом можно выставлять форпосты, например на безвоздушном спутнике привлекательной планеты, с которого так удобно исследовать поверхность своей цели. Если вдруг потеряешь один форпост, что мешает отойти на основную базу и подготовиться к новой атаке?

Не забывайте, что если для нас Плутон почти недостижим, то для черверотых он всего в пяти днях полета от Луны. Вспомните Вторую мировую войну, когда скорости были совсем другие. Главная база в безопасности, вне досягаемости (США / Плутон), но всего в пяти днях от форпоста (Англия / Луна), от которого три часа до театра военных действий (Франция – Германия / Земля). Так получается медленнее, но это сыграло на руку союзникам в той войне.

Оставалось только надеяться, что это не поможет банде Лилового.

Но противопоставить им пока нечего.

Кто-то скинул еще одну банку – спагетти с фрикадельками. Были бы это персики, у меня бы, наверное, не хватило воли сделать то, что я сделал, – прежде чем открыть банку, использовал ее вместо молотка. Я колотил ею по пустой бан-

ке, пока не сплющил, а потом отковал острый конец и заточил его на краю резервуара. Пустая банка превратилась в кинжал – не очень хороший, но с ним я чувствовал себя не таким беспомощным.

После еды потянуло в сон, и я прикорнул в теплом мерцании. Я по-прежнему пленник, но теперь у меня есть оружие и более-менее ясно, с чем я столкнулся. Проанализировать проблему – на две трети решить ее. Кошмары больше не снились.

Потом в дыру сбросили Толстого.

Через секунду на него шмякнулся Тощий. Я отскочил, держа нож наготове. Тощий не обратил на меня никакого внимания, поднялся, огляделся, подошел к струйке и стал пить. Толстый оказался в худшей форме – он не дышал.

Глядя на него, я подумал: до чего же отвратительный тип! Впрочем, какого черта? Он же мне помог, сделал массаж. Я перевернул его и начал делать искусственное дыхание. Через четыре или пять толчков мотор завелся, пациент смог вздохнуть и прохрипел:

– Хватит!

Я отошел и снова взялся за нож. Тощий безучастно сидел у стены. Толстый посмотрел на мое жалкое оружие и сказал:

– Убери, малыш. Мы теперь друзья неразлейвода.

– Мы?

– Ага. Мы, люди, должны держаться вместе. – Он грустно

вздохнул. – Столько сделали для него – и вот благодарность.

– О чем это вы? – потребовал я объяснений.

– А? – переспросил Толстый. – Я же говорю, он решил, что может обойтись без нас. Вот мы и сменили квартиру.

– Заткнись, – безучастно сказал Тощий.

Толстый скривился.

– Сам заткнись! – огрызнулся он. – Надоело! День-деньской «заткнись» да «заткнись» – и чем это кончилось?

– Заткнись, я сказал.

Толстый умолк. Я так и не узнал, что с ними стряслось, потому что Толстый редко говорил дважды об одном и том же. А от Тощего вообще не было слышно ничего, кроме советов заткнуться и еще менее содержательных односложных слов¹⁴. Одно было ясно: эта парочка потеряла работу в качестве подручных гангстера, или членов пятой колонны, или... как еще назвать людей, которые пресмыкаются перед врагами собственной расы?

Чуть позже Толстый сказал:

– Вообще-то, это ты виноват.

– Я? – Моя рука метнулась к ножу из консервной банки.

– Если бы ты не влез, хозяин бы так не разозлился.

– Я ничего не делал.

– Скажешь тоже! Всего-то навсего спер два главных приза и задержал его, хотя он собирался мчаться сюда со всех ног.

¹⁴ Намек на то обстоятельство, что в английском языке непечатные слова, как правило, являются односложными.

– А-а-а... Но вы-то ни при чем.

– Я ему так и сказал. Но поди докажи. Да не хватайся ты за дурацкую зубочистку. – Толстый пожал плечами. – Я всегда считал: кто старое помянет, тому глаз вон.

В конце концов я выведал у него то, что хотел. Когда примерно в пятый раз я заикнулся о Чибис, Толстый сказал:

– И что тебе до этой испорченной соплихи?

– Просто хочу знать, жива она или нет.

– Да жива. По крайней мере, была жива, когда я последний раз ее видел.

– А когда ты ее видел?

– Слишком много вопросов задаешь. Она была здесь.

– Здесь? – с волнением переспросил я.

– Я же сказал. Шлялась повсюду, под ногами путалась. Живет как принцесса, кстати. – Толстый подержался за зуб и нахмурился. – Почему с ней он нянчится, а с нами вот так?.. По морде мне съездил... Не понимаю. Это неправильно.

Я тоже не понимал, но по другой причине. Я не мог поверить в дружбу храброй маленькой Чибис и Лилового. Или тут есть секрет – или Толстый врет.

– Хочешь сказать, он не держит ее взаперти?

– А зачем? Куда ей бежать?

Я обмозговал услышанное. Куда бежать, если выход за дверь – самоубийство? Пусть даже у Чибис есть скафандр (хотя, скорее всего, он где-то спрятан), пусть даже рядом пустой корабль, пусть даже она сможет проникнуть в него, ей

все равно понадобится «мозг», то маленькое устройство, которое служит ключом.

– А что с Мамми?

– С кем?

– С... – Я не знал, как объяснить. – С существом, которое было в моем скафандре. Ты должен знать, ты же там был. Она жива? Она здесь?

Но Толстому уже надоело.

– Насекомые меня не интересуют, – проворчал он, и больше ничего не удалось из него вытянуть.

Зато Чибис жива! Гора с плеч. И девочка здесь! Хотя у нее куда меньше шансов вырваться отсюда, чем даже из лунного плена, я все равно ужасно рад.

Теперь надо думать, как переслать ей весточку.

На инсинуации Толстого, что она якобы снюхалась с Лилковым, мне было наплевать. Конечно, Чибис непредсказуема, совершенно по-детски самонадеянна и высокомерна. Сколько раз она доводила меня до белого каления! Но она скорее шагнет в костер, чем предаст своих. У самой Жанны д'Арк не было такой силы духа.

Наша троица соблюдала вынужденное перемирие. Я избегал разговоров, спал вполглаза, старался не засыпать раньше сокамерников и всегда держал нож под рукой. С тех пор как они появились, я не мылся, чтобы не оказаться в невыгодном положении. Тощий меня не замечал, Толстый держался

почти дружески. Он притворялся, что не боится моего игрушечного оружия, но, думаю, все же боялся. Я сделал этот вывод, когда нас в первый раз кормили втроем. С потолка упали три банки; Тощий подобрал одну, Толстый другую, и пока я осторожно подбирался к третьей, ее схватил Толстый.

Я сказал:

– Отдай, пожалуйста.

Он ухмыльнулся:

– Сынок, почему ты решил, что это для тебя?

– Три банки, и нас трое.

– Ну и что? Я малость проголодался. Лишняя баночка не помешает.

– Я тоже голоден. Не дури.

– Хм... – Он напустил на себя задумчивый вид. – Вот что, я тебе ее продам.

Я колебался. В этом была некоторая логика. Не мог же Лиловый сам закупать продукты на Лунной базе; видимо, этим занимался Толстый или его партнер. Я бы не отказался подписать долговое обязательство – на сотню долларов за порцию. Да хоть на тысячу, даже на миллион: деньги здесь не имели никакого значения. Почему бы не подшутить над жадной?

Нет! Если я сдамся, если соглашусь торговаться с ним за пайку, он обнаглеет. Я буду зависеть от него, пресмыкаться перед ним, выпрашивать кусочек.

Я показал ему свой жестяной кинжал:

– Возьму силой.

Толстый взглянул на мою руку и расплылся в улыбке:

– Шуток не понимаешь? – И сунул мне банку.

Больше проблем из-за еды не было.

Мы жили «счастливым семейством», которое иногда показывают в бродячих зверинцах: лев в одной клетке с ягненком. Впечатляющее зрелище, вот только ягнята там часто меняются.

Толстый любил поговорить, и я узнавал интересные вещи, когда удавалось отсеять правду от болтовни. Его звали – так он утверждал – Жак де Барре де Виньи («Называй меня Джок»), а второго – Тимоти Джонсон; но у меня было сильное подозрение, что настоящие имена этих типчиков можно узнать только на доске «Их разыскивает полиция». Хотя Джок и пыжился, что он все знает, я скоро понял, что он не имеет представления ни о происхождении, ни о планах и целях Лилового. Вообще непохоже, чтобы черверотый что-то обсуждал с «низшими животными»; он их просто использовал, как мы лошадей.

Одно Джок с готовностью признал:

– Ага, соплячку похитили мы. На Луне урана нет, это сказки, приманка для лопухов. Мы зря теряли время, а ведь жрать всем хочется, или будешь спорить?

Я не спорил; мне нужна была информация. Тим сказал:

– Заткнись!

– А что такого, Тим? Боишься ФБР? Думаешь, Большой

Брат и здесь до тебя дотянется?

– Заткнись, говорю.

– А может, мне потрепаться охота. Сам заткнись. – И Джок продолжил: – Это было плевое дело. В девчонке любопытства – на семь кошек, знал, где она появится и когда. – Джок призадумался. – Хозяин всегда знает, на него куча народу работает, есть и большие шишки. Все, что от меня требовалось, – встретиться с ней в Луна-Сити и познакомиться. Трепал языком я, не Тима же выдавать за доброго дяденьку. И вот я перед ней разливаюсь, угощаю кока-колой, рассказываю, как здорово мы тут ищем уран, в общем, вешаю лапшу. Потом я вздыхаю и говорю: как жаль, что не могу показать шахту, где мы с приятелем работаем. Всего и делов. Когда туристическая группа приехала на станцию Томбо, девчонка смылась через шлюз – сама, без нашей помощи. Хитрющая! А мы поджидали в условленном месте. Даже не угрожали, пока она не заинтересовалась, почему вездеход слишком долго едет до шахты. – Джок ухмыльнулся. – Хорошо дерется для своих габаритов, всего меня исцарапала.

Бедняжка Чибис! Жаль, что она его не колесовала и не четвертовала! История походила на правду, это вполне в ее духе – самоуверенной, отважной, беспомощной перед соблазном узнать что-то новое.

Джок продолжал:

– Вообще-то, дело не в девчонке, а в ее папашке. Хозяин уже пытался заманить его на Луну, да не выгорело. – Джок

невесело ухмыльнулся. — Тогда нам крепко досталось — хозяин лют, когда не по его выходит. Тут-то и вспомнили про девчонку. Тим подсказал ему, что на такую приманку папашка непременно клюнет.

Тим буркнул что-то, что я посчитал отрицанием. Джок сдвинул брови:

— Ну что ты все брюзжишь, зануда? Кто тебя воспитывал?

Мне бы помалкивать, а не философствовать, раз уж я решил добраться до сути. Но у меня тот же недостаток, что и у Чибис, — когда я чего-то не понимаю, очень хочется разобраться. Просто нестерпимый зуд! Я не мог понять (да и теперь не понимаю), что двигало толстяком.

— Джок? Зачем ты это сделал?

— Ты о чем?

— Слушай, ты же человек. — (По крайней мере, выглядел он как человек.) — И сам же говоришь, что нам, людям, надо держаться вместе. Как ты мог похитить ребенка — да еще отдать его Лиловому?

— Ты что, чокнулся, парень?

— Не думаю.

— А чушь городишь, будто не в своем уме. Ты хоть представляешь, что бывает с теми, кто не выполняет его приказов? Попробуй на досуге.

Намек ясен. Отказать Лиловому — все равно что кролику плюнуть в глаза удаву.

— Пойми и нас тоже, — продолжал Джок. — Я вот как счи-

таю? Живи и другим жить давай. Хозяин нас захватил, когда мы искали карнотит, – и все, уже не вырвешься. С каменной стенкой бодаться – дело дохлое. Вот мы и сторговались: делаем, что он велит, и получаем плату ураном.

Если и была у меня слабенькая симпатия к этим прохвостам, она тотчас исчезла. На смену пришло бешенство.

– И что, получили плату?

– Ну... можно сказать, что нас внесли в платежную ведомость.

Я оглядел нашу камеру:

– Прогадали, выходит.

Джок скривился, как обиженный ребенок:

– Может, и так. Но подумай трезво, малыш. Когда нельзя победить, нужно приспособливаться. Эти ребята готовят вторжение – ты сам видел, насколько все серьезно. Никто с такой силищей не справится, а значит, надо быть на стороне победителей. Я оказался в похожей передрыге, когда был не старше тебя, и получил хороший урок. Наш городок годами жил мирно, но главный пахан состарился и потерял хватку... И вот однажды приехали парни из Сент-Луиса. Какое-то время была неразбериха. Надо знать, куда ветер дует, иначе в один прекрасный день обязательно наденешь деревянное пальто. У кого нос был по ветру, тот выжил... Я всегда считал, что глупо плевать против ветра. И что, разве я не прав?

Лучше быть живым подлецом – вот и вся его логика. Толь-

ко он упустил ключевой момент.

– Допустим, Джок. И все же я не понимаю, как ты мог так поступить с маленькой девочкой.

– Ну а что такого? Я же объясняю: мы не могли сопротивляться.

– Могли. Конечно, стоя с Лиловым лицом к лицу, ослушаться невозможно, но у вас был отличный шанс смыться.

– Что ты имеешь в виду?

– Он послал вас за ней в Луна-Сити, ты сам сказал. Обратный билет на Землю у вас был – я знаю законы. Всего-то нужно было спрятаться там, где он бы вас не достал, и улететь первым же рейсом на Землю. И не пришлось бы делать грязную работу.

– Но...

Я перебил его:

– Допускаю, что вы не могли сопротивляться посреди лунной пустыни. Допускаю, что вы не чувствовали себя в безопасности даже на станции Томбо. Но в Луна-Сити у вас был шанс. Не стоило похищать ребенка и отдавать его... жукоглазому чудовищу!

Он, казалось, был сбит с толку, но быстро нашелся:

– Кип, ты мне нравишься. Хороший парень. Но соображаешь туго. Так ничего и не понял.

– Все я понял!

– Нет. – Он наклонился ко мне, протянул руку, чтобы положить на колено; я отодвинулся. – Есть кое-что, о чем я про-

молчал... боялся, что ты примешь меня за зомби или что-то вроде того. Они нас прооперировали.

– Что?

– Прооперировали. – Он продолжал, захлебываясь: – Вшили бомбы в головы. С дистанционным управлением, как у ракет. Выходишь за черту... он давит на кнопку – бум! Мозги по стенкам. – Он пошарил у себя на затылке. – Видишь шрам? Волосы уже отросли... но если присмотреться, разглядишь; он не мог полностью исчезнуть. Видишь?

Я присмотрелся. И чуть было не купился – в последнее время пришлось поверить и в менее вероятные вещи. Тим прекратил мои колебания одним коротким выразительным словом.

У Джока аж физиономия перекосилась, но он взял себя в руки и сказал:

– Да не слушай ты его.

Я пожал плечами и отодвинулся. Джок не заговаривал со мной до конца «дня». Меня это устраивало.

На следующее «утро» я проснулся от его прикосновения.

– Вставай, Кип! Вставай!

Я дернулся к своему игрушечному оружию.

– Вон твой нож, у стены. Только он тебе не понадобится.

Я подобрал нож.

– Что ты имеешь в виду? Где Тим?

– Ты не просыпался?

– Что?

– Этого я и боялся. Черт возьми, парень! Мне позарез нужно поговорить с кем-нибудь. Так ты все проспал?

– Что проспал? И где Тим?

Джок дрожал и потел.

– Они включали голубой свет, вот что. И забрали Тима. – Он содрогнулся. – Хорошо, что его, а не меня. Я уж подумал... Ну, ты заметил, я немного толстоват... Они любят упитанных.

– О чем ты? Что они с ним сделали?

– Бедный старина Тим! У него были свои недостатки, как и у всех, но... из него сварили суп... вот что. – Джок снова затрясся. – Они любят суп с косточкой...

– Не верю. Ты хочешь меня напугать.

– Напугать? – Он оглядел меня с ног до головы. – Может, теперь твоя очередь. Сынок, если ты не дурак, возьми свой ножик для бумаг, подойди вот к этой конской поилке и вскрой себе вены. Так будет лучше.

– А ты сам что же? Хочешь, нож одолжу?

Он помотал головой и съежился:

– У меня духу не хватит.

Не знаю, что стало с Тимом. Я даже не знаю, вправду ли черверотые едят людей. Если и едят, не стоит их называть каннибалами, – возможно, мы для них вроде баранины. И испугался-то я не особенно – в моих «контурах страха» давно сгорели все предохранители. И что станет с моим телом

после того, как вылетит душа, – наплевать. Но Джоку жизнь была дорога. Не думаю, что он был трусом; трусы не идут в лунные старатели. Просто он верил в свою теорию, и она его ужасала. Самая настоящая фобия. И на то, как он признался, имелись свои особые причины. Он утверждал, что еще раньше побывал на Плутоне, но все его спутники – добровольцы и пленники – обратно не вернулись.

Когда нам сбросили банки – на этот раз две, – он сказал, что не хочет есть, и предложил мне свой паек. Той «ночью» он все сидел, стараясь не уснуть. В конце концов меня сморил сон.

Я проснулся от одного из тех кошмаров, когда не можешь шевельнуться. Сон оказался правдой; перед этим меня наверняка осветили голубым светом.

Джока не было.

Больше я никогда не видел обоих.

Пожалуй, я даже немножко скучал... по крайней мере, по Джоку.

Стало чуть легче – не надо следить за сокамерниками, можно спокойно вымыться. Однако чертовски скучное это занятие – в одиночестве мерить шагами камеру.

У меня не было иллюзий насчет этих двоих. Наберется не менее трех миллиардов человек, с которыми я бы охотнее согласился делить заключение. И все же они были людьми.

Бездушный, жестокий, как гильотина, Тим не вызывал ни-

каких симпатий. Но у Джока были начальные понятия о добре и зле, иначе он не искал бы для себя оправданий. Наверное, он просто был тряпкой.

Однако я не считаю, что понять — значит простить. Если начнешь так думать, дойдешь до сентиментальных соплей по убийцам, насильникам, похитителям и совершенно забудешь об их жертвах. Это неправильно. Я буду плакать по людям, подобным Чибис, а не по преступникам, чьими жертвами становятся невинными. Я скучал по болтовне Джока, но, если бы общество решило топить таких, как он, новорожденными, я взялся бы за эту работу. А уж подобных Тиму и вовсе не жалел бы. И если правда из моих сокамерников сварили похлебку, нет причин горевать — хотя, возможно, завтра настанет мой черед.

Может быть, в качестве супа они пережили свой звездный час...

Глава 8

Из бессмысленных размышлений меня вывел взрыв, за которым последовал резкий треск, похожий на грохот басовых, – а потом резко упало давление. Я вскочил – каждый, кто хоть раз в жизни зависел от скафандра, никогда не останется безразличным к внезапной декомпрессии.

– Какого черта?! – воскликнул я. И добавил: – Кто там на посту? Проснись, а то мы все тут скоро будем дышать чем-то холодным и разреженным.

Кислорода снаружи нет, в этом я был уверен, – точнее, в этом были уверены астрономы, а мне проверять их выкладки не хотелось.

– Может, нас бомбят? Было бы неплохо. Или это землетрясение?

Последнее замечание не было случайным. В той статье из «Сайентифик Американ», где говорилось про «лето» на Плутоне, предполагались «резкие изостатические подвижки» из-за повышения температуры. Намек ясен: наденьте шляпу – на вас падает дымовая труба.

Однажды я угодил в землетрясение. Это было в Санта-Барбаре. И сейчас мне не понадобилось много усилий, чтобы вспомнить то, что знает с рождения каждый житель Калифорнии, а приезжие усваивают с первого раза: когда земля начинает плясать джигу, выбегай на улицу!

Но отсюда не выбежишь.

Минуты две я проверял, не прибавил ли мне сил выброс адреналина, чтобы прыгнуть на восемнадцать футов вместо двенадцати. Нет, не прибавил. Но я еще с полчаса этим занимался да вдобавок ногти обкусывал. И вдруг услышал свое имя!

– Кип! Эй, Кип!

– Чибис! – заорал я. – Сюда! Чибис!

Тишина растянулась на вечность длиной в три удара сердца...

– Кип?

– Я здесь, внизу!

– Кип? Ты в этой яме?

– Да! Ты меня не видишь? – Наверху, на светлом фоне, я различил ее голову.

– Теперь вижу. Ох, Кип, я так рада!

– Тогда что же ты плачешь? Я тоже рад!

– Я не плачу, – прохлюпала она. – Ох, Кип... Кип...

– Поможешь мне выбраться?

– Ой... – Она осмотрела дыру. – Оставайся на месте.

– Погоди!

Но Чибис уже исчезла.

Она отсутствовала не больше двух минут, а мне показалось, что неделю. Но вот моя лапушка вернулась, да еще с нейлоновой веревкой!

– Хватайся!

– Подожди секунду. Как она закреплена?

– Я тебя вытащу.

– Нет! Иначе мы оба окажемся здесь. Найди, к чему привязать.

– Я могу поднять тебя.

– Закрепи! Скорее!

Она снова скрылась, оставив конец веревки у меня в руках. Скоро я услышал слабый голос:

– Пошел!

Я крикнул:

– Проверка! – и выбрал слабинку. Повис – веревка держала. – Иду! – завопил я и с последним звуком этого слова ухватился за край дыры.

Чибиc бросилась ко мне, обняла одной рукой, другой сжимая Мадам Помпадур, а я обнял ее. Она оказалась еще меньше и тоньше, чем раньше.

– Ох, Кип, это было просто ужасно!

Я похлопал ее по тощим лопаткам:

– Знаю, знаю. Что делать будем? Где...

Я хотел сказать: «Где Лиловый?» – но она разрыдалась.

– Кип... я думаю, она умерла!

Я и так уже был немного не в себе, а тут мозги совсем забуксовали.

– Э-э-э... кто?

Похоже, она так же сильно удивилась, как я – растерялся.

– Что значит – кто? Мамми.

– Ох... – Меня объяла тяжкая печаль. – Но... ты уверена?

Она разговаривала со мной до самого конца – а ведь я жив.

– Да не тогда умерла, Кип! Сейчас!

– Что? Она была здесь?

– Конечно. Где же еще?

Вопросик... Да где угодно, Вселенная велика. Я давным-давно решил, что Мамми тут нет, – потому что Джок об этом не трепался. Я сделал вывод, что Джок либо сказал бы, что она здесь, либо сочинил затейливую ложь, просто так, забавы ради. Следовательно, он вообще про нее ничего не знал – может, и не видел никогда, разве что в качестве «горба» у меня на спине.

Я был так уверен в моей «логике», что лишь через несколько минут смог отбросить предубеждения и осознать факты.

– Чибис, – сказал я, – такое чувство, как бы я потерял родную мать. Ты... уверена?

– Не «как бы», а «как будто», – машинально поправила она. – Я не на сто процентов уверена... но она снаружи – так что, по всей вероятности, мертва.

– Подожди минутку. Если она снаружи, то в скафандре. Или нет?

– Нет! У нее не было скафандра – с тех пор, как уничтожили ее корабль.

Я еще больше запутался.

– А как ее доставили сюда?

– В мешке, запечатали и привезли. Кип... что нам теперь делать?

У меня было несколько ответов, но все неверные – в тюрьме я их уже обдумал.

– Где Лиловый? Где все черверотые?

– Хм... мертвы. Наверное.

– Было бы неплохо. – Я огляделся в поисках оружия и впервые увидел коридор таким пустым. Мой игрушечный кинжал лежал внизу, всего в восемнадцати футах, но лезть за ним не хотелось. – Почему ты думаешь, что они мертвы?

У Чибис были на то причины. Если судить по внешности, у Мамми не хватило бы сил и бумажку разорвать, но слабенькие мышцы дополнялись могучим мозгом. Она сделала то, о чем мечтал я: нашла способ прикончить всех черверотых. А ведь она не могла спешить, ее план предусматривал стечение множества независящих от нее факторов.

Во-первых, нужно было дождаться, когда поблизости окажется поменьше черверотых. База представляла собой огромный склад, космопорт и перевалочную станцию, но не требовала многочисленного персонала. Ажиотаж по случаю нашего прибытия, который я наблюдал в первый день, не был для нее характерен.

Во-вторых, должен был опустеть порт. С кораблем она бы не справилась – не смогла бы до него добраться.

В-третьих, час «Ч» должен был совпасть с обедом черверотых. Когда их не набиралось в «столовой» на две смены,

они ели все вместе – толпились вокруг одного большого котла и хлебали. Я представил картину, достойную Данте. Таким образом можно было разом прихлопнуть всех врагов, кроме, возможно, одного или двух вахтенных на инженерной или коммуникационной службе.

– Минутку, – перебил я. – Ты говоришь, они все... того?

– Ну... я не знаю. Я никого не видела.

– Постой, я найду какое-нибудь оружие!

– Но...

– Чибис, это важно!

Заявить, что найду оружие, – еще не значит его найти. В этом коридоре не было ничего, кроме дыр, похожих на ту, где я сидел, – поэтому Чибис и искала меня здесь. Это было одно из немногих мест, куда ее не пускали. Джок был прав в одном: Чибис – и Мамми – были привилегированными узницами, которым разрешалось все, кроме свободы... тогда как Джок, Тим и я сам составляли третий сорт, может, и вправду набор для супа. Это подтверждало версию, что Чибис и Мамми были скорее заложниками, чем рядовыми военнопленными.

Я не захотел исследовать остальные ямы, после того как заглянул в одну и увидел человеческий скелет, – возможно, черверотым надоело кормить сидельца. Когда я выпрямился, Чибис спросила:

– Ты чего трясешься?

– Ничего. Пошли.

– Я хочу посмотреть.

– Чибис, не время. Мы еще ничего не сделали. Идем. Держись за мной.

Я не дал ей увидеть скелет. Большая победа над маленьким существом, полным любопытства. Впрочем, возможно, на нее мертвец не произвел бы сильного впечатления; Чибис бывала сентиментальна только в сугубо утилитарных целях.

«Держись за мной» звучало по-рыцарски, но нерационально. Я забыл, что напасть могли и сзади. Надо было мне сказать: «Иди в арьергарде, следи за тылом».

Впрочем, так она и делала. Я услышал вопль и, развернувшись, увидел черверотого с тем похожим на фотоаппарат устройством на изготовку. Хотя Тим и испробовал на мне эту штуку, я не понял, что происходит, и на секунду замер.

Но не растерялась Чибис. Она взвилась в воздух с храбростью и безрассудством котенка, ударила врага руками и ногами.

Это меня и спасло. Безданная атака, способная свалить разве что другого котенка, все же отвлекла черверотого, не позволив ни убить, ни парализовать меня. Более того, он потерял равновесие и упал.

И тогда я растоптал его. Голыми ногами, прыгнув прямо на его рачью голову!

Жуть! Как будто я вскочил на пластиковую коробку с земляникой. Голова с хрустом смялась, развалилась на куски. Даже в угаре схватки меня, обуреваемого жаждой убийства,

затошнило от омерзения. Я наступил на «червей» и отпрыгнул. Потом схватил Чибис и оттащил ее; мне так же остро хотелось смыться, как секундами раньше – драться.

Я не прикончил его. В течение ужасных мгновений казалось, что придется добивать. Но потом я понял: хоть он и жив, ему не до нас. Он подергался, как обезглавленная курица, потом притих и стал совершать осмысленные движения.

Он не видел.

Я лишил его глаз. Может, и ушей, – но ужасные зенки точно раздавил.

Он тщательно ощупал пол, затем поднялся на ноги, весь целый, за исключением головы. Постоял неподвижно, опираясь на третью ногу, приняхался. Я оттащил Чибис подальше.

Он двинулся. Не к нам, а то бы я заорал. Он пошел в другую сторону, натолкнулся на стену, выпрямился и побрел прямо по коридору туда, откуда мы пришли.

И рухнул в оказавшуюся на пути яму.

Я вздохнул и спохватился, что слишком крепко сжимаю Чибис, – как бы не задохнулась. Я отпустил ее.

– Вот тебе оружие, – сказала она.

– Ты о чем?

– О штуковине, что на полу, рядом с Мадам Помпадур. – Она подняла свою куклу, стряхнула с нее куски черверотого, потом взяла похожую на фотоаппарат штуковину и протянула мне. – Осторожнее, не направляй на себя. И на меня.

– Чибис, – слабым голосом спросил я, – у тебя вообще нервы есть?

– Есть, конечно. Только я ими не пользуюсь. Разве что в свободное время, а сейчас недосуг. Знаешь, как с этим обращаться?

– Нет. А ты?

– Я видела, и Мамми рассказывала. – Она небрежно взяла трофей и направила в сторону. – Дырки сверху: если открыта одна – парализует, если обе – убивает. Нужно нажать сюда. – Она нажала, вылетел луч яркого голубого света и рассеялся у стены. – От света ничего не будет, – добавила девочка. – Это для прицеливания. Надеюсь, там за стеной никого не было. Впрочем, нет, надеюсь, кто-то был. Ты меня понимаешь.

Устройство походило на тридцатипятимиллиметровый фотоаппарат со «свинцовой» линзой, только скособоченный, будто собранный по устному описанию. Я взял его, стараясь не направлять куда не надо, и осмотрел. Потом испытал – по ошибке на полной мощности.

Луч голубого света пронизал пустоту, и задымилась стена. Я выключил.

– Тратишь заряд, – сказала Чибис. – А он может понадобиться.

– Надо же было опробовать. Идем.

Чибис взглянула на часы с Микки-Маусом – меня задело, что они уцелели, а мои, такие с виду солидные, нет.

– Времени очень мало, Кип. Мы можем допустить, что

этот был единственным уцелевшим?

– Что? Конечно нет! Пока не убедимся, что они все мертвы, нельзя ничего предпринимать. Пошли.

– Но... Ладно, я поведу. Ты не знаешь дорогу.

– Нет!

– Да!

Пришлось подчиниться. Она вела меня и держала излучатель голубого света, а я прикрывал тыл и мечтал о третьем глазе на затылке, как у черверотых. Не было уверенности, что у меня реакция быстрее, чем у Чибис, да и с трофейным оружием она была знакома лучше.

И все равно мне было не по себе.

База была огромной; должно быть, половину горы источили проходами. Мы бежали рысцой, не обращая внимания на разные вещи, диковинные, как музейные экспонаты, но вдвое интереснее, и лишь проверяли, не остались ли где-нибудь черверотые. Чибис держала оружие наготове, болтала без умолку и поторапливала меня.

Кроме опустевшей базы, отсутствия кораблей в порту и обеденного времени у черверотых, для успешного выполнения плана Мамми требовался определенный час плутонианской ночи.

– Почему? – спросил я.

– Конечно, чтобы связаться со своими.

– Но... – Я осекся.

Подумал, что знаю о расе Мамми еще меньше, чем о чер-

веротых. Теперь она мертва – Чибис сказала, что она очутилась снаружи без скафандра, а значит, погибла; это нежное существо и двух секунд не продержалось бы при сверхарктической температуре. Не говоря уже об удушье и кровоизлиянии в легкие. Я сглотнул.

Разумеется, Чибис может ошибаться. Надо признать, она редко это делала – но вдруг сейчас как раз такой случай? Тогда мы найдем Мамми? А если не найдем? Если она снаружи?..

– Чибис, ты знаешь, где мой скафандр?

– А? Конечно. Там же, где я взяла это. – Она похлопала по нейлоновой веревке, которую обмотала вокруг пояса и завязала бантиком.

– Тогда, как только убедимся, что черверотых не осталось, я выйду наружу и поищу ее!

– Да, да! Но надо найти и мой скафандр, я тоже пойду.

Кто бы сомневался! Может, уговорю ее подождать в туннеле, не выходя под ледяной шквал.

– Чибис, почему сигнал нужно было послать именно ночью? Над орбите дежурит корабль? Или...

Мои слова прервал грохот. Заходил ходуном пол – такая тряска одинаково ужасает людей и животных. Мы застыли как вкопанные.

– Что это? – прошептала Чибис.

– Если не часть суматохи, затеянной Мамми...

– Не думаю.

– Тогда – землетрясение.

– Землетрясение?

– Плутонотрясение. Чибис, надо уходить!

Я не задавался вопросом, куда уходить, – при землетрясении не раздумывают. Чибис сглотнула.

– Нам сейчас не до землетрясений. Быстрее, Кип, быстрее!

Она рванулась, я за ней, скрипя зубами. Если Чибис наплевать на землетрясения, то и мне придется – хоть это и не лучше, чем плевать на гремучую змею в собственной в постели.

– Чибис... соплеменники Мамми... Их корабль на орбите Плутона?

– Что? Да нет, нет! Они не на корабле.

– Тогда почему ночью? Это из-за слоя Хевисайда? А где их база? – Я начал прикидывать, далеко ли может уйти человек на Плутоне. По Луне мы прошли почти сорок миль. Одолеем ли мы здесь хотя бы сорок ярдов? Возможно, как-то удастся утеплить ноги. Но этот ветер... – Чибис, они, случайно, не здесь живут?

– Что? Не мели чепухи! У них есть собственная чудесная планетка. Кип, отстань с глупыми вопросами, опоздаем. Молчи и слушай.

Я умолк. Всю историю пришлось слушать урывками, на бегу, а кое-что я узнал позже. Когда Мамми попала в плен, она лишилась корабля, скафандра, переговорного устрой-

ства – Лиловый уничтожил все. Это было предательство, нарушение перемирия.

– Она была парламентаром, ее захватили во время переговоров! – возмущалась Чибис. – Разве так можно? Ведь черверотый слово дал!

Предательство для черверотого так же нормально, как для гадюки – яд. Я удивился, что Мамми рискнула иметь с ним дело. Рискнула – и стала пленницей безжалостных чудовищ. У них корабли, по сравнению с которыми наши кажутся допотопными паровозами, оружие, начиная с «лучей смерти» и кончая бог знает чем, базы, организация, снабжение...

У нее же только ум и маленькие нежные руки.

Прежде чем воспользоваться редким стечением обстоятельств, которое давало хоть какой-то шанс, ей нужно было восстановить связь (я назвал эту штуку «радио», но на деле оно гораздо сложнее) и изготовить оружие. Исключительно из подручных средств.

У нее не было даже булавки – только то треугольное украшение с выгравированными спиралями. Чтобы создать хоть что-то, надо было попасть в отсеки, которые можно назвать электронными лабораториями, – они совсем не похожи на уголок, где я возился с электроникой, но все приборы, в которых снуют микрочастицы, имеют общую логику. Если вы хотите, чтобы электроны выполняли для вас работенку, безразлично, кто создавал детали – люди, черверотые или Мамми. Форма волновода подчиняется законам природы, индук-

тивность имеет свою геометрию, и не важно, кто был инженером.

Так что отсеки выглядели как электронные лаборатории – притом очень хорошие. Приборы были незнакомыми, но я чувствовал, что смог бы в них разобраться, было бы время. Но теперь я только взглянул.

Мамми провела тут много-много часов. Ее не пустили бы сюда, хотя она была заложницей высокого ранга и имела многие привилегии. Ее даже не в камере содержали, а в апартаментах вместе с Чибис. Думаю, Лиловый боялся ее, даже плененную, и не хотел без нужды злить.

Она проникла в мастерские, сыграв на алчности своих тюремщиков. У ее народа много такого, чего нет у черверотых, – знания, технологии. Для начала она поинтересовалась, почему они делают вот это вот так, вместо того чтобы сделать этак, намного эффективнее. По традиции? Или по религиозным убеждениям?

Когда черверотые спрашивали, что она имеет в виду, она беспомощно разводила руками: «Стыдно, но я не могу объяснить, ведь построить эту штуку так просто...»

Под пристальным наблюдением она что-нибудь собирала. Устройство работало. Потом мастерила что-то еще. И вот уже стала проводить в лабораториях целые дни, восхищая тюремщиков все новыми конструкциями. Делясь знаниями, она сохраняла свои привилегии.

И в каждом устройстве были нужные ей детали.

– Черверотым не хватало ума понять, что делает Мамми, – объяснила Чибис. – Пять деталей шли в прибор, а шестая – к ней в карман.

– В карман?

– Конечно. Именно там она спрятала «мозг», когда мы с ней угнали корабль. Разве ты не знал?

– Что у нее есть карман? Нет.

– Вот и они не знали. Следили, чтобы Мамми не выносила ничего из мастерской, – она и не выносила. То есть не попала.

– Чибис, так Мамми – сумчатая?

– Что значит – сумчатая? Как опоссум? Не обязательно быть сумчатым, чтобы иметь карман. Вот белки, например, у них карманы за щеками.

– Мм... да.

– Она крала понемножку то там, то тут, ну и я таскала кое-что. А в свободное время она работала в нашей комнате.

Пока мы сидели на Плутоне, Мамми вообще не спала. Она часами трудилась открыто, делала для черверотых всякую всячину – стереотелефон размером с пачку сигарет, крошечного жучка, который ползал по любой поверхности и вычислял объем предмета, и много других вещей. А после отбоя оставалась одна, обычно в темноте, и ее миниатюрные пальчики сновали, как пальцы слепого часовщика. Она сделала две бомбы и сигнальное устройство дальней космической связи.

Об этом я узнал уже не от Чибис. Когда мы с ней бежали по коридорам базы, она только сказала, что Мамми удалось сделать радиомаяк, и взрыв, который я слышал, тоже дело ее рук. И что мы должны спешить, спешить, спешить!

– Чибис, – сказал я, задыхаясь, – куда мы несемся? Если Мамми снаружи, надо внести ее внутрь – я хочу сказать, ее тело. Но ты ведешь себя так, словно мы куда-то опаздываем.

– А мы и правда опаздываем!

Радиомаяк необходимо было установить снаружи в определенное время (плутонианский день длится почти неделю – астрономы не обманули), так чтобы сама планета не экранировала луч. Но у Мамми не было скафандра. Пленницы решили, что Чибис наденет свой скафандр, выйдет наружу и установит маяк – он сконструирован так, что нужно только нажать на кнопку. Однако все зависело от того, где находится скафандр Чибис, удастся ли до него добраться после того, как черверотые будут обезврежены.

Но его так и не нашли. Мамми пропела с успокаивающими и ободряющими нотами – казалось, я слышу, как они звенят в моей голове:

Ничего, милая. Я могу сама выйти и установить его.

– Мамми! Нельзя! – протестовала Чибис. – Там холодно.

Я быстро.

– Ты не сможешь дышать.

Я потерплю, это совсем недолго.

Конечно, Чибис уступила. С Мамми спорить не проще,

чем с Лиловым.

Бомбы и маяк были готовы, приближалось удобное время – ни одного корабля, черверотых мало, у персонала обеденный перерыв, – а заложницы все еще не знали, где скафандр Чибис (если его не уничтожили). И Мамми решилась.

– Но она обещала... всего пару часов назад, когда сказала, что сегодня начинаем... обещала вернуться минут через десять... А если не вернется, то есть надежда, что я разыщу мой скафандр и включу маяк. – Чибис расплакалась. – В пепервый раз она призналась, что не уверена в себе.

– Чибис! Перестань плакать! Дальше что?

– Я дождалась взрывов – обоих – и бросилась на поиски, туда, куда меня раньше не пускали. Но скафандра там не было! Потом я нашла тебя и... Ох, Кип, она снаружи уже почти час! – Девочка посмотрела на часы. – Осталось минут двадцать. Если к тому времени маяк не запустить... Она так старалась и погибла на-на-напрасно! Она бы этого не перенесла!

– Где мой скафандр?

Больше черверотых не попало, – очевидно, только один нес вахту, пока остальные кормились. Чибис показала мне дверь-шлюз, за которой находилась столовая, – должно быть, бомба нарушила герметичность отсека, и, когда владельцев разнесло на кусочки, двери закрылись сами. Мы поспешили дальше.

Верная своей логике, Чибис оставила помещение со скафандрами на самый конец. Человеческих скафандров тут было больше дюжины – это сколько же супа съедали упыри? Что ж, больше им не пировать! Не теряя времени, я крикнул:
– Привет, Оскар! – и начал одеваться.

Где пропал, парень?

На вид Оскар был в отличной форме. Рядом висел скафандр Толстого, а дальше скафандр Тима. Расправляя Оскара, я взглянул на них, прикидывая, нельзя ли чем-нибудь поживиться. Чибис смотрела на скафандр Тима:

– Может, мне подойдет?

Он был куда меньше Оскара и велик девочке всего на девять размеров.

– Глупости! Он тебе как индюку носки. Лучше помоги мне. Сверни эту веревку кольцами и пристегни к моему поясу.

– Она не понадобится. Мамми собиралась отнести маяк на сотню ярдов по эстакаде и там установить. Если у нее не вышло, это сделаешь ты. И поверни выключатель, он сверху.

– Не спорь! Сколько времени осталось?

– Не буду, Кип. Восемнадцать минут.

– Ветер там сильный, – добавил я, – а Мамми совсем легонькая. Если ее сдуло, веревка пригодится, когда буду искать тело. Подай молоток со скафандра Толстого.

– Сейчас!

Я выпрямился. Приятно было снова ощущать на себе Ос-

кара. Потом я вспомнил, как замерзли ноги, когда мы шли сюда от корабля.

– Еще бы асбестовые сапоги...

Чибис, казалось, озадачилась.

– Подожди здесь!

Не успел я слово вымолвить, она убежала. Я продолжал шнуроваться, все больше беспокоясь – она даже не взяла луковое оружие. Наконец я спросил:

– Штатно, Оскар?

Штатно, парень!

Рычажок у подбородка в порядке, цвет крови в порядке, радио... оно мне не понадобится, вода... Емкость была пуста. Не важно, я не успею почувствовать жажду. Я нажал на клавишу, уравнивая давление внутри скафандра с наружным.

Чибис вернулась с чем-то похожим на балетные туфли для слоненка. Придвинулась к моему шлему и прокричала:

– Они носят вот это! Попробуй надеть.

Кое-как я натянул их на ноги, как огромные носки. Встал и почувствовал, что они улучшают сцепление с полом; неуклюжие, но ходить легко.

Через минуту мы стояли у выхода из большой комнаты, где я уже побывал. Ее дверь-шлюз закрылась после взрыва второй бомбы, которая разрушила дверь в туннеле. Бомбу в столовой подложила Чибис и сразу удрала в свою комнату. Не знаю, устанавливала ли Мамми таймеры, чтобы взрывы

произошли одновременно, или управляла бомбами дистанционно, — да это и не важно, главное, что мощная база черверотых превратилась в руины.

Чибис знала, как обращаться со шлюзом. Когда внутренняя дверь открылась, я крикнул:

— Время?

— Четырнадцать минут. — Она подняла руку с часами.

— Помни, что я сказал: оставайся тут. Заметишь любое шевеление, сначала поливай голубым светом, потом спрашивай.

— Я помню.

Я зашел в шлюзовую камеру, закрыл внутреннюю дверь, нашел клапан на внешней двери и дождался, когда уравниется давление.

Те две-три минуты, пока открывался основной замок, я провел в тягостных раздумьях. Не хотелось оставлять Чибис одну. Где гарантия, что все черверотые мертвы? Прочесывали мы второпях; кто-то мог ускользнуть — они ведь шустрые.

Кроме того, Чибис сказала «Я помню» вместо «Хорошо, Кип, я так и сделаю». Оговорка? Они случались, только когда были ей нужны. Между «вас понял» и «разрешите исполнять» разница огромная.

И, кроме того, сама моя затея — отыскать тело Мамми — была дурацкой. Как только доставлю его внутрь, оно начнет портиться. Было бы лучше оставить его в естественном морозильнике.

Но эта мысль была невыносима. Там лютая стужа, а Мамми была такой милой и теплой... такой жизнерадостной. Я должен принести ее туда, где она согреется.

Если эмоции начинают толкать на заведомо глупые поступки, это тревожный сигнал.

Что еще хуже, я не оценивал свои действия. Это из-за спешки, ведь Мамми хотела включить маяк раньше определенного момента, до которого осталось мало времени, может минут десять. Задачу-то я выполняю, но какой в том прок? Допустим, ее родная звезда совсем рядом – например, Проксима Центавра, – а черверотые прилетели откуда-то издалека. Даже если маяк заработает, сигнал бедствия дойдет до ее соплеменников лишь через четыре года!

Может, для Мамми это нормально. Похоже, она из народа долгожителей и ей ничего не стоит прождать спасателей несколько лет. Но мы с Чибис так не можем. Пока это сообщение со скоростью света доползет до Проксимы Центавра, мы умрем. Я обрадовался, увидев Чибис, но я знал, что нас ждет. Смерть. Через несколько дней или недель, от силы месяцев, закончится воздух, или вода, или пища. Либо прилетит корабль черверотых, и тогда, если повезет, мы погибнем в отчаянной битве.

Как ни крути, запуск маяка – всего лишь «исполнение последней воли покинувших нас», как говорят на похоронах. Сентиментальная глупость.

Внешняя дверь начала открываться. Аве, Мамми! Иду-

щие на смерть...

Снаружи стоял холод, лютый холод, хотя на ветер я еще не вышел. Светились панели, и было видно, что в туннеле все вверх дном. Два десятка панелей-ступеней были порваны, как барабанные перепонки. Я подивился – бомбу, надевавшую столько бед, собрали из деталей, унесенных в кармашке. От взрыва у меня лязгали зубы, хоть я и был заточен в нескольких сотнях футов отсюда, в скале.

Первые десять панелей сброшены вовнутрь. Неужели Мамми взорвала бомбу в середине туннеля? От такого взрыва она сама унеслась бы, как перышко! Скорее всего, подложила бомбу, вернулась и активировала ее – а потом вышла через шлюз, как я. Других объяснений я не находил.

С каждым шагом становилось холоднее. Ноги еще не очень замерзли, неуклюжие бахилы делали свое дело. Червероты знали толк в изоляции.

Оскар, отопление включил?

На всю катушку, парень. Ну и погода нынче!

Это ты мне говоришь!

Сразу за самой последней сорванной панелью я нашел Мамми.

Она упала ничком, как будто шла-шла и выбилась из сил. Руки были вытянуты вперед, а на полу перед крошечными пальчиками лежала круглая коробочка размером с пудреницу.

Лицо было спокойно, а глаза открыты, только затянуты мигательной перепонкой, как тогда, на пастбище за моим домом, при первой нашей встрече, случившейся несколько дней, или недель, или тысячелетий назад. Но тогда она была ранена, это бросалось в глаза; теперь же я едва ли не ожидал, что она моргнет и пропоет приветствие.

Я дотронулся до нее.

Она была тверда как лед и гораздо холоднее льда.

Я моргнул, смахивая слезы, и не стал терять ни секунды. Она хотела, чтобы эту коробочку поместили в сотне ярдов отсюда и повернули рычажок – и на это оставалось шесть или семь минут. Я подобрал коробочку.

Хорошо, Мамми! Я иду!

Двигай, парень!

Спасибо, милый Кип...

В привидения я не верю. Просто я столько раз слышал, как Мамми выпевает слова благодарности, что теперь эта мелодия слабым эхом прозвучала у меня в голове.

Через несколько футов, у выхода, я остановился. На меня обрушился ветер, такой свирепый, что смертельная стужа туннеля показалась летней прохладой. Я закрыл глаза, отсчитал тридцать секунд, чтобы привыкнуть к свету звезд, нащупал наклонную подпорку с наветренной стороны туннеля, которая крепила эстакаду к горе, и привязал страховочную веревку. Я знал, что снаружи ночь, и ожидал, что дорога будет выглядеть черной полосой на фоне белого «снега»,

блестящего под яркими звездами. На таком ураганном ветру необходимо видеть края дорожки, а для этого придется освещать ее фарой шлема, то есть поворачивать голову вместе с туловищем из стороны в сторону. Это не только отнимет время – можно потерять равновесие и сорваться.

Так что мне, прежде чем выйти, пришлось обдумать каждую мелочь. Ночной Плутон – это вам не парк отдыха. Так что, привязав веревку, я отсчитал тридцать секунд – дал глазам привыкнуть к свету звезд. Потом открыл их.

И не увидел ни черта!

Ни одной звездочки. Между землей и небом – никаких отличий. Я стоял спиной к туннелю, и шлем затенял лицо, как пляжная шляпа. А ведь мне позарез было нужно видеть дорогу. Проклятье!

Я повернул голову и обнаружил причину и крошечной тьмы, и землетрясения – действующий вулкан. То ли в пяти милях, то ли в пятидесяти, но это не суть важно. Зазубренный багровый шрам над горизонтом нельзя было спутать ни с чем.

Я не стал его разглядывать. Включил фонарь, осветил правую, наветренную сторону эстакады и неуклюже засеменил вперед, держась как можно ближе к краю, – если ветер свалит с ног, я упаду на дорожку, а не сразу в пропасть. Этот ветер пугал меня. Веревку, намотанную на левую руку, я по мере своего продвижения отпускал, но старался держать достаточно натянутой. Витки были твердыми как железо.

Ветер не только страшил – он мучил. Обжигал холодом, как огнем. И обжигал, и раздирал, и промораживал до костей. Мой правый бок, которому больше доставалось, совершенно одеревенел, и тогда сильнее заболел левый.

Я не чувствовал веревки. Остановился, нагнулся и осветил моток лучом фонаря. Вот что еще нужно усовершенствовать – фонарь должен поворачиваться на шарнирах!

Веревка размоталась наполовину, я прошел добрых пятьдесят ярдов. Она закончится как раз там, куда стремилась Мамми. Поторопись, Кип!

Шевелись, парень! Здесь холодно.

Я снова остановился. Где коробочка?

Я ее не чувствовал. Посветив фонарем, убедился, что она стиснута в правой руке. Ни с места, пальцы! Я поспешил вперед, считая шаги. Один! Два! Три! Четыре!..

Досчитав до сорока, остановился и взглянул на кромку. Я добрался до самой высокой точки эстакады, там, где дорога пересекала ручей, и припомнил, что это примерно на середине маршрута. Метан, или что там в ручье текло, весь превратился в лед, и я понял, что ночь действительно холодна.

На левой руке остались считанные витки – я был у цели. Я отпустил веревку, осторожно передвинулся на середину дороги и опустил на колени, чтобы установить коробочку.

Пальцы не слушались.

Я разогнул их левой рукой, вынул коробочку из кулака. Дьявольский ветер чуть не вырвал ее, и это чудо, что я не

дал ей укатиться. Обеими руками я аккуратно поставил ее вертикально.

Шевели пальцами, дружище. Сведи руки вместе!

Я свел. Мышцы предплечья слушались, хотя сгибать пальцы было мукой мученической. Неловко придерживая коробочку левой рукой, я нашарил рычажок.

Я его не почувствовал, но он легко повернулся при моем прикосновении. И тогда я увидел.

Казалось, она ожила и замурлыкала. Возможно, я услышал вибрацию, передавшуюся перчаткам и скафандру; почувствовать онемевшими пальцами я, разумеется, не мог. Я оставил коробочку, неловко поднялся на ноги и отступил, чтобы, не наклоняясь, осветить маяк.

Дело Мамми было завершено, и я надеялся, что вовремя. Будь у меня здравого смысла чуть побольше, чем у дверной ручки, я бы развернулся и скрылся в туннеле еще быстрее, чем выходил из него.

Но я был зачарован действиями этого механизма.

Он встряхнулся и выпустил три паучьи ножки. Этот маленький треножник распрямился, подняв маяк на высоту в фут. Он снова встряхнулся, и я испугался, как бы его не снесло ветром. Но паучьи ножки напряглись, будто вцепившись в дорожное покрытие, и устройство стало незыблемым, как скала.

Над ним поднялся и распустился механический цветок дюймов восьми в диаметре. Из цветка выдвинулся палец –

антенна? – покачался, будто нацеливаясь, и замер, указывая в небо.

Маяк сработал. Я уверен, что сработал, хотя видел лишь вспышку света. Наверное, это было побочное явление, свет сам по себе не мог передать информацию, даже если бы не было извержения вулкана. Возможно, я наблюдал какой-то безобидный эффект при выделении огромного количества энергии – эффект, который Мамми не смогла предотвратить из-за нехватки времени, материалов или оборудования. Он был не ярче фотовспышки. Но я смотрел прямо на него. Поляризаторы не успели отреагировать. Фисташковый свет ослепил меня.

Я решил, что у меня испортился фонарь, но потом сообразил, что перед ослепшими глазами висит большой зеленовато-пурпурный диск.

Не волнуйся, приятель, это просто световой шок. Подожди, и все пройдет.

Не могу ждать! Замерзну насмерть!

Найди веревку, она пристегнута к поясу. Держись за нее и иди.

Я сделал, как сказал Оскар: нашел веревку, развернулся, начал наматывать ее на обе руки.

Вернее, попытался.

Нет, она не порвалась, как обычная веревка, а раскололась, как стеклянная. Впрочем, почему «как»? И нейлон, и стекло – это переохлажденные жидкости.

Теперь-то мне известно, что такое переохлаждение.

Но тогда мне было не до подобных открытий. Я знал лишь одно: веревка – последнее, что еще связывает меня с жизнью. Я ослеп, оглох, остался один над пропастью, в миллиардах миль от дома, и ветер из глубин ледяной преисподней выдувает последние капли жизни из тела, которого я уже почти не ощущаю. Там же, где оно не успело утратить чувствительность, его жжет как огнем.

Оскар!

Я здесь, старина. Ты справишься. Что-нибудь видишь?

Нет!

Ищи вход в туннель. Там, где свет. Выключи фонарь. Конечно сможешь – это же просто. Подними руку и найди тумблер на шлеме, справа.

Я поднял и нашел.

Видишь что-нибудь?

Пока нет.

Подвигай головой. Попробуй заметить что-нибудь боковым зрением. Ты знаешь, что основная область ослепления прямо перед глазами. Ну как?

Вроде заметил!

Красноватое, да? И зазубренное. Вулкан. Теперь мы знаем, что впереди. Медленно поворачивайся и старайся увидеть устье туннеля.

Поворачиваться я и так мог только медленно.

Вот оно!

Прекрасно, ты стоишь лицом к дому. Опускайся на четвереньки и осторожно двигайся влево. Не поворачивайся – тебе нужно нащупать край дороги и ползти к туннелю.

Я опустился на четвереньки. Руки не почувствовали прикосновения, я ощущал только давление на суставы, словно все мои конечности были искусственными. Я нашел край. Левая рука соскользнула вниз, и я чуть не упал.

Направление верное?

Конечно. Ты ведь не поворачивал, а просто двигался вбок. Можешь повернуть голову и увидеть туннель?

Только если встану на ноги.

Не смей! Попробуй снова включить прожектор. Возможно, зрение уже восстановилось.

Я протянул руку к правой стороне шлема. Должно быть, задел выключатель – передо мной возник круг света, туманный по краям. Слева сквозь него просвечивал край дорожки.

Молодец! Нет, не вставай; ты ослаб, голова кружится, можешь упасть. Ползи. Считай шаги. Трехсот должно хватить.

Я пополз, считая шаги.

Далеко, Оскар. Думаешь, осилим?

Конечно осилим! По-твоему, мне хочется застрять тут?

Я составляю компанию.

Не болтай, сбиваешь со счета. Тридцать шесть... тридцать семь... тридцать восемь...

Так мы и ползли.

Вот и сотня. Начинаем вторую. Сто один... сто два... сто три...

Мне лучше, Оскар. Стало теплее.

ЧТО?!!

Я сказал, что согреваюсь.

*Ты не согреваешься, чертов идиот! Ты замерзаешь на-
смерть! Ползи быстрее! Нажимай на рычажок. Дыши глуб-
же. Я хочу щелчок услышать!*

*Я слишком вымотался, чтобы спорить; нажал три или че-
тыре раза и почувствовал дуновение воздуха на лице.*

*Живее. Теперь действительно теплей! Сто девять... сто
десять... сто одинна... сто двена... Соберись!*

На счете «двести» я сказал, что немного отдохну.

Не смей!

Мне нужно отдохнуть. Совсем чуточку.

*Нужно, значит? И чем это кончится? Что сделает Чи-
бис? Она ждет. И боится, потому что тебя нет слишком
долго. Что она сделает? Отвечай!*

Она... попробует надеть скафандр Тима.

*Верно! Как мы уже объясняли, в случае поступления оди-
наковых лозунгов выигрывает отправленный раньше. Дале-
ко она доберется? Ответь-ка.*

*Ну... наверное, до выхода из туннеля. Потом ее сдует
ветром.*

В самую точку. Вот и соберется вся семейка. Ты, я, Мам-

ми, Чибис. Идиллия. Семейное кладбище.

Но...

Так что шаркай, братец. Шарк... шарк... шарк... двести пять... двес-шес... двес-се...

Я не помню, как падал. Не помню даже ощущений от «снега». Помню только, как обрадовался, что досчитал до конца и теперь можно отдохнуть.

Но Оскар мне этого не позволил.

Кип! Кип! Очухайся! Вползай обратно на то... узкое и прямое.

Уйди.

И рад бы, да не могу. Тебе прямо. Хватайся за край и вползай. Осталось совсем немного.

Мне удалось поднять голову, и в свете фонаря, в двух футах над головой, я увидел край эстакады. Меня мотнуло назад.

Слишком высоко, – безжизненно прошептал я. – Оскар, кажется, это конец.

Он фыркнул.

Да ну? А кто недавно заставлял идти капризную, смертельно уставшую девчонку? Капитан Комета, да? Или как бишь его? Гроза Звездных Путей... Никчемный ленивый космический бродяга... «Есть скафандр – готов путешествовать!» Не дашь ли автограф, Капитан, перед тем как опочить? Впервые вижу натурального, живого космического пирата... угонщика кораблей и похитителя малень-

ких девочек.

Как тебе не стыдно!

Ладно, ладно, понимаю, я тебе надоел. Только напоследок: у нее в одном мизинчике больше силы духа, чем во всем твоём лживом, толстом, ленивом организме! Прощай, бесхребетная жаба. И не жди, я не вернусь.

Оскар! Не бросай меня!

Что? Ты просишь помощи?

Да!

Ну, если не дотягиваешься, возьми молоток и зацепись за край эстакады. И полезай.

Я моргнул. А что, может, и получится! Я пошарил вниз, понял, что нащупал молоток, хотя и не почувствовал этого, и отцепил его. Обеими руками закинул его за край эстакады над головой. И попробовал подтянуться.

Дурацкий молоток разбился, как и веревка. Инструментальная сталь разлетелась на куски, точно ком шлака.

Это меня взбесило. Я привел себя в сидячее положение, взгромоздил оба локтя на край, долго возился, рычал и потел от ярости – и наконец перекатился на эстакаду.

Вот молодец! Не надо считать, просто ползи к свету!

Отверстие туннеля тряслось и плясало, и я никак не мог отдышаться. Стукнул подбородком по рычажку – ничего не произошло.

Оскар! Рычаг заело!

Еще раз.

Оскар ответил не сразу.

Нет, дружище, не заело. Это замерзли воздушные шланги. Видимо, в последний раз баллоны заправили чересчур влажным воздухом.

Мне дышать нечем!

Оскар снова помолчал. Потом твердо ответил:

Есть чем. У тебя полный скафандр воздуха, на несколько оставшихся футов хватит.

Я не дойду.

Всего несколько футов. Там, впереди, Мамми. Не отставляйся.

Я поднял голову. В самом деле, она там была. Я пополз, а она становилась все больше и больше. Наконец я сказал:

Оскар... я больше не могу.

Боюсь, что так. Я тебя подвел... но спасибо, что не бросил меня там, снаружи.

Ты меня не подвел... ты парень что надо. Просто я не смог довести дело до конца.

Наверное, мы оба не смогли... но уж точно доказали, что сделали все возможное! Пока, партнер.

Пока. Hasta la vista, amigo!¹⁵

Я прополз еще чуть-чуть и замер, голова к голове с Мамми.

Она улыбалась.

Привет, сынок.

¹⁵ До свидания, друг! (исп.)

Я не... не смог, Мамми. Прости меня.

Что ты!.. Ты все сделал правильно!

Да?

И ты сделал, и я. Мы оба сделали.

Я очень долго размышлял об этом.

И Оскар.

И Оскар, конечно.

И Чибис.

Ну как же без Чибис. Мы справились. Теперь отдохни, милый.

Спокойной ночи... Мамми.

Отдых выдался чертовски коротким. Только я прикрыл глаза, наслаждаясь теплом, счастьем от ласковых слов Мамми, – как меня принялась трясти Чибис. Она прижалась к моему шлему:

– Кип! Кип! Вставай! Вставай, пожалуйста!

– Что? Почему?

– Потому что я не могу тебя тащить. Пыталась, не получается. Ты слишком тяжелый.

Я обдумал ее слова. Конечно, она не может меня тащить... А зачем взялась? Что за глупости? Я же в два раза больше ее. Это я ее понесу... Вот только отдышусь...

– Кип! Ну вставай же! – Она плакала навзрыд.

– Ладно, солнышко, – ласково сказал я. – Раз уж тебе так хочется.

Я попытался встать, это было ужасно трудно. Можно сказать, меня подняла Чибис. Когда я оказался на ногах, она поддержала, чтобы не шатался.

– Повернись. Иди.

Она почти волокла меня, взвалив на плечи мою правую руку. Когда мы добирались до очередной снесенной взрывом двери, Чибис или помогала мне перебраться через обломки, или просто переваливала, а потом снова поднимала.

Наконец мы достигли шлюза, и она открыла клапан, чтобы заполнить камеру воздухом с той стороны. Ей пришлось отпустить меня, и я свалился. Когда внутренняя дверь открылась, Чибис повернулась, что-то сказала и поспешно стянула с меня шлем.

Я сделал глубокий вдох, голова закружилась, в глазах потемнело.

Она внимательно рассматривала меня:

– Ты как, в порядке?

– Я? Конечно! А что?

– Давай помогу пройти внутрь.

Я не понял, зачем мне помогать, но она уже взялась за дело, и, оказалось, не зря. Чибис усадила меня на пол рядом с дверью, спиной к стене – я не хотел ложиться.

– Кип, ох и натерпелась же я страху!

– Почему? – Я не мог сообразить, отчего она так разволновалась.

Разве Мамми не сказала ей, что мы справились?

– Ну, потому что... не нужно было отпускать тебя наружу.

– Но ведь необходимо было установить маяк.

– И... ты установил?

– Конечно. Мамми обрадовалась.

– Я уверена, что она бы обрадовалась, – скорбно произнесла Чибис.

– Но она в самом деле обрадовалась.

– Хочешь снять скафандр? Тебе помочь?

– Хм... Нет, пока не стоит. Принеси попить.

– Сейчас!

Она вернулась с водой. Оказалось, вовсе не так уж и сильно хотелось пить. Меня мутило. Она всмотрелась и сказала:

– Не возражаешь, если я ненадолго уйду? Ты сейчас как?

– Да ничего. – Мне было плохо, болело все, что способно болеть, но тут она ничем не могла помочь.

– Скоро вернусь. – Чибис начала пристегивать шлем, и я с вялым любопытством отметил, что она в своем скафандре, – раньше почему-то казалось, что это скафандр Тима.

Чибис направилась к шлюзу, и я понял, что она затеяла. Хотел сказать ей, что Мамми лучше не приносить сюда, потому что здесь она будет... она будет... Даже мысленно я не смел произнести слово «разлагаться».

Но Чибис уже ушла.

Думаю, она отсутствовала минут пять, не больше. Я сидел с закрытыми глазами, в какой-то прострации. Заметил только, как открылась внутренняя дверь. Через порог пере-

шагнула девочка, неся в руках негнущуюся, точно полено, Мамми.

Чибис положила Мамми на пол, придав ей ту же позу, в какой я видел ее в последний раз, потом отстегнула шлем и заплакала.

Я не мог подняться. Ноги разламывались от боли. И руки тоже.

– Чибис... пожалуйста, солнышко, не надо. Это ведь не поможет.

Она подняла голову:

– Все. Больше не буду плакать.

И она больше не плакала.

Так мы сидели очень долго. Чибис опять предложила мне вылезти из скафандра, но, когда я с ее помощью попытался это сделать, стало так больно, особенно ногам и рукам, что я попросил ее прекратить. Она встревожилась:

– Кип... боюсь, что ты обморозился.

– Может быть. Но сейчас с этим ничего не поделаешь. – Я поморщился и сменил тему. – Где ты нашла свой скафандр?

– О-о-о!.. – На ее лице промелькнула злость, сменившаяся улыбкой. – Нипочем не угадаешь. Внутри скафандра Джока.

– Да уж. Прямо «Похищенное письмо»¹⁶.

– Что?

– Ничего. Не знал, что у старины Лилового было чувство

¹⁶ Рассказ Эдгара Аллана По.

юмора.

Вскоре после этого мы ощутили еще одно сотрясение, очень мощное – аж вздыбился пол. Будь там люстры, они бы задрожали. Чибис взвизгнула.

– Ох! Почти такой же силы, как последнее.

– Намного сильнее, пожалуй. То было совсем слабое.

– Нет, я имею в виду другое – когда ты был снаружи.

– А разве тогда трясло?

– Неужели не почувствовал?

– Нет. – Я напряг память. – Может, когда я свалился на «снег»?

– Ты падал на «снег»? Кип!

– Обошлось. Оскар меня выручил.

База снова содрогнулась. Все бы ничего, только тело опять взорвалось болью. Затуманенное сознание прояснилось настолько, что я спохватился: а ведь можно не мучиться.

Так... в аптечке справа таблетки, а кодеин чуть дальше...

– Чибис! Не принесешь еще воды?

– Конечно!

– Я хочу принять кодеин, но от него могу заснуть. Ты не возражаешь?

– Если сможешь, поспи. Сон тебе не повредит.

– Я тоже так думаю. Который час?

Когда она ответила, я не поверил.

– Хочешь сказать, прошло больше двенадцати часов?

– С какого времени?

– С начала всего этого.

– Не понимаю, Кип. – Она уставилась на часы. – Прошло ровно полтора часа с тех пор, как я тебя нашла, и почти два часа с того момента, как Мамми взорвала свои бомбы.

В это я тоже не мог поверить. Но Чибис настаивала на своей правоте.

От кодеина мне сильно полегчало, я уже начал задремывать, когда Чибис сказала:

– Кип, ты не чувствуешь запаха?

Я принялся:

– Похоже на спички.

– Вот именно. И давление вроде падает. Кип... наверное, лучше закрыть твой шлем – раз ты собираешься спать.

– Хорошо. Ты свой тоже закроешь?

– Да. Похоже, этот отсек не герметичный.

– Похоже.

После всех этих взрывов и землетрясений отсек и не мог остаться герметичным. Но я настолько выдохся и вдобавок сомлел от кодеина, что даже не обеспокоился. Сейчас или через месяц – какая разница? Сказала же Мамми, что все нормально.

Чибис застегнула меня, себя, мы проверили радио, и она уселась лицом ко мне и Мамми. Девочка долго молчала. Потом я услышал:

– «Чибис» вызывает «Майского жука»...

– Слышу тебя, «Чибис».

– Кип? Все-таки было здорово, в основном, в главном. Правда?

– Что? – Я взглянул вверх, шкала показывала, что воздуха у меня на четыре часа. Следовало вдвое снизить давление, чтобы уравнивать его с упавшим давлением в отсеке. – Да, Чибис, было классно. Я бы ни с кем не поменялся местами.

Она вздохнула:

– Хотела убедиться, что ты не винишь меня. Спи.

Я уже засыпал, когда Чибис вскочила и мои наушники ожили.

– Кип! За дверью!

Я понял, что это означает, и сон отлетел. Почему они не могут оставить нас в покое? Хотя бы на несколько часов?

– Чибис, без паники. Отойди за дверь. Штуковина, что светит голубым, у тебя?

– Да.

– Попробуют сунуться – пали.

– Отодвинься, Кип, ты как раз у них на пути!

– Не могу подняться. – Я и шевельнуть руками не мог. – Стреляй на небольшой мощности, если и заденешь меня, не страшно. Делай, что говорю! Скорее!

– Да, Кип. – Она встала так, чтобы стрелять сбоку, подняла излучатель.

Внутренняя дверь открылась, появился силуэт. Я увидел, что Чибис опускает палец на кнопку, и заорал по рации:

– Не стреляй!

Но она уже бросила оружие и рванулась вперед.

Это были соплеменники Мамми.

Только вшестером они смогли поднять меня, Мамми несли двое. Все время, пока снаряжали носилки, они пели мне утешительные слова. Перед тем как за меня взялись, я проглотил еще одну таблетку кодеина, потому что даже при их нежном обращении каждое движение отзывалось болью.

Несли нас недолго – корабль приземлился у самого входа в туннель, разрушив при этом, как я и надеялся, проклятую эстакаду.

Как только мы оказались в безопасности, Чибис сняла с меня шлем и расстегнула на груди скафандр.

– Кип! Ну разве они не чудесные?

– Да. – От таблетки кружилась голова, но стало легче. – Когда отправляемся?

– Уже летим.

– Нас отвезут домой?

Обязательно скажу мистеру Чартону, что кодеин очень помог.

– Что? Нет-нет! Мы летим на Вегу.

Я потерял сознание.

Глава 9

Мне снилось, что я дома.

Услышав мелодию, я встрепенулся.

– Мамми!

Доброе утро, сынок. Счастлива, что ты поправляешься.

– Я хорошо себя чувствую. Отлично выспался... – Я устал на нее. – Ты же умерла!

Брякнул – и сразу пожалел об этом.

Ее ответ прозвучал тепло, с мягким юмором. Так поправляют промашку ребенка.

Нет, милый, я просто замерзла. Я не такая хрупкая, как тебе, наверное, показалось.

Я проморгался и снова посмотрел на нее.

– Так это был не сон?

Нет, это был не сон.

– Мне казалось, что я дома и... – Я попытался сесть, но смог только поднять голову. – Но я дома!

Это моя комната! Слева комод, за спиной Мамми – дверь в прихожую, справа стол, на нем стопки книг, над ним – вымпел Сентервиллской школы. Над столом окно, за окном старый вяз – на ветру шелестит испятнанная солнцем листва.

Логарифмическая линейка лежала там, где я ее оставил.

В голове был туман, но внезапно я понял. Все действительно произошло на самом деле, мне приснился только ду-

рацкий конец. Несомненно, этот «полет на Вегу» – результат действия кодеина.

– Вы привезли меня домой?

Мы привезли тебя домой... Это твой второй дом. Мой дом.

Кровать затряслась. Я вцепился в нее, руки не слушались. Мамми все пела:

Тебе нельзя без твоего гнездышка. Мы свили его.

– Мамми, я ничего не понимаю.

Мы знаем, что птицу лечит ее гнездо. Вот и построили его для тебя.

В ее речи не было слов «птица» и «гнездо», но Большой толковый словарь более близких значений не дает.

Я глубоко вздохнул, чтобы собраться с мыслями. Я понял Мамми. Что-что, а доходчиво объяснять она умела. Комната не моя, я не дома – просто сделано очень похоже. Но я все никак не мог прийти в себя.

Я огляделся и диву дался: как же можно было ошибиться?

Свет из окна падает не в ту сторону. На потолке нет заплатки, которая появилась, когда я делал тайник на чердаке и под молотком отвалилась штукатурка. Не там лежат тени.

Книги чистенькие, как нераспечатанные коробки с конфетами. И корешки не узнать.

В общем, близко, только детали не совпадают.

Мне нравится эта комната, пропела Мамми. Она похожа на тебя, Кип.

– Мамми, – спросил я слабым голосом, – как вы это сделали?

Мы спрашивали тебя. И Чибис помогла.

Но ведь Чибис никогда не бывала в моей комнате! Впрочем, она видела достаточно американских домов, чтобы стать на Веге консультантом-экспертом.

– Чибис здесь?

Она сейчас придет.

Если рядом Чибис и Мамми, все будет хорошо. Вот только...

– Мамми, я не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Она положила крошечную теплую ладонь мне на лоб и наклонилась так, что я мог видеть лишь ее огромные, как у лемура, глаза.

Ты их повредил. Но теперь поправляешься, не волнуйся.

Если Мамми советует не волноваться, значит и впрямь нет причин вставать на уши. Эти глаза никогда не лгут. Зато в них можно окунуться, можно нырять и плавать кругами.

– Хорошо, Мамми. – Я вспомнил кое-что. – Ты же... замерзла. Это правда?

Да.

– Но... известно же, что вода, замерзая, разрывает живые клетки.

Мой организм, с гордостью ответила она, никогда такого не допустит.

– Ага... – Я поразмыслил над услышанным. – Только ме-

ня, пожалуйста, не купайте в жидком воздухе. Мой организм для этого не годится.

И вновь Мамми ответила с шаловливым, снисходительным смешком:

Постараемся не повредить тебе. Она выпрямилась и закачалась, как ивовый прут. *Чувствую, идет Чибис.*

В дверь постучали – еще одно несоответствие: не так должны звучать удары по легкой двери в межкомнатной перегородке. Раздался голос Чибис:

– Можно?

Девочка не дождалась ответа – я бы удивился, случись наоборот. То, что я успел увидеть за дверью, выглядело в точности как у нас дома. Они потрудились на славу.

Входи, милая.

– Давай-давай, Чибис. Тем более что ты уже вошла.

– Не цепляйся.

– Уж кто бы говорил. Привет, детка.

– Сам детка.

Мамми пошла к двери.

Не задерживайся, Чибис. Не надо его утомлять.

– Не буду, Мамми.

Пока, милые.

– Когда в этом лазарете часы посещений?

– Когда она разрешит, разумеется. – Чибис стояла напротив, уперев кулаки в бока. Впервые я ее увидел по-настоящему чистой: отмытые розовые щечки, пушистые волосы; лет

через десять, глядишь, станет симпатичной. Одета она была как всегда, только шмотки отстираны, все пуговицы на месте, прорехи аккуратно зашиты.

– Н-да, – сказала она наконец, озабоченно вздохнув. – Наверное, тебя еще штопать и штопать.

– Меня? Да я в полном порядке! А ты как?

Она постучала по кончику носа:

– Морозом чуть-чуть прихватило. Ерунда. А вот ты выглядел неважно.

– Неважно – это как?

– Сказала бы я, да мама говорит, что леди так не выражаются.

– Ладно, молчи тогда.

– Не язви, у тебя плохо получается.

– Может, разрешишь на тебе попрактиковаться?

Она хотела отбрызнуть меня в своей привычной манере, но передумала, а потом вдруг улыбнулась и придвинулась. Я испугался, что она меня поцелует, но она только похлопала по одеялу и торжественно произнесла:

– Пожалуйся, можешь быть язвой, жадиной, капризулей, можешь ругать меня, можешь все, что угодно, и я даже не пикну. Не сомневаюсь, что ты можешь перечить даже Мамми.

Не представляю, чтобы мне этого захотелось.

– А ты не похожа на себя, Чибис. Уже нимб проглядывает.

– Он бы давно появился, если бы не ты. Хотя нет, я бы,

наверное, провалилась на экзаменах для нимбоносцев.

– Думаешь? А мне вспоминается кое-кто примерно твоего роста, притащивший меня на базу чуть ли не на закорках. Как насчет этого?

Она хмыкнула:

– Ерунда. Главное, ты установил маяк...

– Ладно, давай каждый останется при своем мнении. Холодноовато было снаружи. – Я сменил тему, которая смущала обоих.

Заикнувшись о маяке, девочка кое о чем мне напомнила.

– Чибис, где мы?

– А? У Мамми дома, конечно. – Она огляделась и сказала: – Ой, Кип, я забыла, на самом деле это не твоя...

– Знаю, – перебил я. – Подделка. Сразу видно.

– Разве? – Она расстроилась. – А я думала, мы отлично все устроили.

– Вы все замечательно устроили. Не понимаю, как вам это удалось.

– У тебя замечательная память. Прямо-таки фотографическая.

«И язык без костей», – добавил я про себя. Интересно, что еще я выболтал, пока валялся без сознания? И Чибис все слышала. Но не спрашивать же об этом. У человека должны оставаться хоть какие-то секреты.

– И все-таки это подделка, – продолжал я. – Что мы дома у Мамми, я теперь знаю. Но где этот дом?

– Ой! – Она посмотрела на меня круглыми глазами. – Но я же тебе говорила. Может, не помнишь – ты уже засыпал.

– Припоминаю кое-что, – сказал я медленно, – но до меня не доходит смысл. Кажется, ты сказала, что мы летим на Вегу.

– Вроде она значится в каталогах как Вега-пять. Сами они называют ее... – Чибис откинула голову и выдала трель; правда, это больше походило на партию Золотого петушка из оперы Римского-Корсакова. – Но так я еще не умела, поэтому сказала «Вега», смысл примерно тот же.

Я снова попытался сесть и не смог.

– И вот так, стоя передо мной, ты говоришь, что мы на Веге? Точнее, на какой-то планете Веги?

– Ну, ты же не предложил мне сесть.

Этот чибисизм я пропустил мимо ушей. Взглянул на окно, из которого лился солнечный свет.

– Вега светит?

– Что ты, это искусственное освещение. Если бы они оставили настоящий свет Веги, тут все выглядело бы как... как в сиянии электрической дуги. Ты же знаешь, Вега расположена очень высоко на диаграмме Герцшпрунга – Рассела.

– А-а-а... Ну да.

Вот уж чего никогда не знал, так это спектрального класса Веги. Как-то не думал, что мне это понадобится.

– Кстати! Будь осторожен, Кип, когда начнешь ходить. Тут за десять секунд можно загореть, как в Ки-Уэсте за всю зиму,

а через десять минут от тебя останутся только угли.

Определенно у меня талант попадать в места с тяжелым климатом. К какому спектральному классу относится Вега? К «А»? Нет, скорее к «В»? Я знал, что она большая и яркая, больше Солнца, и расположена в созвездии Лиры.

Но как, прости Эйнштейн, мы сюда попали?

– Чибис? А до Веги далеко? То есть я хотел сказать, далеко ли до Солнца? Ты не знаешь, случайно?

– Случайно знаю, – ответила она обиженно. – Двадцать семь световых лет.

Громадные галопирующие гориллы!

– Чибис, возьми со стола логарифмическую линейку. Умешь с ней обращаться? У меня руки не слушаются.

Девочка замялась:

– Зачем она тебе?

– Хочу сосчитать, сколько это будет в милях.

– Да я сама сосчитаю, без линейки.

– Но с ней быстрее и надежнее. Вот что, если не умеешь ею пользоваться, не стесняйся, в твоём возрасте я тоже не умел. Я тебя научу.

– Да умею я! – вспыхнула она. – Думаешь, я дура? Но лучше так посчитаю. – Она беззвучно зашевелила губами. – Сто пятьдесят девять триллионов миль.

Совсем недавно я считал расстояние до Проксимы Центавра. Вспомнил, сколько миль в световом году, и прикинул на глазок: шесть на двадцать пять – сто пятьдесят... А где

там десятичная запятая?

– Вроде бы верно.

Сто пятьдесят девять триллионов! Столько нулей... даже неуютно.

– Еще бы не верно! – отрезала она. – Я никогда не ошибаюсь.

– Господи! Прямо карманная энциклопедия!

Она потупилась:

– Не могу же я не быть гениальной, если такой родилась.

Чибиc сама подставилась, и я уже хотел от души отыграть-
ся, но тут увидел, какой у нее несчастный вид.

Я вспомнил папины слова: «Некоторые уверяют, что лучше быть средним, чем лучшим. Такие люди с удовольствием обрежут крылья другим, потому что сами их лишены. Они презирают ум, поскольку сами им не обладают». Тьфу ты!

– Извини, Чибиc, – тихо сказал я. – Я понимаю, есть вещи, которые от нас не зависят. Ты маленькая, я большой. Ты гениальная, а мне таким не стать...

Она успокоилась и приняла серьезный вид.

– Кажется, опять захотела порисоваться, – произнесла она, крутя пуговицу. – Или решила, что ты понимаешь меня – как папа.

– Польщен. Вряд ли я тебя понимал, но отныне буду стараться.

Она продолжала теребить свою пуговицу.

– Ты и сам довольно умный, Кип. Наверняка ведь догады-

ваешься.

Я ухмыльнулся:

– Будь я умным, разве очутился бы здесь? Слушай, солнышко, давай все-таки проверим на логарифмической линейке твои выкладки. Мне правда интересно.

Двадцать семь световых лет – отсюда Солнца не увидишь. Ведь наша родная звезда совсем невелика.

Чибис вновь замялась:

– Кип, линейка не годится.

– Что? Да это лучшая линейка из тех, что можно купить за деньги...

– Кип, погоди! Это не линейка. Это кусок стола.

– Хм? – Я смутился. – Я и забыл. А коридор за дверью – длинный?

– Там только часть его, то, что ты видишь отсюда. Кип, мы бы сделали линейку настоящей, было бы время. Они тоже разбираются в логарифмах. Еще как разбираются!

Вот это меня и беспокоило – «было бы время».

– Чибис, а сколько времени мы сюда летели?

Двадцать семь световых лет! Пусть даже со скоростью света. Для меня-то, по Эйнштейну, они протекли незаметно – но не для Сентервилла. Папа мог уже умереть! Папа старше мамы, он мне, в общем-то, в дедушки годится. Еще двадцать семь лет обратно – да ему за сотню перевалит! Даже мама вряд ли доживет.

– Сколько времени? Да нисколько.

– Нет-нет. Я знаю, этого не почувствуешь. Ты ничуть не повзрослела, я все так же лежу обмороженный. И тем не менее путь занял по крайней мере двадцать семь лет.

– Кип, ты о чем?

– О релятивистских уравнениях, разумеется. Слыхала про теорию относительности?

– Ах, это! Конечно. Но здесь она неприменима. Такие полеты не занимают времени. Ну, минут пятнадцать на выход из атмосферы Плутона, потом примерно столько же на посадку здесь. А остальное – тьфу! Ноль.

– Но на световой скорости так не получится.

– Нет, Кип. – Она нахмурилась, потом ее лицо просветлело. – Сколько времени прошло с того момента, как ты поставил маяк, и до того, как нас спасли?

– Хм... – Это меня воскресило. Папа не умер! У мамы даже седые волосы не появятся. – Около часа.

– Чуть больше. Если бы корабль стоял наготове, было бы меньше... Тогда, наверное, в туннеле тебя нашли бы они, а не я. Сообщение добралось мгновенно. Полчаса готовили корабль. Мамми была в бешенстве. Никогда бы не подумала, что она на такое способна. Корабль-то должен быть постоянно готов к старту.

– И стартовать, как только ей понадобится?

– Совершенно верно. Мамми важная птица. Еще полчаса на маневры в атмосфере – и все. В реальном времени. Никаких фокусов с теорией относительности.

Я попытался привыкнуть к этой мысли. За час они покрывают двадцать семь световых лет – и еще получают нагоняй за потерянное время. Этак соседи по кладбищу дадут доктору Эйнштейну прозвище Пропеллер за вращение в гробу!

– Но как такое может быть?

– Кип, ты знаешь геометрию? Не евклидову, конечно, а настоящую.

– Мм... Баловался с открытыми и замкнутыми искривленными пространствами, прочел популярные книги доктора Белла. Но знатоком себя, пожалуй, не назову.

– Ну, по крайней мере, ты не станешь цепляться за идею, что прямая – кратчайший путь между точками. – Она сделала движение, будто обеими руками выжимала грейпфрут. – Потому что это не так. Кип, все соприкасается. Вселенную можно засунуть в ведро. Можно и в наперсток, если сложить ее так, чтобы совпадали конфигурации атомов.

Я увидел головокружительную картинку, на которой Вселенная умещалась в чайной чашке. Теснились, упаковывались, протоны и электроны – и переставали быть теми зыбкими математическими призраками, которыми, говорят, являются даже атомы урана. Получалось что-то вроде «первичного атома», которым иные космогонисты объясняли расширение Вселенной. А может, она и то и другое – и упакованная, и расширяющаяся? Как парадокс «волны и частицы». Волна – это не частица, а частица – не волна, однако все на свете представляет собой и то и другое. Если вы в это верите,

поверите во все, что угодно, а если нет, то и не пытайтесь. Даже в самих себя поверить не пробуйте, потому что и вы одновременно состоите из волн и частиц.

– Сколько измерений? – пролепетал я.

– А сколько дашь?

– Я? Ну, может, двадцать. К четырем основным по четыре дополнительных, чтобы по углам не жало.

– С двадцати все только начинается. Я не знаю, Кип; оказалось, и я в геометрии не сильна. Только думала, что сильна. Так что я их принялась трясти.

– Мамми?

– Да что ты, нет! Она тоже не знает геометрии. Необходимый минимум, чтобы провести корабль сквозь складки пространства.

– Только-то?

Мне нужно было остановиться на разрисовывании ногтей, зря я позволил папе соблазнить меня дальнейшим образованием. Этому несть конца – чем больше узнаешь, тем больше нужно узнавать.

– Чибис, ты ведь знала, для чего этот маяк?

– Я? – Она невинно потупилась. – Ну да.

– Ты знала, что мы полетим на Вегу.

– Ну... если бы маяк сработал. Если бы мы его вовремя включили.

– Так вот, главный вопрос. Почему молчала?

– Ну... – Чибис явно вознамерилась совсем оторвать пу-

говлицу. – Я не знала, хорошо ли у тебя с математикой... мм... боялась, что ты начнешь задаваться – «старшим лучше знать» и все такое. Ведь ты бы мне не поверил?

– Я говорил Орвиллу, я говорил Уилбуру, а теперь я говорю тебе: эта штука никогда не сможет взлететь. Может, и не поверил бы, Чибис. Но в следующий раз, когда у тебя появится искушение промолчать «для моего же блага», вспомни, что я не цепляюсь за свое невежество. Знаю, что я не гений, но все же попробую шевелить мозгами – и, возможно, даже окажусь в чем-то полезным, если буду в курсе твоего замысла. Оставь в покое пуговицу.

Она поспешно выпустила ее.

– Да, Кип. Я запомню.

– Спасибо. Еще одно. Мне крепко досталось?

– Хм! Еще как!

– Ладно... У них есть эти... хм... корабли для складок, которые летают мгновенно. Почему же ты не попросила их подбросить меня до дому и запихнуть в больницу?

Она была в нерешительности.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хм... Прекрасно чувствую. Только мне, похоже, сделали блокаду позвоночника или что-то в этом роде.

– Что-то в этом роде, – согласилась она. – Есть ощущение, что выздоравливаешь?

– Черт побери, я просто здоров!

– Нет. Но ты выздоровеешь. – Она внимательно посмот-

рела на меня. – Сказать тебе как есть, Кип?

– Валяй!

– Если бы тебя доставили на Землю, в самую наилучшую больницу, ты был бы «безнадежным случаем». Понял? Ни рук, ни ног. А здесь ты совершенно поправишься. Никаких ампутаций, ни мизинчика.

К чему-то подобному Мамми меня уже подготовила. Я лишь спросил:

– Ты уверена?

– Уверена. И в том и в другом. Ты поправишься. – Вдруг ее лицо скривилось. – Ну и видок у тебя был! Мне теперь кошмары снятся.

– Зачем тебе позволили смотреть на меня?

– Да просто не могли запретить. Я ведь твоя ближайшая родственница.

– Надо же! И кем назвалась, сестрой или племянницей?

– Чего? Да я и есть твоя ближайшая родственница.

Я чуть было не сказал, чтобы не придуривалась, но вовремя прикусил язык. Мы единственные представители рода человеческого в радиусе ста шестидесяти триллионов миль. Как всегда, Чибис была права.

– Так что пришлось давать им разрешение, – продолжала она.

– На что? Что они со мной делали?

– Ну, сначала сунули тебя в жидкий гелий. Продержали там целый месяц, а я была вместо морской свинки. Потом,

три дня назад – три наших дня, – дали тебе оттаять и приступили к восстановительным процедурам. С тех пор тыправляешься.

– А сейчас в каком я состоянии?

– Ну... ты снова отрастаешь. Регенерируешь. Кип, это не кровать. Просто так выглядит.

– А что же это?

– У нас нет подходящего термина, а их слово я не смогу произнести – слишком высокие звуки. Но все, начиная отсюда, – она похлопала по простыне, – и донизу, целая комната под тобой, – все это тебя лечит. Ты весь в проводах, как сцена на рок-концерте.

– Хотелось бы посмотреть.

– Боюсь, что нельзя. Ты еще не знаешь всего, Кип. Им пришлось срезать с тебя скафандр.

Это меня ужалило в сердце сильнее, чем известие о моем плачевном состоянии.

– Что? Оскара! Его разрезали? Я имею в виду мой скафандр.

– Я знаю, что ты имеешь в виду. В бреду ты постоянно обращался к Оскару, да еще и отвечал вместо него. Иногда кажется, что ты шизик, Кип.

– Ты спутала, малявка, – это раздвоение личности. А ты, кстати, параноик.

– Да это мне сто лет известно. Но я хорошо адаптировалась. Не желаешь ли повидать Оскара? Мамми сказала, ты

захочешь, чтобы он был рядом. – Она открыла шкаф.

– Погоди! Ты же сказала, что его разрезали!

– И починили. Как новенький, даже лучше.

Время, милая! Помни, что я тебе говорила.

– Иду, Мамми! Пока, Кип. Я скоро вернусь. Буду очень часто тебя навещать.

– Ладно. Оставь шкаф открытым, чтобы я мог видеть Оскара.

Чибис навещала, но не «очень часто». Я не обижался, во всяком случае не сильно. Ее окружали тысячи «познавательных» вещей, в тысячи мест она могла сунуть свой любопытный нос, и все такое новое и интересное – она была увлечена почище щенка, жующего тапку. У наших хозяев от нее голова шла кругом.

Но и я не скучал. Я поправлялся, а это работа серьезная, скучать не приходится. При условии, что вы счастливы, – а я был счастлив.

Мамми я тоже видел редко. Было понятно, что она очень занята, хоть и являлась на мой зов не позже чем через час и никогда не спешила уйти.

Она не была ни сиделкой, ни врачом. За мной ухаживал целый штат врачей, ловивших каждый удар моего сердца. Если я не звал (шепот слышали не хуже крика), они не появлялись, но вскоре я понял, что комната нашпигована микрофонами и телеметрией, как корабль на испытаниях. Кро-

вать оказалась устройством, по сравнению с которым наши «искусственное сердце», «искусственные легкие» и «искусственные почки» – как детская коляска рядом со сверхзвуковым почтовым «локхидом».

Этого устройства я так и не увидел (веганцы не поднимали простыню, разве что когда я спал), но знаю, что оно делало. Заставляло тело самоисцеляться – не зарубцовывать, а восстанавливать. На такое способна любая устрица, а морская звезда делает это так ловко, что можно разрубить ее на кусочки и получить тысячу новеньких морских звезд.

Не только у устриц и морских звезд – у любого животного каждая клетка содержит полный набор генов. Но мы несколько миллионов лет назад утратили это свойство. Известно, что наука пытается воссоздать его; вам, может быть, попадались статьи – оптимистические в «Ридерс дайджест», разочаровывающие в «Сайентифик мансли», совсем дурацкие в журналах, «научные редакторы» которых, похоже, набили руку на сценариях фильмов ужасов. Но работа идет. Возможно, когда-нибудь травмированные в катастрофах перестанут погибать – разве что от кровопотери по дороге в больницу.

Вроде бы мне представилась прекрасная возможность узнать про регенерацию все – но не вышло.

Я пытался. Хоть сами процедуры и не беспокоили меня (Мамми велела не волноваться и каждый раз, когда навещала, повторяла внушение, глядя в глаза), все же мне, как и Чи-

бис, хотелось во всем разобраться.

Возьмите дикаря из глухих джунглей, где никогда не слышали выражения «рассрочка платежа». Пусть у него будет коэффициент интеллекта 190 и бес любопытства, как у Чибис. Отправьте его в Брукхейвенскую национальную лабораторию. Много ли он там поймет? Даже если ему окажут всю возможную помощь?

Он узнает, какие коридоры куда ведут и что пурпурный трилистник означает опасность.

И все. Не потому, что умом не вышел, – мы же условились, что он супергений. Просто надо будет проучиться лет двадцать, чтобы задавать нужные вопросы и воспринимать ответы.

Я задавал вопросы, всегда получал ответы, пытался их понять. То, что я понял, не стоит переносить на бумагу; это такой же сумбур, как дикарское описание атомного реактора. В радиоделе есть термин «шум» – когда уровень звука превышает некий предел, информация передаваться не может. Все, что я получал, было «шумом».

Причем какая-то часть – в буквальном смысле. Я задавал вопрос, кто-нибудь из врачей отвечал. Что-то я понимал, но, когда дело доходило до главного, я слышал только трели. Даже если переводила Мамми, удавалось воспринять лишь немного; прочее звучало как бодрая песенка канарейки.

Держитесь за стулья: я буду объяснять то, чего сам не понимаю. Как мне и Чибис удавалось общаться с Мамми, пусть

ее рот и не выговаривал английских звуков. Мы не могли петь, как она, и не знали ее языка. Веганцы... Пусть для простоты они будут веганцами, хотя тогда нас бы следовало называть «солярианцы»; их самоназвание звучит как китайские колокольчики на ветру. У Мамми тоже есть собственное имя, вот только я не колоратурное сопрано. Чибис пыталась его произносить, когда подлизывалась, — черта с два ей это помогало. У веганцев удивительный талант понимать вас словно изнутри. Вряд ли это телепатия, иначе я не делал бы столько промашек. Давайте считать это эмпатией.

В этой способности они различались; так каждый из нас может освоить автовождение, но не каждому дано стать гонщиком. Мамми чувствовала меня так же, как Гьомар Новаиш — свое пианино. Однажды я читал об актрисе, которая говорила по-итальянски столь выразительно, что ее понимали даже не знавшие итальянского. Ее звали Дуче¹⁷. Нет, «дуче» — это диктатор. Что-то в этом роде. Должно быть, у нее был тот же талант.

Первое, что я услышал от Мамми, — «привет», «пока», «спасибо», «куда идем?». Простые понятия; так можно и с бродячей собакой объясниться. Позже я начал понимать ее речь именно как речь. Она же запоминала значения английских слов еще быстрее; у нее была бездонная память, и в плену они с Чибис говорили целыми днями.

Но это легко для фраз вроде «добро пожаловать», «я голо-

¹⁷ Актрису звали Элеонора Дузе.

ден», «надо поторопиться»; куда сложнее с понятиями «гетеродин» и «аминокислота», даже если собеседники разбираются в подобных вещах. Когда же одна из сторон не понимает даже сути разговора, общение невозможно. Так было у меня с моими ветеринарами. Даже если бы мы говорили по-английски, я бы их все равно не понял.

Радиостанция не получит отклика, если нет другой станции, работающей на той же волне. Я работал на другой волне.

И все же я понимал веганцев, когда разговор шел о вещах не слишком сложных.

Это были милые существа; разговорчивые, смешливые, друг к другу доброжелательные. Различал я их с трудом, кроме Мамми. Я узнал, что и мы с Чибис для них отличались лишь тем, что я болел, а она нет. Они же легко различали друг друга, их разговоры были пересыпаны музыкальными именами; в конце концов, казалось, что звучит «Петя и Волк» или опера Вагнера. Даже для меня у них была специальная мелодия. Их язык звучал бодро и весело, как голоса ясной летней зари.

В следующий раз, услышав канарейку, я пойму, о чем она поет, даже если она сама этого не знает.

Кое-что мне рассказывала Чибис. Больничная койка – не лучшее место для изучения планеты. Гравитация Веги-5 довольно близка к земной, есть кислород, двуокись углерода и вода. Мы бы не смогли здесь жить – не только из-за убийственного «солнечного» ультрафиолета, но и из-за чрезмер-

ной концентрации озона. Чутьочка озона стимулирует, но избыток не полезней синильной кислоты. Было и еще что-то, кажется закись азота, в больших количествах тоже гадость. В моей палате воздух кондиционировался; веганцы могли им дышать, но считали его безвкусным.

Кое-что выяснилось, когда Мамми попросила меня надиктовать, как я вляпался в эту историю. Потом она попросила надиктовать все, что я знаю о Земле, о нашем прошлом, о том, как мы живем. Это была задачка... Я с тех пор не диктовал, потому что вдруг обнаружил: мои знания оставляют желать лучшего. Взять Древний Вавилон, – кажется, он как-то связан с Древним Египтом? О многом я имел лишь смутное представление.

Может, Чибис справилась бы лучше, она ведь помнит все услышанное или прочитанное – прямо как мой папа. Но веганцам, наверное, не удавалось надолго удержать ее на одном месте, а я был прикован к постели. Мамми дала это задание, исходя из тех же соображений, которые побуждают нас изучать австралийских аборигенов, а также ей хотелось получить образец нашего языка. Была и еще одна причина.

Работа оказалась нелегкой, но ко мне приставили помощника – он сразу останавливался, когда я выдыхался. Назовем этого яйцеголового профессором Джозефом. «Профессор» примерно соответствует званию этого веганца, а имя его не произнесешь. Я звал его Джо, а он высвистывал мелодию, которая означала: «Клиффорд Рассел, обмороженный

монстр». Талант понимания у Джо был почти как у Мамми. И все же как объяснить, что такое «тарифы» и «короли», представителю народа, который никогда не имел ни того ни другого? Английские слова звучали для него просто шумом.

Однако Джо знал историю обитателей множества планет и мог показывать цветные картинки, в которых я находил нужные аналогии. Дело спорилось, я диктовал серебристому шарiku, плавающему у моего рта, а Джо, как кот, сворачивался клубочком на платформе вровень с моей кроватью и произносил конспекты моих лекций в другой микрофон, устроенный таким образом, что я не слышал ничего, пока профессор не обращался ко мне.

Потом мы спотыкались. Джо показывал мне картинку, как ему казалось, отображающую то, о чем я говорил. Она возникала в воздухе, рассматривать ее было удобно; если я поворачивал голову, картинка смещалась. Это было цветное движущееся стереоизображение, живое и четкое, – что ж, через каких-нибудь двадцать лет и мы этому научимся. Забавно, что образы возникали прямо в воздухе, без видимого проектора, – но это лишь эффект стереооптики; мы уже способны втиснуть реальный вид Большого каньона в аппаратик, помещающийся на ладони.

А вот что действительно впечатлило меня, так это закулисная сторона всего происходящего. Я задал Джо вопрос, он напел что-то своему микрофону, и мы промчались по тамошней «Библиотеке Конгресса».

Папа утверждает, что библиотечное дело – основа всех наук, так же как математика – ключ к ним, и что мы либо выживем, либо загнемся, в зависимости от того, насколько хорошо библиотекари справляются со своей работой. Профессия библиотекаря не казалась мне такой уж сногшибательной, но, возможно, папа говорил о не совсем очевидной истине.

В этой «библиотеке» сотни, а может, и тысячи веганцев просматривали изображения, слушали звукозаписи, и перед каждым висел серебристый шарик. Джо сказал, что они «записывают память». Это было что-то вроде заполнения карточек для библиотечного каталога, только в результате получалось нечто, больше напоминавшее нейронную цепочку памяти. Девять десятых этого здания занимал электронный мозг.

Я заметил треугольное украшение, как у Мамми, но картинка быстро сменилась. Джо тоже носил такой знак (в отличие от других веганцев), но я не удосужился спросить, что это означает, потому что виды невероятной «библиотеки» увели нас к разговору о кибернетике. Позже я решил, что треугольник – что-то вроде значка масонской ложи или ключика Фи-Бета-Каппа¹⁸. Мамми была необыкновенно умна даже по веганским меркам, и Джо не намного от нее отставал.

Каждый раз, когда Джо был уверен, что понимает какое-нибудь английское слово, он потягивался от удоволь-

¹⁸ Символ одного из самых престижных студенческих братств.

ствия, как щенка, которого почесали за ухом. Он полон достоинства, но такой жест не считается невоспитанностью у веганцев. Они улыбаются и хмурятся всем телом – настолько это тело пластичное и подвижное. Если веганец неподвижен, он либо недоволен, либо чрезвычайно обеспокоен.

Занятия с Джо позволили мне, не вставая с кровати, узнать многое. Картинки показали, чем отличается «начальная школа» от «университета». В «детском саду» я увидел веганца, увешанного малышами; они барахтались, как щенки колли, пробирающиеся к миске с молоком по головам своих сестренек и братишек. А вот «университет» оказался местом, полным тихой прелести; диковинные деревья, травы и кустарники росли вокруг очаровательных зданий сюрреалистической архитектуры, ни на что не похожей; впрочем, я изумился бы, увидев нечто знакомое. Линии в большинстве плавные, а в «прямых» угадывалось то неповторимое сочетание, которое греки называли «энтазис» – изящество и сила.

Напоследок Джо пришел ко мне, сияя от удовольствия. Он принес еще один серебристый шар, крупнее прежних. Разместил его передо мной и пропел своему шару:

Послушай это, Кип!

Тут же большой шар проговорил по-английски:

– Послушай это, Кип!

Извиваясь от восторга, Джо поменял шары и попросил меня сказать что-нибудь.

– Что же тебе сказать? – спросил я.

Что же тебе сказать? – повторил большой шар по-вегански.

Это был мой последний урок с профессором Джо.

Несмотря на ненавязчивую помощь, несмотря на потрясающую восприимчивость Мамми, я был похож на доблестного ветерана в Вест-Пойнте – принятого с почетом, но совершенно не подготовленного к усвоению курса. Я так и не разобрался в веганской системе власти. Да, у них было правительство, но не похожее ни на одно из известных мне. Джо имел представление о демократии, представительстве, голосовании и судопроизводстве; он мог выудить немало примеров с разных планет. Он считал, что демократия «хорошая система для начинающих». Это звучало бы высокомерно, будь веганцам свойственно высокомерие.

Я никогда не встречал их детей. Джо объяснил, что пока дети не научились пониманию и симпатии, им не следует встречаться со «странными существами». Я мог бы обидеться на это, если бы сам еще не усвоил азы «симпатии и понимания». В самом деле, если десятилетний землянин увидит веганца, он либо убежит, либо примется тыкать в него палкой.

Я попытался узнать об их правительстве у Мамми, спрашивал о том, как они поддерживают гражданский порядок, соблюдают законы, наказывают за преступления и наруше-

ния правил дорожного движения.

И почти ничего не добился. Она долго размышляла, потом спросила: «Как же можно идти против собственной натуры?»

Думаю, величайший недостаток веганца – полное отсутствие недостатков. Это ведь может и раздражать.

Медики заинтересовались лекарствами, найденными в шлеме Оскара, – так мы интересуемся травами лекаря-колдуна. Правда, этот интерес не совсем праздный; вспомните о наперстянке и кураре.

Я рассказал им, каково действие каждого лекарства; в большинстве случаев наряду с коммерческим названием я помнил его химический состав. Мне было известно, что кодеин получают из опиума, а опиум из мака и что декседрин – сульфат чего-то, но на этом мои познания кончались. Органическая химия и биохимия сложны даже без языкового барьера.

Мы сумели объяснить, что такое бензольное кольцо, когда Чибис нарисовала его и продемонстрировала свое двухдолларовое колечко; также мы договорились о понятиях «элемент», «изотоп», «период полураспада» и «периодическая система». Я хотел руками Чибис нарисовать формулы, но мы не имели ни малейшего представления о структурной формуле кодеина; не помогли даже принесенные веганцами детские игрушки в виде кубиков, соединявшиеся друг с другом

только в соответствии с валентностью элементов, которые они представляли.

Чибис отвела душу. Возможно, хозяева от нее узнали мало, зато она много узнала от них.

В какой-то момент я понял, что Мамми не была – или была, но не совсем – существом женского пола. Но это и не важно; материнство – вопрос отношения, а не биологической принадлежности.

Если бы Ной спускал свой ковчег на Веге-5, каждой твари пришлось бы взять не по паре, а по дюжине. Разобраться с тамошним половым вопросом я даже не надеялся. Но четко понял, что предназначение таких, как Мамми, – забота. Возможно, Мамми бывают разного пола; возможно, принадлежность зависит от свойств характера.

Я познакомился с одним веганцем «отцовского типа». Его можно назвать «губернатором» или «мэром», но ближе будет «приходской священник» или «скаутмастер»; вот только его власть распространялась на целый континент. Он вошел к нам во время занятия, поприсутствовал минут пять, призвал Джо добросовестно выполнять свои обязанности, велел мне поправляться и быть хорошим мальчиком и степенно отбыл. Он вернул мне чувство уверенности в себе – как делал папа, – и без объяснений стало ясно, что это «отцовский тип». Чем-то это походило на посещение госпиталя августейшей особой, но без всякой помпы. И ведь наверняка трудно было втиснуть в плотное расписание высокопоставленного ли-

ца визит в мою палату.

Джо не проявлял ко мне ни материнских, ни отцовских чувств; он обучал меня и изучал меня. Это был «ученый тип».

Однажды ко мне прибежала до крайности возбужденная Чибис. Встала в позу манекена.

– Как тебе мой новый весенний прикид?

На ней был облегающий серебристый комбинезон, на спине горбик вроде рюкзака. Выглядела она миленько, но не сногшибательно, потому что сложена была как щепка и наряд это только подчеркивал.

– Очень неплохо, – похвалил я. – Учишься на акробата?

– Глупый ты, Кип! Это мой новый скафандр – на этот раз настоящий.

Я взглянул на Оскара, огромного и неуклюжего, занимающего весь шкафчик, и тихо сказал ему:

Слышал, старина?

О вкусах, брат, не спорят...

– Шлем-то где? Или не подошел?

Она хихикнула:

– А я в шлеме.

– Да ну? Новый наряд короля?

– Почти угадал. Кип, отбрось предрассудки и послушай. Этот скафандр такой же, как у Мамми, только сделан специально для меня. Мой старый был не ахти, жуткий холод Плутона совсем его доконал. А этот – чудо! Вот, например,

шлем. Он на мне, но его не видно. Силовое поле. Не пропускает газ ни внутрь, ни наружу. – Она подошла поближе. – Шлепни меня.

– Чем?

– Ой, я и забыла. Кип, скорее выздоравливай и слезай с кровати. Хочу повести тебя на прогулку.

– Я-то не против. Говорят, уже скоро.

– Хорошо, если так. Вот, смотри. – Она шлепнула себя по щеке. В нескольких дюймах от лица рука встретила препятствие. – А теперь! – Очень медленно поднесла к лицу руку.

Та прошла сквозь незримый барьер. Чибис показала мне «нос» и захихикала.

Это впечатляло – скафандр, в который можно просунуть руку! Я смог бы передать Чибис и воду, и декседрин, и глюкозу, когда ей было нужно.

– Ничего себе! Как он устроен?

– На спине, под запасом воздуха, комплект батарей. Дыхательной смеси хватает на неделю, не надо беспокоиться о шлангах, потому что их нет.

– Хм... А если предохранитель перегорит? Надышишься вакуумом.

– Мамми уверяет, что такого быть не может.

Похоже на правду. Мамми ни разу не ошибалась, когда была в чем-то уверена.

– И это еще не все, – продолжала Чибис. – Он как вторая кожа, сочленения не мешают, в нем не жарко и не холодно.

Просто верхняя одежда.

– Ну а если обгоришь? Это вредно, сама говорила. Даже на Луне вредно.

– Исключено! Это поле еще и поляризует. Кип, пусть тебе сделают такой же скафандр – погуляем!

Я взглянул на Оскара.

Развлекайся, парень, сказал он отстраненно. *Я не ревную.*

– Видишь ли, Чибис, я предпочитаю то, в чем разбираюсь. Конечно, интересно было бы опробовать твой мартышкин костюмчик...

– Сам ты мартышка!

Однажды утром я проснулся, перевернулся на другой бок и понял, что голоден.

Тогда я рывком сел. Я ведь перевернулся в кровати.

Меня предупреждали, что ждать осталось недолго. «Кровать» превратилась в кровать, а я снова стал хозяином своего тела. Более того, я хотел есть, а ведь не чувствовал голода ни разу с тех пор, как попал на Вегу-5. «Кровать» была так устроена, что каким-то хитроумным способом питала меня без еды.

Голод! Я недолго радовался этой роскоши; так здорово снова ощущать все тело, а не только голову. Слез с кровати, переждал головокружение и ухмыльнулся. Руки! Ноги!

Я исследовал мои замечательные конечности. Они оказались целыми и невредимыми.

Я присмотрелся. Кое-что все же изменилось.

Раньше на левой ноге был шрам, приобретенный еще в детстве. Шрам исчез. Давным-давно на карнавале я сделал татуировку «Мама» на левом предплечье. Мама очень расстроилась, папа скривился от отвращения, но велел сохранить напоминание о моей глупости. Татуировки как не бывало.

И с рук, и с ног исчезли мозоли.

Я, бывало, обкусывал ногти. Они оказались чуть длинноваты, но безукоризненны. Уже давно я потерял ноготь на мизинце правой ноги, когда поскользнулся, опуская топор. Теперь он был на месте.

Я поспешно глянул на шрам от аппендицита – и вздохнул с облегчением. Если бы и о нем позаботились, я бы, наверное, усомнился, что я – это я.

Зеркало над комодом отразило меня с такими патлами, что впору выступать на эстраде. Обычно я стригусь под бокс. Однако лицо чисто выбрито.

На комоде лежали доллар и шестьдесят семь центов, механический карандаш, листок бумаги, часы и носовой платок. Часы шли. Банкнота, бумажка и носовой платок были выстираны.

Одежда, тщательно отреставрированная и безукоризненно чистая, ждала на столе. Носки были не мои; ткань на ощупь напоминала войлок, если бывает войлок, который не толще салфетки «Клинекс» и не рвется при растягивании.

На полу стояли кроссовки, точно такие же, как у Чибис, с логотипом «Ю. С. Раббер», но моего размера и тоже из войлока, потолще. Я оделся.

Я оглядывал себя в зеркале, когда Чибис пинком распахнула дверь.

– Кто-нибудь дома? – Она держала поднос. – Как насчет завтрака?

– Чибис! Посмотри на меня!

Она посмотрела.

– Неплохо, – признала она, – для обезьяны. Тебе надо постричься.

– Разве это не чудо! Я снова целехонек!

– Ты никогда и не разваливался, – сказала она, – разве что местами. Меня каждый день информировали о ходе твоего выздоровления. Куда поставить?

Она опустила поднос на стол.

– Чибис, – сказал я, задетый за живое, – тебя совсем не волнует, что я поправился?

– Конечно волнует. Стала бы я просить у них разрешения принести завтрак? Да я еще вчера знала, что тебя собираются распеленать. Как думаешь, кто тебя побрил и обрезал ногти? Гони доллар. Бритье дорожает.

Я взял несчастный доллар и протянул ей. Она не взяла:

– Шуток не понимаешь?

– «Ни кредитором будь, ни должником...»

– Полоний. Старый тупой зануда. Кип, чтобы я взяла у

тебя последний доллар!

– Ну и кто тут не понимает шуток?

– Давай лопай, – сказала она. – Этот пурпурный сок на вкус как апельсиновый – очень неплохо. Болтуня – имитация, я попросила покрасить ее в желтый цвет – яйца здесь ужасные. Неудивительно, если знать, откуда их берут. Вот эта маслянистая субстанция – растительный жир, тоже подкрашенный. Хлеб – он и есть хлеб, сама поджаривала. Соль тоже настоящая, только они удивились, что мы ее едим, – для них она ядовита. Не беспокойся, все проверено на морской свинке, то есть на мне. Кофе нет.

– Страдать не буду.

– Я его вообще не пью – хочу подрасти. Ешь. Тебе специально понизили уровень сахара в крови, чтобы проголодался.

Аромат был замечательный.

– А твой завтрак где, Чибис?

– Я уже поела. Буду смотреть на тебя и глотать слюнки.

Пища, при всей своей непривычности, была то, что доктор прописал, – в данном случае, наверное, буквально. Никогда не получал такого удовольствия от еды.

Наконец я перевел дыхание:

– Надо же, нож, вилка! Ложки!

– Единственные на всей... – Она пропела название планеты. – Мне надоело есть руками, а со здешними приспособлениями это не еда, а сплошная игра в серсо. Пришлось на-

рисовать картинки. Это мой набор, но мы еще закажем.

Была даже салфетка, тоже волокнистая. Вода на вкус казалась дистиллированной, но это не важно.

– Чибис, чем ты меня брила? Нигде ни царапинки.

– Маленькой такой штуковиной, дает бритве сто очков вперед. Не знаю, для чего она здесь, но, если запатентуешь, быть тебе миллионером. Будешь доедать гренок?

– Уфф... – Мне казалось поначалу, что съем все вместе с подносом. – Нет, я сыт.

– Тогда я тебе помогу. – Она макнула гренок в «масло» и объявила: – Я ухожу!

– Куда?

– Одеваться. Буду тебя выгуливать. – Она ушла.

Настоящей была лишь часть коридора, видимая с кровати, зато дверь слева вела в ванную, как и положено. Никто не удосужился сделать ее похожей на земную, свет и вода включались по-вегански, но было удобно.

Чибис вернулась, когда я проверял Оскара. Если его и среза-ли с меня, то починили изумительно; я не заметил даже мною поставленных заплаток. Его вычистили так тщательно, что внутри вообще ничем не пахло. Он содержал трехчасовой запас воздуха и был абсолютно исправен.

Ты в хорошей форме, напарник.

Вот уж точно! Тут шикарный сервис.

Это я заметил.

Я поднял глаза и увидел Чибис; она уже надела свой «ве-

сенний прикид».

– Чибис, а просто погулять, без скафандра, можно?

– Можно обойтись респиратором, темными очками и солнечным зонтиком.

– Убедила. Слушай, а где Мадам Помпадур? Как ты прячешь ее под этим скафандром?

– Очень просто; только она чуть-чуть выпирает. Сейчас я оставила ее в комнате и велела вести себя хорошо.

– Послушается?

– Наверное, нет. Она вся в меня.

– А где твоя комната?

– Рядом. Это единственная часть здания, где созданы земные условия.

Я начал облачаться в скафандр.

– Слушай, а в этом твоём крутом костюмчике есть рация?

– Все, что в твоём, и сверх того. Не заметил ничего нового в Оскаре?

– Нового? Его починили и почистили. Что ж еще?

– Самая малость. Лишний раз переключи антенны и сможешь говорить с людьми, у которых нет рации, не повышая голоса.

– Я не заметил репродуктора.

– Здесь не считают, что техника должна быть громоздкой.

Когда мы проходили мимо комнаты Чибис, я заглянул в открытую дверь. Она была обставлена не в веганском стиле; здешние интерьеры я видел на стерео. Не повторяла и

земную комнату девочки; надо думать, ее родители – люди в здравом уме. Не знаю, как назвать этот стиль... какой-то мавританский гарем из грез Безумного Людвига пополам с Диснейлендом.

Я промолчал. Похоже, Мамми хотела и меня, и Чибис устроить «точно как дома», но Чибис с ее фантазиями чересчур занесло...

Сомневаюсь, что ей удалось обмануть Мамми хоть на долю секунды. Она, наверное, снисходительно пропела что-то, и Чибис развернулась от души.

Дом Мамми был чуть поменьше, чем здание правительства нашего штата; родственников в ее семье насчитывалось несколько десятков, а то и сотен, – родственные связи тут сложные, понятие «семья» весьма растяжимое. На нашем этаже дети не попадались; я знал, что их держат подальше от «монстров». Все взрослые приветствовали меня, справлялись о самочувствии, поздравляли с успешным излечением, а я то и дело повторял: «Хорошо, спасибо, лучше не бывает».

Все они были знакомы с Чибис, а она умела высвистывать их имена.

Вроде бы я узнал кое-кого из моих врачей. Но уверенно я отличал только Мамми, профессора Джо и главного врача, а их мы не встретили.

Обстановка у Мамми была самая обычная. На голом полу, гладком и упругом, множество мягких банкетов около фута высотой и футов четырех в диаметре – местные кровати и

стулья. Прочая мебель расположена на стенах, куда так удобно карабкаться по разным шестам, рожкам и скобам; растения там и сям, будто очаровательные островки джунглей. Для меня от них пользы было бы не больше, чем от корсета.

Через ряд параболических арок мы вышли на балкон. Перил на нем не было, а расстояние до нижней террасы составляло футов семьдесят пять. Я отступил и снова пожалел, что у Оскара нет окошка под подбородком. Чибис подошла к краю, взялась за тонкую колонну и глянула вниз. В ярком уличном свете ее «шлем» выглядел мерцающей сферой.

– Иди посмотри!

– И сломай шею? Может, ты меня столкнешь.

– Кто-то боится высоты?

– Я – если не вижу, что под ногами.

– А что тебе мешает взять меня за руку и подержаться за столбик?

Она подвела меня к краю, и я заглянул вниз.

Это был город в джунглях. Густая темная зелень, такая спутанная, что невозможно отличить деревья от лиан и кустов, расстилалась кругом. Над ней возвышались здания вроде того, в котором мы находились, и еще бóльшие. Дорог не было видно; все городские дороги и часть загородных располагались под землей. Зато хватало воздушного транспорта. В небе порхали мелкие летательные аппараты с двигателями куда менее понятными, чем у наших одноместных мини-вертолетов и даже ковров-самолетов. Эти штуковины

взмывали точно птицы и опускались на такие же, как наш, балкончики.

Летали и настоящие птицы, длинные и стройные, с ярким оперением и двумя тандемно расположенными парами крыльев – эта аэродинамическая нелепость их, похоже, устраивала.

Небо было голубым и чистым, если не считать трех громадившихся вдали кучевых облаков, слепяще-белых даже в отдалении.

– Ползли на крышу, – предложила Чибис.

– Как?

– А вон, гляди.

К люку в потолке вели расположенные в шахматном порядке тонкие скобы, которыми веганцы пользуются вместо лестниц.

– А трапа нет?

– Есть, с другой стороны.

– Боюсь, эти скобы меня не выдержат. И Оскар в люк не протиснется.

– Не будь такой нюней. – Чибис полезла вверх, как обезьянка.

Я усталым медведем последовал за ней. Изящные скобы оказались прочными; отверстие пришлось как раз по мне.

Высоко в небе пылала Вега.

Ее угловые размеры соответствовали солнечным. Это и понятно – мы отстояли от Веги намного дальше, чем Земля

от Солнца. Даже полностью поляризованный, ее свет слепил. Я отвернулся, выждал, когда отдохнут глаза и приспособятся поляризаторы, и вновь обрел способность видеть.

Голова Чибис скрывалась под сферой, сделанной, казалось, из полированного хрома.

– Эй, ты еще там?

– Ну да, – ответила она. – Я нормально вижу. Великолепное зрелище. Правда, похоже на Париж с вершины Триумфальной арки?

– Не знаю, мне не довелось там побывать.

– Жаль, бульваров здесь нет. А вон кто-то прилетел.

Я повернулся в ту сторону, куда она показывала, – она-то видела во всех направлениях, а меня ограничивал иллюминатор скафандра. Пока я крутился, веганец успел подойти к нам.

Привет, ребята!

Привет, Мамми! – Чибис обхватила ее руками и приподняла.

Не спеши, милая, дай мне это снять. Мамми высвободилась из сбруи, мелко встряхнулась, сложила летательный аппарат, как зонтик, и повесила на руку. *Хорошо выглядишь, Кип.*

– И чувствую себя отлично, Мамми! Как здорово, что ты вернулась!

Жаль, меня не было, когда ты вставал с кровати. Но врачи докладывали мне каждую минуту. Она положила свою

маленькую ладонь мне на грудь, для чего ей пришлось встать на цыпочки, и приблизила лицо к моему шлему. *Все в порядке?*

– Лучше не бывает.

– Он правда в норме, Мамми!

Хорошо. Ты утверждаешь, что здоров, я чувствую то же самое, и Чибис уверена, а самое главное, уверен твой главный лечащий врач. Отправляемся немедленно.

– Что-что? – спросил я. – Куда, Мамми?

Она повернулась к Чибис:

Разве ты ему не сказала, дорогая?

– Но у меня не было ни малейшей возможности.

Понятно. Мамми повернулась ко мне. Милый Кип, нас ждут на собрании. Обсудим вопросы, примем решения. Она обратилась к нам обоим: Вы готовы?

– Прямо сейчас? – спросила Чибис. – Ну, наверное... только мне надо взять Мадам Помпадур.

Сходи за ней. А ты, Кип?

– Хм... – Я не помнил, надел ли после ванны часы, а прощупать сквозь Оскара не мог.

О чем и сказал Мамми.

Вы, ребята, бегите к себе в комнаты, а я вызову корабль. Встретимся здесь, только не задерживайтесь, чтобы полюбоваться цветами.

Мы спустились по трапу.

– Чибис, ты снова утаила информацию.

– Вовсе нет.

– А как еще это назвать?

– Кип, ты послушай! Мне не велели говорить, пока ты болел. Мамми запретила строго-настрого. Так и сказала: тебя нельзя беспокоить, пока не поправишься.

– А с чего мне беспокоиться? Что все это значит? Что за собрание? Что за вопросы?

– Ну... собрание – это вроде суда. Уголовного суда, можно сказать.

– Да? – Я бросил взгляд на свою совесть.

У меня просто не было возможности совершить что-либо противозаконное – еще два часа назад я был беспомощным, как ребенок. Оставалась Чибис.

– Колись, малявка, – сурово сказал я. – Что ты на этот раз натворила?

– Я? Ничего.

– А если подумать?

– Ничего, Кип. Извини, что не сказала тебе за завтраком! Папа не разрешает сообщать ему никаких новостей, пока он не выпьет вторую чашку кофе, вот я и подумала, неплохо бы совершить маленькую прогулку перед тем, как начнутся неприятности, и собиралась сказать тебе...

– Короче.

– ...как только спустимся. Я ничего не сделала. Это старина Лиловый.

– Что? Я думал, он давно мертв.

– Может, да, а может, и нет. Как сказала Мамми, осталось ответить на некоторые вопросы и принять некоторые решения. Кажется, на это он еще годится.

Я обдумывал услышанное, пока мы двигались через необычные апартаменты к шлюзу, за которым скрывались наши комнаты с земными условиями. Преступления всех степеней тяжести, разбой на космических трассах... Да, Лилловый вполне заслужил наказание. Значит, веганцы поймали его, раз собираются судить.

– Но мы-то каким боком? В качестве свидетелей?

– Пожалуй, так.

Мне, вообще-то, безразлична была судьба черверотого, но представилась прекрасная возможность побольше узнать о веганцах. Особенно если суд будет идти далеко отсюда. Мы проедем по стране и многое увидим.

– Но это не все, – озабоченно продолжала Чибис.

– Что еще?

Она вздохнула:

– Поэтому-то я и хотела, чтобы мы сначала налюбовались этой красотой. Ох...

– Не тяни, говори прямо.

– Ну... нас тоже будут судить.

– Что?!

– Может, лучше сказать «допрашивать». Не знаю. Я знаю одно: нас не отпустят домой, пока суд не вынесет свое решение.

– Но мы-то что такого сделали?! – взорвался я.

– Я не знаю!

Я начал кипятиться:

– Уверена, что потом нас отпустят?

– Мамми отказывается об этом говорить.

Я остановился и взял Чибис за руку.

– Это означает, – сказал я с горечью, – что мы под арестом?

– Да... – добавила она, всхлипывая. – Кип, я же сказала тебе, что она полицейский!

– Замечательно. Мы таскаем ей каштаны из огня, а теперь нас арестовывают и отдают под суд, и мы даже не знаем за что! Хорошенькое местечко эта Вега-пять! «Туземцы дружелюбны», ага. Они меня вы́ходили! Так мы лечим гангстера, чтобы потом повесить.

– Но, Кип... – ревмя заревела Чибис, – я уверена, что все будет хорошо. Хоть она и полицейский – но она же Мамми.

– Да что ты говоришь?

Поведение Чибис расходилось с ее словами. Она не беспокоится по пустякам.

Мои часы лежали на полочке в ванной. Я расстегнул скафандр, чтобы поместить их во внутренний карман. Когда вышел, Чибис делала то же самое с Мадам Помпадур.

– Давай ее мне, – сказал я. – У меня больше места.

– Нет, спасибо, – уныло ответила Чибис. – Она нужна мне здесь. Особенно теперь.

– Ну, Чибис, и где будет суд? В этом городе? Или в другом?

– Разве я тебе не сказала? Нет, не сказала. Он на другой планете.

– Я думал, это единственная населенная...

– Не в системе Веги. Около другой звезды. Даже не в нашей Галактике.

– Что ты сказала?

– Она где-то в Малом Магеллановом Облаке.

Глава 10

Я не стал сопротивляться – за сто шестьдесят триллионов миль от дома это бессмысленно. Но я не разговаривал с Мамми, когда садился в ее корабль.

Он выглядел как допотопный улей, настолько маленький, что казалось, с нами на борту до космопорта не дотянет. Мы с Чибис скрючились на полу, Мамми свернулась клубочком впереди и что-то передвинула на блестящем приспособлении, похожем на счеты; мы взлетели.

Через несколько минут мое настроение прошло стадию угрюмости, и я с негодованием потребовал объяснений.

– Мамми!

Минутку, милый. Дай мне вывести корабль из атмосферы.

Она толкнула какой-то рычаг, корабль дернулся и стабилизировался.

– Мамми! – повторил я.

Подожди до посадки.

Пришлось ждать. Приставать к пилоту так же глупо, как хвататься за руль автомобиля. Кораблик потряхивало; должно быть, наверху дул порывистый ветер. Но пилотировала она уверенно.

Мягкий толчок, и я решил, что мы прибыли в космопорт. Мамми повернула голову:

Все в порядке, Кип, я чувствую твой страх и обиду. Станет ли тебе легче, если я скажу, что вам обоим не грозит никакая опасность? Что я буду защищать вас ценой моей жизни? Так же, как вы защищали меня?

– Да, но...

Тогда подожди. Легче показать, чем объяснить. Не закрывай шлем. Воздух на этой планете такой же, как у вас.

– Что? Хочешь сказать, мы уже прилетели?

– Я тебе говорила, – вякнула под руку Чибис. – Р-раз! И ты на месте.

Я ничего на это не сказал. Я гадал, как далеко от дома нас занесло.

Пойдемте, ребята.

Мы отправились в полдень, а высадились ночью. Корабль стоял на платформе, край которой терялся из виду. Звезды складывались в незнакомые созвездия; слева направо к горизонту опускалась узкая полоска, которую я счел Млечным Путем.

Так что Чибис перегнула – мы были далеко от дома, но все же в нашей Галактике; быть может, просто перелетели на ночную сторону Веги-5.

Я услышал, как Чибис охнула, и повернулся.

У меня не хватило сил даже охнуть.

Занимая полнеба, над нами висел водоворот из миллионов, возможно, миллиардов звезд.

Попадались ли вам снимки Большой туманности Андро-

меды – гигантской спирали из двух изогнутых рукавов, видимой под углом? Из всех чудес неба она самая прекрасная. Здесь было похоже.

Только не фотографию мы видели, не в телескоп смотрели; мы были настолько близко (если можно так выразиться), что звездная спираль раскинулась вдвое шире, чем Большая Медведица на земном небе; настолько близко, что отчетливо виднелось и центральное ядро, и обе огромные сплетающиеся ветви. Она висела под углом и казалась эллипсом, как и М31 в Андромеде; и чувствовалась ее глубина, и ощущалась форма.

Вот тогда-то до меня дошло, как далеко я от дома. Дом был там, наверху, затерянный среди миллиардов звезд.

Чуть позже я заметил справа еще одну двойную спираль, почти столь же широкую, но сильнее наклоненную и тусклую, – бледную тень нашей роскошной Галактики. Я не сразу, но догадался, что это Большое Магелланово Облако – если мы находимся в Малом и если этот могучий звездный водоворот – наша собственная Галактика. То, что я посчитал Млечным Путем, оказалось просто одним из многих таких млечных путей: «Малое Облако, вид изнутри».

Я отвернулся, но потом снова взглянул на эту звездную россыпь. У нее были те же контуры дороги, пролегающей через небо, но рядом с нашим Млечным Путем она выглядела бледным снятым молоком: примерно как наш Млечный Путь пасмурной ночью.

Уж не знаю, как Магеллановы Облака смотрятся с Земли, я не ездил южнее Рио-Гранде. Но мне известно, что каждое Облако – отдельная галактика, меньше нашей, но сопряженная с ней.

Я опять посмотрел на нашу сверкающую спираль и ощутил такую тоску по дому, какой не испытывал лет с шести.

Чибис льнула к Мамми, ища утешения. Та вытянулась и обняла ее.

Ну, ну, милая! То же было и со мной, когда я, совсем маленькая, увидела это впервые.

– Мамми? – жалко спросила Чибис. – Где наш дом?

Видишь вон там, справа, где исчезает внешняя ветвь? Мы прилетели из области, отстоящей от центра на две трети.

– Нет, нет! Не Вега. Я хочу знать, где Солнце!

А, ваша звезда... Милая, на таком расстоянии это все равно.

Мы узнали, сколько от Солнца до планеты Ланадор – 167 000 световых лет. Мамми не смогла сказать сразу, потому что не знала, какой период времени мы называем годом – временем обращения Земли вокруг Солнца (это число ей понадобилось лишь однажды, и запоминать его имело не больше смысла, чем цену на арахис в Перте). Однако она знала расстояние от Веги до Земли и могла сказать, во сколько раз дальше от Ланадора до Веги – в шесть тысяч сто девяносто раз. Умножаем 6190 на 27 световых лет – получаем 167 000

световых лет. Она любезно перевела все числа в десятичную систему, не используя «пять факториал» (когда $1 \times 2 \times 3 \times 4 \times 5 = 120$), как делают веганцы. 167 000 световых лет – это $9,82 \times 10^{17}$ миль. Округлим 9,82 до десяти. Получаем 10^{18} миль – расстояние от Веги до Ланадора (или от Солнца до Ланадора; Солнце и Вега в таком масштабе кажутся ближайшими соседями).

Тысяча миллионов миллиардов миль.

Я отказываюсь иметь что-либо общее с этим грандиозным числом. Может быть, это и «немного» по меркам космоса, но, в конце концов, в мозгу могут и пробки перегореть.

Платформа, на которой мы стояли, оказалась крышей огромного треугольного здания, со сторонами в несколько миль. Изображения этого треугольника с двойной спиралью в каждом из углов нам попадались постоянно. Такой же знак носила как украшение Мамми.

Этот символ означал: «Три Галактики – один закон».

Изложу все, что узнал, вкратце: Три Галактики – объединение, похожее на нашу Организацию Объединенных Наций или Лигу Наций. На Ланадоре находятся офисы, архивы и суды этой организации – это столица объединения, как Нью-Йорк или когда-то Швейцария. Так сложилось исторически; народ Ланадора – это Древняя Раса; здесь начиналась цивилизация.

Три Галактики – группа островов, как Гавайи; соседей поблизости у них нет. Цивилизация распространилась по все-

му Малому Облаку, потом по всему Большому, а теперь постепенно проникает в нашу Галактику, правда медленнее. В нашей Галактике в пятнадцать-двадцать раз больше звезд, чем в двух первых.

Когда я все это осознал, мне стало совсем худо. Мамми очень важная персона у себя на родине, но здесь она мелкая сошка. Все, что она могла сделать, – привезти нас. Однако некоторое время я на нее дулся – могла бы отвернуться, а мы бы смылись домой.

Нас поместили в ту часть огромного здания, которую можно назвать «гостиницей для транзитных пассажиров», хотя «пересылка» или «предварилровка» подошло бы лучше. Не могу пожаловаться на условия содержания, но порядком надоело, что каждый раз, прибыв на новое место, я оказываюсь в заточении. Встретил нас робот и проводил далеко вниз – на Ланадоре роботы на каждом шагу. Они не похожи на Железного Дровосека; это устройства, заменяющие людей, как тот, что довел нас до наших комнат и болтался потом поблизости, точно коридорный в ожидании чаевых. Он являл собой трехколесную тележку с большой корзиной наверху, на случай если бы у нас был багаж. Робот встретил нас, просвистел что-то Мамми по-вегански и повел. Мы спустились на лифте и прошли по широкому и бесконечно длинному коридору.

Я снова оказался в «моей» комнате – копия с копии, все прошлые огрехи с прибавкой новых. Вид ее не внушал оп-

тимизма; она будто кричала, что нас здесь собираются держать до... Ну, сколько заблагорассудится «гостеприимным хозяевам».

Однако в комнате было все необходимое, вплоть до шкафа для Оскара и ванной. Рядом с «моей» комнатой располагалась другая подделка – копия того ужаса из «Тысячи и одной ночи», в котором Чибис жила на Веге-5. Здесь она вроде была довольна, и я обошелся без комментариев.

Пока мы вылезали из скафандров, Мамми ждала рядом.

Вам тут будет удобно?

– Да, конечно, – отозвался я без энтузиазма.

Если понадобится еда или что-то еще, скажите, и все появится.

– Вот как? Здесь есть телефон?

Просто выразите вслух свое желание. Вас услышат.

В этом я не сомневался – но устал и от комнат, напичканных «жучками», и от пребывания взаперти; человек имеет право на частную жизнь.

– Я хочу есть, – сказала Чибис. – Завтрак был уже давно.

Мы сидели у нее в комнате. Отодвинулся пурпурный занавес, замерцала стена. Примерно через две минуты часть стены исчезла; на высоте столика высунулся, как язык, лоток. На нем столовые приборы, холодные закуски, фрукты, хлеб, масло и дымящееся какао. Чибис захлопала в ладоши и завизжала. Я смотрел на всю эту роскошь без энтузиазма.

Видите? – продолжала Мамми с улыбкой в голосе. *Зака-*

зывают все, что пожелаете. Если я вам понадобится, приду. А сейчас мне пора.

– Мамми, не уходи, пожалуйста.

Я должна, милая Чибис. Но скоро мы увидимся. Кстати, здесь двое ваших соплеменников.

– Что? – встрял я. – Кто? Где?

По соседству.

Она скользнула прочь. Укатил и робот, стараясь держаться впереди нее.

Я обернулся:

– Слышала?

– Конечно!

– Ты ешь, ешь, если тебе хочется. А мне хочется посмотреть на этих землян.

– Эй! Подожди меня!

– Ты вроде от голода помирала.

– Ну... – Чибис посмотрела на еду. – Одну секунду. – Она торопливо намазала маслом два ломтика хлеба, протянула один мне.

Я не особенно торопился, так что съел. Чибис прожевала свой кусок, глотнула из кружки и предложила мне:

– Хлебни.

Это было не совсем какао, так как отдавало мясом. Но вкусно. Я вернул кружку, и она допила.

– Теперь я готова драться с пантерами. Пошли, Кип.

«По соседству» означало через прихожую нашего трех-

комнатного обиталища и пятнадцать ярдов по коридору, за дверной аркой. Я отодвинул Чибис за спину и осторожно заглянул.

Там была диорама, искусственный пейзаж.

В наших музеях такого дива не увидишь. Я смотрел из кустов на полянку в дикой глухомани. Она упиралась в известняковый обрыв. В скале – пещера, выше – затянутое тучами небо. Почва казалась сырой, как после дождя.

У пещеры на корточках сидел пещерный человек. Он обглаживал кости какого-то мелкого зверька, возможно белки.

Чибис попыталась протиснуться; я отпихнул ее. Казалось, пещерный человек не замечал нас, – и к лучшему, подумал я. Несмотря на короткие ноги, весил он, пожалуй, вдвое больше меня. Развитые, как у штангиста, мышцы, короткие и волосатые предплечья, узловатые бицепсы и ляжки. У него была огромная голова, больше и длиннее моей, с узким лбом и маленьким подбородком. Огромные желтые зубы, один передний сломан. Слышался хруст.

В музее висела бы табличка: «Неандерталец, последний ледниковый период». Но музейные экспонаты не грызут костей.

Чибис напирала:

– Ну дай посмотреть!

Он услышал. Чибис уставилась на него, он уставился на нас. Девочка взвизгнула; он повернулся и побежал к пещере, косолапо, но быстро.

Я схватил Чибис:

– Пойдем отсюда!

– Не торопись, – спокойно сказала она. – Он не скоро вылезет. – И попыталась раздвинуть кусты.

– Чибис!

– Попробуй-ка! – Она постучала по воздуху. – Его держат взаперти.

Проход в арке был перекрыт невидимой преградой. От моих усилий она подавалась, но не более чем на дюйм.

– Пластик? – предположил я. – Как оргстекло, только более упругий?

– Мм... – сказала Чибис. – Больше похоже на шлем моего скафандра. Но прочнее... и могу поспорить, что пропускает свет только в одну сторону. Вряд ли он нас видел.

– Ладно, пошли обратно. Может, сумеем запереться в комнатах.

Она продолжала ощупывать барьер.

– Чибис! – резко сказал я. – Ты меня не слушаешь.

– Зачем же ты говоришь, – высказала она резонное недоумение, – раз я не слушаю?

– Чибис! Не время пререкаться.

– Ну совсем как мой папа! погоди, этот тип сейчас вылезет, он же потерял крысу, которую жевал.

– Когда вылезет, нас с тобой здесь уже не будет. А вздумаешь кусаться, сам укушу.

Она с досадой повернула голову:

– А вот я бы не стала кусать тебя, Кип, что бы ты ни вытворял. Но раз уж так уперся – ладно. Вряд ли он вылезет раньше чем через час. Еще вернемся.

– Хорошо. – Я потащил ее прочь.

Но смыться не удалось. Я услышал громкий свист и оклик.

– Эй, парнишка! Эй, ты!

Слова были не английские, но я достаточно хорошо их понимал. Вопли исходили из следующей по коридору арки. Я помедлил, а потом двинулся к ней, тем более что Чибис была уже там.

В дверях маячил мужчина лет сорока пяти. Точно не неандерталец; вроде цивилизованный. Одет в длинную и тяжелую шерстяную тунику, подпоясанную так, что получалось подобие килта. Ноги, обтянутые шерстяной тканью, обуты в короткие, тяжелые, сильно поношенные сапоги. На перевязи висел меч, тоже тяжелый и короткий; с другого бока к поясу крепился кинжал. Волосы были пострижены, лицо побрито, но не день и не два назад – на щеках седая щетина. Лицо не дружелюбное, но и не злобное – просто настороженное.

– Спасибо, – сказал он хрипло. – Ты тюремщик?

Чибис ахнула:

– Да это же латынь!

Как надо поступить, когда вслед за троглодитом встречаешь легионера? Я ответил:

– Нет, я сам заключенный.

Это я произнес на испанском и повторил на очень при-

личной классической латыни. Я воспользовался испанским, потому что Чибис немного ошиблась. Это была не совсем латынь, не латынь Овидия или Гая Юлия Цезаря. Но и не испанский. Скорее что-то среднее, со страшным акцентом и прочими нюансами. Но общий смысл я понимал.

Он пожевал губу и сказал:

– Плохо. Третий день взываю к страже, а явился заключенный. Но с судьбой не поспоришь. Почему у тебя такой выговор?

– Извини, амиго, мне тоже нелегко тебя понимать. – Я повторил на латыни, потом прикинул различия и добавил на самодельном промежуточном наречии: – Говори помедленнее, хорошо?

– Я говорю так, как желаю. И не смей называть меня «амиго»; я римский гражданин, поберегись.

Это, конечно, вольный перевод. Думаю, совет римлянина звучал грубее. Он был похож на одну испанскую фразу, несомненно очень неприличную.

– Что он говорит? – допытывалась Чибис. – Это же латынь, да? Переведи!

Я был рад, что она ничего не поняла.

– Ужели, Чибис, не знакома ты с языком поэзии и науки?

– Слушай, не умничай! Скажи!

– Не лезь, малявка. Потом переведу. Я и так за ним не успеваю.

– Что за варварская тарабарщина? – надменно спросил

римлянин. – Говори разумно, не то получишь десять ударов мечом плашмя!

Казалось, он опирался на воздух. Я потрогал. Воздух оказался твердым; я решил не обращать внимания на угрозы.

– Разумнее у меня не получается. Мы говорили между собой на своем языке.

– Хрюкают только свиньи. Пользуйся латынью, если способен. – Он посмотрел на Чибис, будто только что ее заметил. – Твоя дочь? Не продашь? Было бы у нее на костях мясо, дал бы полдинария.

Чибис взбеленилась.

– Это я поняла! – рывкнула она. – Выходи и защищайся!

– Скажи это по-латыни, – посоветовал я. – Если поймет, наверное, отшлепает.

Она немного сконфузилась.

– А ты ему позволишь?

– Ты же знаешь, что нет.

– Пошли обратно.

– Я это предлагал и раньше. – Я повел ее мимо убежища пещерного человека к нашим апартаментам. – Чибис, я вернусь и потолкую с благородным римлянином – может, что интересное узнаю. Не возражаешь?

– Конечно возражаю!

– Будь умницей, солнышко. Если бы эти арестанты представляли угрозу, Мамми предостерегла бы нас. А она лишь сказала, что здесь есть земляне.

– Я пойду с тобой.

– Зачем? Я расскажу тебе все, что выясню. Может быть, пойдем, что это все означает. Как здесь оказался римлянин? Его продержали в холодильнике пару тысячелетий? Когда он очнулся? Известно ли ему что-то, чего не знаем мы? У нас неприятности, и нужна вся информация, какую только можно добыть. Ты здорово поможешь, если не будешь соваться. Боишься – позови Мамми.

Она накуксилась:

– Я не боюсь. Ладно, будь по-твоему, раз ты так хочешь.

– Хочу. А ты пока пообедай.

Собаколикий троглодит не показывался; впрочем, я и не приближался к его двери.

Интересно, если корабль способен мгновенно прыгать через пространство, не может ли он точно так же проскакивать по шкале времени? Не противоречит ли это математике?

Легионер у своей двери все еще подпирал стенку. Он взглянул на меня:

– Я приказал тебе быть здесь. Ты что, не слышал?

– Слышал, – подтвердил я. – Но с такими манерами ты ничего не получишь. Я тебе не раб.

– Твое счастье!

– Поговорим мирно? Или я ухожу.

Он оглядел меня.

– Мир. Только не шибко умничай тут, варвар.

Его звали Юнио. Он служил в Испании, в Галлии, потом перешел в Шестой легион – «Победоносный», известный, как он считал, каждому варвару. Этот легион квартировал в британском Эборакуме, к северу от Лондиниума. Юнио за-
слали в глушь, но зато повысили в звании до центуриона (он произносил «кентурио») – что-то вроде старшины роты. Ростом он был ниже меня, но я не хотел бы встретиться с ним в узком переулке. Да и в широком тоже.

Он имел самое низкое мнение о бриттах и о варварах вообще, включая мою персону («тут ничего личного – кое с кем из варваров я даже дружу»), о женщинах, британском климате, умниках и жрецах. Напротив, хорошо отзывался о Цезаре, Риме, богах и собственном профессионализме. Армия уже не та, что раньше, а все потому, что всяк прохвост норовит стать римским гражданином.

Он нес караул на стене, охраняя ее от варварских набегов – отвратительный сброд, мечтающий накинуться, перерезать горло и сожрать тебя. Без сомнения, так однажды и случилось, и он оказался в мире теней.

Я решил, что он говорит о стене Адриана, но нет, он служил в трех днях пути к северу, там, где почти сходятся моря. Климат в тех краях ужасный, а туземцы – кровожадные звери, которые раскрашивают свои тела и не ценят цивилизацию. Можно подумать, орлы Рима собираются украсть их вонючий остров. Провинциалы... вроде тебя. Да ладно, без обид.

Тем не менее Юнио пустил в Британии корни. Купив в жены маленькую варварку, он с нетерпением ждал перевода в гарнизон Эборакума. Но не дождался. Юний пожал плечами.

– Как знать, если бы я внимательнее относился к омовениям и жертвоприношениям, возможно, фортуна не отвернулась бы от меня. Но я считал, что если ты выполняешь служебный долг, опрятен и следишь за оружием, то остальное – не твоего ума дело. Осторожнее с этой дверью; она заколдована.

Чем больше он говорил, тем легче было его понимать. Окончания «-ус» он заменял на «-о», слова были не совсем те, что в «Записках о Галльской войне», лошадь называлась не «эквиус», а «кабалло». Мешали идиомы, латынь была разбавлена десятком варварских наречий. Но и в газете можно вымарать каждое третье слово – а смысл останется.

Я многое узнал о повседневном житье-бытье легиона, но ничего важного для меня. Юнио представления не имел, как и почему попал сюда, – только твердил, что он уже мертв и ожидает в пересылочной тюрьме этапа в мир теней. Но принять такую версию я еще не был готов.

Он знал год своей «смерти» – восьмой год Императора и восемьсот девяносто девятый от основания Рима. Я записал все это римскими цифрами, чтобы не ошибиться. Однако я не помнил года основания Рима и не догадывался, что за цезаря мой собеседник имеет в виду, даже зная полный титул, –

слишком много было этих цезарей. Но стена Адриана тогда уже стояла, и Британия еще была оккупирована; похоже, дело было в третьем веке.

Пещерный человек, живущий напротив, Юнио не интересовался. Для легионера он воплощал худший грех варвара: трусость. Я не стал спорить, хотя и я не храбрился бы, если бы за моей дверью ревели саблезубые тигры. (А были тогда саблезубые тигры? Пусть лучше пещерные медведи.)

Юнио удалился и вернулся с жестким темным хлебом, сыром и чашей. Мне он не предложил ничего, и, думаю, не по причине разделявшего нас барьера. Он плеснул немного на пол и начал закусывать. Пол был глиняный; стены из грубого камня; потолок на бревенчатых балках. Возможно, это была копия его жилья в Британии, но я не эксперт.

Я больше не задерживался. Не только потому, что успел проголодаться и вспомнил об этом при виде хлеба и сыра, но и потому, что Юнио завелся. Не знаю, отчего он принялся с холодной скрупулезностью разбирать меня, мои вкусы, предков, внешность, поведение и способы заработать на жизнь. С этим парнем вполне можно иметь дело – пока соглашаешься, пропускаешь оскорбления и выслушиваешь советы. Такого обращения часто требуют старики, даже когда покупают баночку талька за тридцать пять центов. К этому скоро привыкаешь и уступаешь не раздумывая, иначе прослывешь наглым сопляком и потенциальным малолетним преступником. Чем меньше уважения заслуживает вредный старикан,

тем больше его требует. Так что я ушел, все равно Юнио не знал ничего полезного.

Проходя мимо двери пещерного человека, я увидел, как тот выглядывает из пещеры.

– Не принимай близко к сердцу, приятель, – сказал ему я и пошел своей дорогой.

И уткнулся в очередной невидимый барьер – в нашей арке. Я потрогал его, сказал тихонько: «Хочу войти». Барьер растаял и восстановился за спиной.

Мои резиновые подошвы ступали тихо. Звать Чибис я не стал, вдруг она уснула. Ее дверь была открыта, я заглянул. Девочка сидела по-турецки на своем невероятном восточном диване, укачивала Мадам Помпадур и плакала.

Я беззвучно отошел, потом шумно, посвистывая, вернулся и позвал ее. Она выскочила, с улыбкой и без следа слез.

– Привет, Кип! Что-то ты совсем запропал.

– Латинянин слишком болтлив. Что нового?

– Ничего. Я поела, тебя все не было, захотелось спать. Ты меня разбудил. Узнал что-нибудь?

– Дай я закажу ужин, буду есть и излагать.

Я подбирал последние капли подливки, когда появился робот-коридорный. Он был такой же, как и первый, только спереди мерцал золотом треугольник с тремя спиралями.

– Следуйте за мной, – сказал он по-английски.

Я посмотрел на Чибис:

– Разве Мамми не сказала, что вернется?

– Сказала вроде.

Машина повторила:

– Следуйте за мной. Требуется ваше присутствие.

Я взбесился. Мне часто давали приказы, среди них хватало бестолковых, но никогда еще мной не командовал кусок железа.

– А вот выкуси! Тебе придется меня тащить.

Не следовало говорить это тупому автомату. Он потащил.

– Мамми! – завопила Чибис. – Где ты? Помоги!

Из машины послышалась трель:

Все в порядке, милые. Слуга приведет вас ко мне.

Я сдался и пошел сам. Безмозглый бытовой прибор сопровождал нас до лифта, проэскортировал коридором, где стены жужжали, когда мы проходили мимо. Провел через огромную арку, увенчанную треугольником со спиральями, и заточил в камеру. У нее не было передней стены, но мы попытались выйти – и наткнулись на барьер из проклятого твердого воздуха.

Не приходилось мне видеть помещений больше, чем это – треугольное, не стесненное ни сводами, ни колоннами, с терпящими вдали стенами и таким высоким потолком, что под ним вполне могла бушевать гроза. Я чувствовал себя муравьем в огромном зале; хорошо, что мы находились у стены. Зал не был пуст – вдоль стен в нем стояли сотни существ, оставляя свободной середину исполинского помещения.

Там, в середине, я увидел троих черверотых – вершился суд.

Не знаю, был ли среди них наш Лиловый. Я и вблизи не отличил бы его от соплеменников. Разница между черверотыми для нашего брата, пожалуй, лишь в том, что они намерены с нами делать: резать глотки или рубить головы. Однако, как мы узнали, для суда не важно, пойман конкретный преступник или гуляет на свободе, жив он или мертв. Судили народ, чьи представители совершали преступления.

Выступала Мамми. Я видел ее крошечную фигурку, тоже очень далеко от нас, в стороне от черверотых. Ее птичья песенка доносилась слабо, но рядом с нами ясно звучали английские слова: транслировался перевод. И в переводе несколько не терялась живость и эмоциональность Мамми.

Она излагала все, что знала о поступках черверотых. Делать это старалась бесстрастно, словно исследовала извергов под микроскопом. Давала сухой отчет о событиях. Только факты. Она как раз заканчивала рассказ о событиях на Плутоне. Сообщила о взрывах – и умолкла.

По-английски заговорил другой голос. Бесцветный, немного гнусавый, он напомнил мне одного вермонтского янки – хозяина бакалейного магазина, куда мы ходили, когда я был маленьким. Этот продавец никогда не улыбался и не хмурился, а изрекал лишь одним тоном. «Она приятная женщина», «Он собственного сына надует», «Яйца по пятьдесят девять центов» – все это с равнодушием кассового ап-

парата. Вот и сейчас в вопросе, который был задан Мамми, сквозило такое же равнодушие.

– Вы закончили?

– Я закончила.

– Заслушаем других свидетелей. Клиффорд Рассел...

Я вздрогнул, будто тот бакалейщик застал меня за кражей леденцов.

Голос продолжал:

– Прошу внимания.

Послышался иной голос. Мой собственный. Звучал отчет, который я диктовал, пока лечился на Веге-5.

Но не весь; только то, что касалось черверотых. Пропали эпитеты и целые фразы, словно кто-то с ножницами прошелся по звукозаписи. Факты остались; мое мнение о них исчезло.

Рассказ начинался с того момента, когда на пастбище возле моего дома опустились корабли, и заканчивался, когда слепой черверотый свалился в яму. Получился этот рассказ коротким, многое вырезали – например, наш лунный поход. Мое описание черверотого оставили, но выхолостили до крайности – теми же словами я мог бы описать Венеру Милосскую, не то что самое чудовищное в мире создание.

Запись кончилась, и голос янки-бакалейщика спросил:

– Это ваши показания?

– А? Да.

– Они верны?

– Да, но...

– Они верны?

– Да.

– Они полны?

Я хотел было сказать, что они совсем не полны, но уже начал понимать систему.

– Да.

– Патриция Вайнэнт Райсфельд...

История Чибис начиналась раньше, ведь девочка общалась с черверотыми еще до встречи со мной. Однако запись оказалась не намного длиннее. Чибис, обладая острым зрением и уникальной памятью, все и вся преломляла через призму собственного мнения и личного отношения. И мнения, и отношения вырезали.

Когда Чибис подтвердила, что ее показания верны и полны, янки-бакалейщик постановил:

– Все свидетели заслушаны, все известные факты собраны. Слово предоставляется подсудимым.

Думаю, черверотые выбрали лицо, говорящее от их имени, – может, моего старого знакомого, если он был жив и находился здесь. Речь в переводе на английский потеряла горланый акцент нашего Лилового, и все же это была речь черверотого. В каждом слове сквозила жестокость, от которой кровь стыла в жилах, – жестокость высшего разума, холодная и уверенная, как удар профессионального боксера.

Оратор стоял так далеко, что не шокировал меня своим

видом. Правда, от его голоса заняли внутренности, но я одолел страх и более-менее сосредоточился.

Первым делом он заявил, что это собрание не имеет полномочий судить представителя его расы. Он несет ответственность только перед королевой-матерью, а та – перед королевской группой. (Так это прозвучало по-английски.) Такой аргументации, утверждал он, вполне достаточно. Однако, если Федерация Трех Галактик реально существует, что вызывает большие сомнения, – не считать же аргументом в пользу ее существования казус, незаконно выставивший его перед этим муравейником странных существ, – итак, если Федерация существует, она все же не имеет никакой юрисдикции по отношению к Единственному Народу; во-первых, упомянутая организация не обладает правом суверенитета над данной частью космоса; во-вторых, даже если бы она предъявила подобные претензии, Единственный Народ, находясь в рамках своего суверенитета, обоснованно отверг бы их, что автоматически означает отсутствие юридического обоснования законов упомянутой организации (если таковые существуют); и в-третьих, совершенно невероятно, чтобы королевская группа вступила в какие бы то ни было сношения с так называемой Федерацией Трех Галактик, хотя бы потому, что люди не ведут переговоров с животными.

Этой аргументации также вполне достаточно.

Однако, если не прибегать, даже в рамках дискуссии, к приведенным выше исчерпывающим доводам, необходимо

учитывать, что этот суд является лишь фарсом, поскольку в рамках данного прецедента не нарушались так называемые законы вышеупомянутых Трех Галактик. Черверотые, действуя в границах собственной юрисдикции и на собственной территории, занимались колонизацией полезной, но никем не занятой планеты Земля. Нет ничего преступного в освоении территории, заселенной исключительно животными. Что же касается агента Федерации Трех Галактик, то она создавала известные помехи; ей не было причинено никакого вреда; она лишь подверглась задержанию с целью ограничения ее действий и последующего возвращения на родину.

Здесь он мог бы остановиться. Каждый из этих доводов звучал убедительно, в особенности последний. Раньше я думал о человеческой расе как о венце творения – но с тех пор со мной многое произошло. Не было уверенности, что суд сочтет, будто у людей есть какие-то особые права по сравнению с черверотыми. Несомненно, они во многом опередили нас. Когда мы расчищаем джунгли и строим фермы, вспоминаем ли о том, что в эти места первыми пришли бабуины?

Однако черверотый отмел свои же доводы, заявив, что это не более чем интеллектуальное упражнение с целью показать, насколько смехотворна сама ситуация – и с точки зрения права, и с точки зрения здравого смысла. А теперь он переходит к защите.

Это была атака.

Ненависть в его голосе достигла крещендо, каждое слово

звучало подобно удару бича. Да как вы посмели?! Вы же просто мыши, которые вознамерились повесить на кота колокольчик! (Так прозвучало в переводе.) Вы животные, пища! Вы паразиты, которых нужно истребить. Ваши преступления никогда не будут забыты, мольбы будут отклонены, никакие переговоры невозможны! Единственный Народ уничтожит вас!

Захотелось узнать, как это воспринимают присяжные. В огромном зале сотни существ выстроились вдоль трех стен, некоторые находились совсем близко. До сих пор я был слишком поглощен процессом и не уделял им внимания. Но напор черверотого был так силен, что возникла необходимость перевести дух.

Все присутствующие были разными, наверное, не нашлось бы и двух похожих. Футах в двадцати от меня стоял монстр, поразительно смахивающий на черверотого, – с той лишь разницей, что его уродливая фигура не внушала отвращения. Иные выглядели почти по-человечески, хотя таких было меньшинство. Одна цыпочка была с виду таким же человеком, как и я, – если оставить за скобками светящуюся кожу и крайне скудный гардероб. Она была до того красива, что я мог бы поклясться: свечение кожи – косметический эффект; и скорее всего, был бы не прав. Интересно, какой язык она сейчас слышит? Конечно, не английский.

Наверное, она почувствовала мой интерес, потому что оглянулась и смерила меня холодным взглядом, как будто

рассматривала шимпанзе в клетке. Непохоже, что я ей понравился.

Между псевдочерверотым и светящейся девушкой раскинулся целый спектр существ. Кое-кто даже разместился в персональном аквариуме.

Было сложно определить реакцию публики на происходящее. Светящаяся девушка спокойно наблюдала, но что скажешь о существе со щупальцами как у осьминога? Если оно извивается, значит сердится? Или смеется? Или просто чешется?

Янки-председательствующий позволил черверотым продолжать.

Все это время Чибис держала меня за руку. Теперь она схватила за ухо, запрокинула голову и шепнула:

– Как мерзко он говорит!

Черверотый закончил таким взрывом ненависти, что транслятор, похоже, заело. Вместо английского перевода мы услышали бессмысленный визг.

Голос янки-бакалейщика бесстрастно произнес:

– Намерены ли вы заявить что-либо в свою защиту?

Визг повторился, после чего черверотый выразился понятно:

– Я уже высказался в нашу защиту: ни в какой защите нет необходимости.

Бесцветный голос продолжал, обращаясь к Мамми:

– Намерены ли вы выступить в их пользу?

Она неохотно ответила:

Высокий суд, я вынуждена сказать, что нахожу их поведение неподобающим.

– Вы свидетельствуете против?

Да, грустно ответила она.

– В таком случае вы лишаетесь слова.

Три Галактики – один закон. Я не имею слова.

Бесцветный голос продолжал:

– Могут ли в их защиту выступить свидетели?

Последовала тишина.

Это был мой шанс проявить благородство. Мы, люди, жертвы черверотых, могли выступить за, указать, что они, по их морали, не сделали ничего дурного, и воззвать к милосердию – если они пообещают впредь вести себя хорошо.

Но я не сделал этого. Слышал я все эти сладкие речи о том, что надо всегда прощать, что даже в худших людях скрыто добро и так далее. Но когда я вижу «черную вдову», я давлю ее, а не умоляю стать хорошим паучком и больше не кусаться. «Черная вдова» останется убийцей – в этом все дело.

Голос обратился к черверотым:

– Существует ли раса, которая могла бы выступить в вашу пользу? Если таковая существует, ее призовут.

Черверотый взвыл. Мысль, что кто-то мог бы заступиться за Единственный Народ, вызвала у него отвращение.

– Принято к сведению, – сообщил голос янки-бакалейщи-

ка. – Достаточны ли представленные факты для вынесения решения?

И почти сразу ответил сам себе:

– Да.

– Каково же решение?

И ответил снова:

– Поворот планеты.

Это прозвучало обыденно – тоже мне, все планеты вращаются, – да и в голосе не слышалось никакой угрозы. Однако приговор чем-то ужаснул меня. Казалось, все кругом содрогнулось.

Мамми направилась к нам. Идти было далеко, но ей удалось двигаться очень быстро. Чибис бросилась к ней; твердый воздух вокруг нас сгустился, и мы оказались в отдельной серебристой полусфере.

Чибис тряслась и всхлипывала, Мамми утешала ее. Когда девочка чуточку успокоилась, я с опаской сказал:

– Мамми, что означает «поворот планеты»?

Она посмотрела на меня, не отпуская прильнувшую Чиби́с. Огромные добрые глаза были суровы и печальны.

Это означает, что их планету выведут в измерение, находящееся под прямым углом к нашему пространству-времени.

Ее речь была похожа на трели флейты, играющей похоронный марш. И все же участь черверотых не показалась мне чересчур печальной. Я догадался, что означает приговор; по-

вегански Мамми объясняла даже понятнее, чем по-английски. Если повернуть плоскую фигуру вокруг оси, лежащей в этой плоскости, фигура исчезнет. Она перестанет существовать в этой плоскости и не сможет на нее вернуться; мистер А. Квадрат из Флатландии¹⁹ навсегда утратит с ней связь.

Но она не будет уничтожена, а просто окажется в другом месте. Мне пришло в голову, что черверотые легко отделались. Я был почти уверен, что их планету или взорвут (а в том, что Федерация Трех Галактик на такое способна, сомневаться не приходилось), или подвергнут не менее ужасной каре. Выходило же, что черверотых изгнали из общины. Они никогда не смогут вернуться – ведь измерений неисчислимое множество, – однако им не причинят вреда, от них просто избавятся.

Но Мамми говорила так, будто против воли участвовала в повешении.

Пришлось спросить, в чем причина.

Ты не понимаешь, милый Кип, – они ведь не возьмут с собой свою звезду.

– Ой... – Это все, что я смог выдать.

Чибиc изменилась в лице.

Звезда – источник жизни. Планеты – только ее вместилища. Отсеките звезду – и планета начнет остывать. Необратимо.

¹⁹ Персонаж книги английского священника, академика и писателя Эдвина Э. Эббота «Флатландия, или Роман многих измерений» (1884).

Как скоро замерзнет воздух? Сколько часов или дней до абсолютного нуля? Я содрогнулся и покрылся мурашками. Хуже, чем на Плутоне...

– Мамми? А когда это сделают?

Совість говорила, что я обязан был выступить, что даже черверотые не заслуживают такого. Взорвите их, расстреляйте – но не замораживайте!

Это уже сделано, пропела она так же скорбно.

– Что?

Исполнитель только ждал приговора. Тот приводится в исполнение немедленно. Планету повернули еще до того, как я подошла к вам. Так лучше.

Я сглотнул и услышал, как отозвалось в моем мозгу: «Что делаешь, делай скорее...»²⁰

Не думайте больше об этом, быстро проговорила Мамми. *Теперь вам понадобится все ваше мужество!*

– Почему? Что нас ждет, Мамми?

В любой момент вас призовут на суд.

Я так и застыл, молча глядя на нее, – я-то думал, что все закончилось. Чибис осунулась и побледнела, но не заплакала. Она облизнула губы и тихо спросила:

– Ты пойдешь с нами, Мамми?

Дети мои! Я не могу. Вы должны сами пройти через это.

У меня прорезался голос:

– Но за что нас судить? Мы никому не причинили зла. Мы

²⁰ Иоанн, 13: 27.

не сделали ничего плохого.

Не вы лично. Судят вашу расу. Вы – ее представители.

Чибис посмотрела на меня – и я испытал прилив трагической гордости оттого, что в решающую минуту она повернулась не к Мамми, а ко мне, человеческому существу.

Я знал, что она думает о том же, что и я: о корабле, висящем рядом с Землей и в то же время за триллионы миль от нее, в каком-нибудь кармане, складке пространства, куда не достанет ни один радар.

Земля, зеленая и золотая, прекрасная и удивительная, нежится в ласковом свете Солнца...

Бесцветный голос – и нет Солнца.

Нет звезд.

Рванется осиротевшая Луна и продолжит свое вращение вокруг Солнца надгробной плитой на могиле людских надежд. На Лунной базе, в Луна-Сити и на станции Томбо протянут последние недели или даже месяцы несколько человек, единственные выжившие люди. Потом и они умрут – если не от удушья, то от горя и одиночества.

– Кип, она не взаправду! – резко произнесла Чибис. – Ну скажи, что нет!

Я хрипло произнес:

– Мамми, исполнители уже ждут?

Она не ответила мне. Она ответила Чибис:

Это взаправду, доченька. Но не пугайся. Прежде чем везти вас сюда, я добилась обещания. Если дело повернется

против вашей расы, вы двое улетите со мной и доживете свою короткую жизнь в моем доме. Так что вставайте и говорите правду... и не бойтесь.

Бесцветный голос проник в закрытое пространство:

– Люди призываются к ответу.

Глава 11

Мы шли по бескрайнему залу. С каждым шагом все сильнее меня пробирал страх. Чибис была рядом; ради нее я еще как-то крепился. И все же это походило на кошмар, когда снится, что ты на площади без штанов. Чибис цеплялась за руку и прижимала к себе Мадам Помпадур. Я пожалел, что на мне нет Оскара, – в нем я не казался бы себе козявкой под микроскопом.

В последнюю минуту Мамми положила ладонь мне на лоб и гипнотически впиалась в глаза. Я оттолкнул ее руку и отвел взгляд.

– Нет, – сказал я ей. – Никакой подготовки! Не надо... Знаю, ты хочешь как лучше, но... пойду без наркоза. Спасибо.

Она не настаивала, лишь повернулась к Чибис. Та поколебалась, но тоже покачала головой.

– Мы готовы, – выдохнула она.

Но теперь, пересекая огромное пространство, я все острее жалел, что не разрешил Мамми избавить нас от нервной тряски. По меньшей мере Чибис необходимо было успокоить.

От далеких стен навстречу нам двинулись еще две козявки. Когда приблизились, я узнал их: неандерталец и легионер. Невидимая сила волокла упирающегося пещерного че-

ловека; римлянин же печатал широкие, легкие и уверенные шаги. До центра мы добрались одновременно и остановились футами в двадцати друг от друга, треугольником: Чибис и я – в одном углу, римлянин и пещерный человек – в остальных.

Я окликнул:

– Приветствую, Юнио!

– Молчи, варвар. – Он огляделся, оценивая взглядом толпу у стен.

Легионер сменил свое неопрятное облачение. Исчезли грязные обмотки; на правой голени красовался понож. Тунику прикрывали доспехи, голову гордо увенчивал шлем с плюмажем. Сверкал металл, лоснилась вычищенная кожа.

Пока он шел, его щит по-походному висел за спиной. Остановившись, легионер перебросил его в левую руку. Он не взялся за меч, потому что в правой руке держал на изготовку дротик. Настороженные глаза высматривали врага.

Слева от него, как забитый зверек, съежился пещерный человек.

– Юнио! – позвал я. – Послушай!

Вид этих двоих встревожил меня еще больше. Разговаривать с троглодитом было бесполезно, но, возможно, удастся объясниться с римлянином.

– Знаешь, зачем мы здесь?

– Знаю, – бросил он мне через плечо. – Сегодня боги испытывают нас на своей арене. Это работа для воина и римлянина. От тебя не будет пользы, так что не путайся под но-

гами. Впрочем, следи за тылом и в случае чего кричи. Цезарь вознаградит тебя.

Я попытался было объяснить ему, что к чему, но меня прервал громовой голос, идущий со всех сторон:

ВЫ ПРЕДСТАЛИ ПЕРЕД СУДОМ!

Чибис задрожала и прижалась ко мне. Я выпростал из ее судорожной хватки левую руку, заменил ее на правую, а левой обнял за плечи.

– Выше нос, напарник, – сказал я тихонько. – Не дай им запугать себя.

– Я не боюсь, – прошептала она, трясаясь. – Кип, давай ты будешь говорить.

– Ты действительно этого хочешь?

– Да. Тебя не так легко разозлить, как меня, – а если я разозлюсь... ну, это будет просто ужас.

– Ладно.

Нас прервал тот же плоский, гнусавый голос. Как и раньше, казалось, что его источник находится совсем рядом.

– Представляемое дело исходит из предыдущего. Три разновременных образца доставлены с небольшой планеты ланадорского типа, расположенной в периферийной зоне Третьей Галактики. Область крайне примитивная, цивилизованные расы отсутствуют. Представленная раса, как следует из образцов, является варварской. Ранее инспектировалась

дважды. Необходимость в плановом изучении отсутствовала, но в связи с предыдущим делом появились новые факты.

Голос задал вопрос сам себе:

– Когда проводилась последняя проверка?

И ответил:

– Приблизительно один период полураспада тория – двести тридцать назад.

Он добавил, явно только для нас:

– Около восьмидесяти тысяч ваших лет назад.

Юнио закрутил головой, пытаясь определить, откуда исходит голос. Он явно слышал то же самое, только на своей испорченной латыни. Я и сам был удивлен, но подобные цифры уже не могли меня шокировать.

– Есть ли необходимость во внеочередной инспекции?

– Есть. Катастрофический разрыв непрерывности. Они развиваются с аномальной скоростью.

Бесцветный голос продолжал, обращаясь к нам:

– Я ваш судья. Многие из присутствующих здесь цивилизованных существ являются моими составляющими. Есть зрители, есть стажеры, а кое-кто явился специально, чтобы поймать меня на ошибке. Но это не удавалось никому за последний миллион ваших лет.

– Вам больше миллиона лет? – выпалил я.

Но не добавил, что не верю в это.

Голос ответил:

– Я намного старше, хотя возраст моих компонентов раз-

личен. Отчасти я машина, чьи детали можно ремонтировать, заменять, копировать; другие мои компоненты – живые существа, они умирают и возобновляются. Мои живые составляющие – многие тысячи, – (вообще-то, он сказал «дюжины дюжин дюжин»), – цивилизованных существ со всех уголков Трех Галактик, и любая дюжина дюжин из них может слиться с моим машинным разумом, чтобы привести меня в действие. Сейчас со мной связаны двести девять специалистов, в их распоряжении знание, накопленное моей неживой сущностью, а также все мои способности анализировать и интегрировать.

– Решения принимаются единогласно? – резко произнес я, решив, что нашел лазейку.

Мне никогда не удавалось перехитрить папу с мамой, но все же в далеком детстве иногда случалось запутать их так, чтобы один говорил одно, а другой – другое.

Голос невозмутимо ответил:

– Решения всегда принимаются единогласно. Будет лучше, если вы сочтете меня единой личностью.

Он продолжал, обращаясь к аудитории:

– Была проведена стандартная процедура отбора образцов. Современный образец дублирован; промежуточный контрольный образец – носящий одежду индивидуум, взятый методом случайной выборки приблизительно один период полураспада радия – двести двадцать шесть назад... – Голос пояснил: – Около тысячи шестисот ваших лет назад.

Исходный контрольный образец взят стандартным методом, в период, отдаленный от предыдущего двадцатикратно.

Голос задал вопрос себе:

– Почему образцы брались через такие короткие промежутки времени?

– Потому что у особей очень короткие жизненные циклы. Этот вид быстро эволюционирует.

Объяснение, видимо, было удовлетворительным, потому что голос продолжал:

– Первым будет давать показания самый младший образец.

Я решил, что он имел в виду Чибис, она тоже так подумала и сжалась в страхе. Однако голос вдруг нечленораздельно залаял, и пещерный человек дернулся. Он ничего не ответил, только еще больше съежился.

Голос снова залаял. Затем сказал сам себе:

– Есть замечание.

– Говори.

– Это существо не является предком остальных.

Голос машины выразил некое недоумение, словно мой хладнокровный бакалейщик обнаружил соль в мешке для сахара.

– Образец взят корректно.

– Тем не менее, – произнес тот же голос, – это нерелевантный образец. Необходимо пересмотреть все относящиеся к делу материалы.

На долгие пять секунд воцарилась тишина. Затем голос заговорил снова:

– Это несчастное существо не является предком остальных; оно всего лишь дальний родственник. У него нет собственного будущего. Оно должно быть немедленно возвращено в те пространственно-временные параметры, откуда было изъято.

Неандертальца немедленно уволокли прочь. Я смотрел ему вслед с чувством потери. Сначала я его боялся, потом презирал, стыдился. Он был труслив, грязен, от него воняло. Даже собака больше похожа на человека. Но за последние пять минут я счел его собратом – каким бы отвратительным он ни казался. Может, он и не был моим прадедушкой, но я не желал отказываться даже от самых жалких своих родственников.

Голос вступил в спор с самим собой, решая, правомерно ли продолжать процесс. Наконец он постановил:

– Расследование будет продолжено. Если не удастся выявить достаточно фактов, суд получит другой ранний образец, на этот раз непосредственно относящийся к линии наследования. Юнио.

Римлянин поднял свой дротик.

– Кто взывает к Юнио?

– Выступи вперед и дай показания.

Как я и опасался, легионер объяснил обладателю голоса, куда ему следует отправиться и чем там заняться. Последо-

вал английский перевод. Никак нельзя было оградить Чибис от «неподобающих для леди» выражений. Впрочем, это уже не имело значения.

Бесстрастный голос невозмутимо спросил:

– Это твое свидетельство?

Вступил другой голос, в котором я узнал речь римлянина. Он отвечал, живописал битвы, рассказывал, как поступают с пленными. Все это мы слышали по-английски, но перевод сохранил высокомерные интонации Юнио.

Легионер выкрикнул: «Колдовство!» – и сделал пальцами рога, отпугивая нечистую силу.

Запись кончилась.

– Речевые данные совпадают, – сухо произнес голос. – Суд учтет эти показания.

Он принялся мытарить Юнио, спрашивал, почему тот оказался в Британии, что там делал и почему нужно служить цезарю. Его интересовали малейшие подробности. Сначала Юнио отвечал односложно, потом и вовсе перестал. Он издал воинственный клич, пробежавший эхом под гигантскими сводами, размахнулся и метнул дротик.

Тот не долетел до цели. И все же, думаю, легионер побил олимпийский рекорд.

Я обнаружил, что ору, как болельщик.

Пока дротик летел, Юнио обнажил меч. Взмахнул им, словно гладиатор, выкрикнул: «Слава цезарю!» – и заговорил.

Как он их разнес! Высказал все, что думает о тварях, которых нельзя счесть не только гражданами, но даже варварами.

«Ну, пошла заварушка, – решил я. – Бедное человечество, ты получишь по полной программе!»

Юнио все кипятился, зывал к богам, угрожал карами и расправой, нимало не стесняясь в выражениях и описывая неаппетитные подробности. Я надеялся, что, несмотря на перевод, Чибис поймет не все. Но она, похоже, понимала достаточно, даже чересчур много.

Я уже гордился этим римлянином. Черверотый излучал зло; Юнио – нет. Несмотря на всю свою спесь, невежество и грубость, бывалый центурион обладал храбростью, отвагой и человеческим достоинством. Может, он и был негодяем, но такие негодяи мне по вкусу.

Он предложил своим судьям выйти на бой, хоть по одному, а лучше «черепашкой», – тогда он покончит с ними разом.

– Я сделаю из вас погребальный костер! Я закалю мой клинок в ваших кишках! Я, стоя на пороге смерти, воздвигну над могилой свободного римлянина курган из тел врагов цезаря!

Легионеру пришлось перевести дух. Я вновь закричал ему в поддержку, Чибис вторила. Он глянул на нас через плечо и ухмыльнулся:

– Я буду валить их, парень, а ты режь глотки! Жаркое предстоит дело!

Холодный голос произнес:

– Следует возвратить его в те пространственно-временные параметры, откуда он был изъят.

Невидимые руки потащили разъяренного Юнио. Он взывал к Марсу и Юпитеру, размахивал мечом. Клинок прочертил в полу борозду, потом будто по собственной воле вернулся в ножны. Легионер стремительно удалялся; я потряс ему вслед сцепленными руками и завопил:

– Прощай, Юнио!

– Прощай, парень! Они трусы! – Он силился разорвать свои путы. – Это просто мерзкое колдовство!

И исчез.

– Клиффорд Рассел...

– А? Я здесь.

Чибис сжала мою руку.

– Минутку! – сказал я.

– Даем тебе слово.

Я глубоко вздохнул. Чибис придвинулась поближе и прошептала:

– Постарайся, Кип. Они не шутят.

– Постараюсь, малышка, – шепнул я и заговорил громче. – Что здесь происходит? Мне сказали, что вы намерены судить человеческую расу.

– Это верно.

– Но вы не имеете права. У вас нет достаточных оснований. Юнио счел колдовством ваши действия – и они ничем не лучше колдовства. Вы привезли пещерного человека, по-

том решили, что это ошибка. Но это не единственная ваша ошибка. Каким бы ни был Юнио, я не стыжусь его; я горжусь им. Но он не мой современник. Он мертв уже две тысячи лет – если, конечно, вы отправили его обратно, – и так же мертв весь его мир. Хороший или плохой, Юний не представляет сегодня человеческую расу.

– Это мне известно. Вы двое – контрольные образцы вашей расы, взятые в настоящем.

– Да, но мы тоже не критерий. Чибис и я так же далеки от среднестатистического человека, как и любой индивидуум. Конечно, ни она, ни я не ангелы. Если вы судите о нашей расе по нашим деяниям, то совершаете огромную несправедливость. Судите нас, стоящих перед вами, – по крайней мере меня...

– И меня!

– ...за все, что я совершил. Но не заставляйте отвечать за мои проступки мой народ. Это не научный подход. Это математически некорректно.

– Это корректно.

– Нет. Люди – не молекулы; они разные. – Я решил не спорить по поводу юрисдикции: черверотый уже испоганил этот подход.

– Согласен, люди не молекулы. Но они и не личности.

– Они личности!

– Они не являются независимыми личностями; они – части единого организма. Каждая клетка вашего тела содержит

полную информацию. По трем клеткам организма, который вы называете человеческой расой, я могу предсказать будущие возможности и ограничения этой расы.

– У нас нет ограничений! Нельзя предсказать, какое будущее нас ждет.

– Возможно, у вас нет ограничений, – согласился голос. – Это мы определим. Однако не уверен, что результат пойдет вам на пользу. Ведь ограничения есть у нас.

– Что?

– Вы неправильно понимаете цель нашего собрания. Вы говорите о справедливости. Я знаю, что подразумевается под этим словом у вас. Однако никакие две расы не договорятся о значении данного термина, как бы он ни звучал в их языках. Мы не занимаемся здесь этим вопросом. Это не суд справедливости.

– Тогда что же это?

– Вы бы назвали это советом безопасности либо комитетом бдительности. Суть не в словах; моя единственная цель – исследовать вашу расу и выяснить, не представляете ли вы угрозы для нас. Если представляете, я немедленно от вас избавлюсь. Единственный надежный способ предотвратить смертельную опасность – это уничтожить ее в зародыше. То, что мы узнали о землянах, заставляет предполагать, что когда-нибудь вы сможете угрожать безопасности Трех Галактик. Теперь рассмотрим факты.

– Но вы сказали, что необходимы по крайней мере три

образца. Пещерный человек вам не подошел.

– У нас есть три образца, вы двое и римлянин. Однако факты могут быть установлены и по одному образцу. Использование трех – давняя традиция, осторожная привычка все проверять и перепроверять. Я не способен обеспечить справедливость, но я хочу убедиться, что не допускаю ошибки.

Я собирался сказать, что он ошибается, хоть ему и миллион лет от роду. Но голос зазвучал вновь:

– Я продолжаю исследование. Клиффорд Рассел, это твои показания?

Зазвучал мой голос – это снова был надиктованный отчет, но теперь совершенно полный. Сочные эпитеты, пристрастные комментарии – вплоть до запинок.

Я послушал некоторое время, поднял руку:

– Верно, это мои слова.

Запись остановилась.

– Подтверждаешь ли ты сказанное?

– Хм... да.

– Желает ли ты что-либо добавить, убрать или изменить?

Я задумался. Кроме нескольких пассажей, которые я вставил позднее, отчет был последовательным.

– Нет. Я подтверждаю сказанное.

– А это тоже твой голос?

На этот раз я замешкался. Звучала та бесконечная запись,

которую я делал для профессора Джо, насчет... ну, насчет всего на свете. Земная история, народы, обычаи, виды деятельности. До меня вдруг дошло, почему профессор носил тот же значок, что и Мамми. Как это называется?.. «Подсадная утка». Старый добрый никчемный профессор Джо был стукачом.

Мне стало противно.

– Дайте еще послушать.

Они не возражали. На самом деле я не слушал, а пытался вспомнить, что еще я наговорил, какие мои слова используют против человеческой расы. Крестовые походы? Рабство? Газовые камеры в Дахау? Сколько же я разболтал?

Запись все звучала. Ну, это надолго, будем стоять, пока не вращаем в пол.

– Это мой голос.

– Ты подтверждаешь и это? Или хочешь что-то исправить, пересмотреть или дополнить?

Я осторожно спросил:

– Можно переделать все целиком?

– Как хочешь.

Я хотел было сказать, что запись никуда не годится, что ее нужно стереть и переписать. Но сотрут ли они? Или сохранят обе и сравнят? Я не погнушался бы и соврать; добродетельный девиз «говори правду, и будь что будет» неуместен, когда твоя семья, друзья и вся раса поставлены на карту.

А вдруг они поймают меня на лжи?

«Мамми велела говорить правду и не бояться».

«Но она не на нашей стороне!»

«Ну конечно на нашей».

Пора было отвечать. Я до того растерялся, что не мог справиться с мыслями. Профессору Джо я старался говорить правду... Что ж, возможно, кое-что я затушевал, не распространялся о всяких газетных ужасах. Но в сущности, говорил как было.

Сделаю ли я это лучше, припертый к стенке? Позволят ли мне начать с чистого листа, примут ли все, что я смастерю? Или сам факт того, что я изменил свой рассказ, будет использован для осуждения нашей расы?

– Я подтверждаю все!

– Продолжаем рассмотрение фактов. Патриция Вайнэнт Райсфельд...

Чибиc понадобилось лишь мгновение, чтобы подтвердить подлинность ее записанных слов. Она просто следовала моему примеру.

Голос машины заговорил:

– Факты изучены, результаты обобщены. Земляне, по их собственному свидетельству, дикие и жестокие существа, подверженные всем мыслимым порокам. Они морят голодом, убивают, поедают своих соплеменников. У них отсутствует искусство, наука находится в зачаточном состоянии, однако их склонность к самоистреблению такова, что даже крохи добытого знания они используют для уничтожения

друг друга в межплеменных войнах. Потенциально они могут в этом преуспеть. Однако, если по какой-либо несчастливой случайности им удастся выжить, они неизбежно рано или поздно долетят до звезд. Следует оценить, как быстро они достигнут нас, если выживут, и каковы будут тогда их возможности.

Голос продолжал, обращаясь к нам:

– Это веские аргументы против вас – дикарей, наделенных высоким интеллектом. Что вы можете сказать в свою защиту?

Я глубоко вздохнул и попытался успокоиться. Я знал, что мы проиграли... и все же должен был сделать еще одну попытку.

Припомнив, как говорила Мамми, я начал:

– Великие господа!

– Поправка. Мы вам не господа, но нет пока и оснований считать, что мы можем общаться на равных. Если хочешь обратиться, называй меня председателем собрания.

– Да, председатель...

Я попытался вспомнить, что говорил Сократ своим судьям. Он, как и мы, заранее знал приговор – но все-таки одержал верх, даже выпив цикуту.

Нет! Мне не поможет «Апология Сократа» – он потерял только свою жизнь. А сейчас речь идет о целом мире.

– Вы сказали, что у нас нет искусства. Видели ли вы Парфенон?

– Взорванный во время одной из ваших войн.

– Лучше взгляните на него, прежде чем повернете нас, – иначе кое-что упустите. Читали ли вы нашу поэзию? «Окончен праздник. В этом представлении актерами, сказал я, были духи. И в воздухе, и в воздухе прозрачном, свершив свой труд, растаяли они. Вот так, подобно призракам без плоти, когда-нибудь растают, словно дым, и тучами увенчанные горы, и горделивые дворцы, и храмы, и даже весь – о да, весь шар земной»²¹.

Мой голос прервался. Я слышал, как рядом всхлипывает Чибис. Не знаю, почему я выбрал эти строки, – говорят, подсознание ничего не делает случайно.

– Все это может случиться, – прокомментировал безжалостный голос.

– Думаю, наша жизнь – вовсе не ваше дело, раз мы вас не трогаем...

Я чуть не плакал от растерянности.

– Это стало нашим делом.

– Мы не подданные вашего правительства и...

– Поправка. Три Галактики не имеют общего правительства; на таком обширном пространстве, с такими разными культурами не могла бы работать никакая власть. Мы всего лишь образовали секторы полицейского контроля для самозащиты.

– Пусть так. Но ведь мы никогда не создавали проблем

²¹ У. Шекспир. Буря (перевод М. Донского).

вашим полицейским. Сидели у себя на заднем дворе (лично я был у себя на заднем дворе!), когда появились эти червероты и начали нас тиранить. Мы-то вас не трогали.

Я запнулся, подбирая слова. Я не мог сказать: «Мы больше не будем», не мог отвечать за все человечество – машина знала это так же, как и я.

– Запрос. – Он снова говорил сам с собой. – Эти существа кажутся идентичными Древней Расе, если не считать некоторых мутаций. Из какой они части Третьей Галактики?

Он ответил себе, назвав координаты, которые для меня ничего не значили.

– Но они не принадлежат к Древней Расе; это эфемерные существа. В этом-то и опасность; они слишком быстро изменяются.

– Кажется, несколько периодов полураспада тория – двести тридцать назад Древняя Раса потеряла в этом районе корабль? Не могло ли это стать причиной расхождений с первым образцом?

Голос ответил твердо:

– Несущественно, происходят ли они от Древней Расы. Изучение продолжается; необходимо принять решение.

– Решение должно быть неоспоримым.

– Оно таким и будет.

Бесплотный голос продолжал, уже для нас:

– Можете ли вы что-либо добавить в свою защиту?

Я подумал о том, как пренебрежительно судьи отозвались

о нашей науке. Хотел было сказать, что всего за два столетия мы прошли путь от мускульной силы до атомной энергии, – но побоялся, что этот факт может быть использован против нас.

– Чибис, ты можешь что-нибудь придумать?

Неожиданно она выступила вперед и крикнула в воздух:

– А разве не важно, что Кип спас Мамми?

– Нет, – ответил холодный голос. – Это нерелевантный факт.

– Но это должно считаться! – Она снова плакала. – Как вам не стыдно! Хулиганы! Трусые! Да вы хуже черверотых!

Я оттащил ее назад. Она уткнулась мне в плечо и затряслась в рыданиях. Потом прошептала:

– Прости, Кип. Я не хотела. Кажется, я все испортила.

– Мы и так наворотили – хуже некуда, солнышко.

– Имеете ли вы что-либо еще сказать? – неумолимо продолжал древний бесплотный голос.

Я оглядел зал. «...Когда-нибудь растают, словно дым, и тучами увенчанные горы, и горделивые дворцы и храмы, и даже весь – о да, весь шар земной...»

– Только одно! – с яростью выложил я. – Я не в защиту, вы не желаете слушать защиту. Ладно, заберите нашу звезду... Заберите, если сможете... думаю, сможете. Давайте! Мы сами сделаем себе звезду! А потом, в один прекрасный день, мы вернемся и переловим вас – всех до одного!

– Так им, Кип! Так им!

Никто не стал кричать на меня. Я вдруг почувствовал себя ребенком, который попал впросак и не знает, как это исправить.

Но я говорил то, что думал. Конечно, я и сам не верил в свои угрозы. Мы пока этого не можем. Но мы бы постарались. «Умри, сражаясь!» – самый гордый лозунг человечества.

– Это не исключено, – продолжал тот же бесящий голос. – Вы закончили?

– Я закончил.

Мы все закончили... каждый из нас.

– Выскажется ли кто-то в их защиту? Люди, вступится ли за вас какая-либо раса?

Хм, если бы мы знали хоть одну расу! Разве что собак... Возможно, собаки могли бы вступить.

Я вступаю за них!

Чибиc резко вздернула голову.

– Мамми!

Та вдруг оказалась перед нами. Чибиc попыталась подбежать к ней и ударилась о невидимый барьер. Я схватил ее:

– Полегче, солнышко. Ее там нет – это что-то вроде телевидения.

– Собратья-наставники! За вами сила многих умов и знаний...

Странно было наблюдать, как она поет, и слышать английскую речь; даже в переводе сохранялась ее певучесть.

– ...но я знаю их. Это правда, что они необузданны – особенно младшая, – но это необузданность возраста. Можем ли мы ожидать зрелой сдержанности от расы, представители которой обречены умирать в раннем детстве? А разве сами мы обходимся без насилия? Разве не мы сегодня убили миллиарды существ? Сможет ли хоть одна раса выжить без воли к борьбе? Верно, что эти существа подчас агрессивнее, чем требует необходимость или мудрость. Но, собратья-наставники, они еще так молоды! Дайте им время повзрослеть.

– Повзрослеть – это именно то, чего мы боимся. Ваша раса чересчур сентиментальна; это обесценивает ваше суждение.

– Неверно! Мы сострадательны, но не глупы. Я лично принимала непосредственное участие в вынесении многих, многих отрицательных решений. Вы знаете об этом; это есть в ваших архивах – я же предпочитаю об этом не помнить. Но и опять я буду принимать такие решения. Если ветвь неизлечимо больна, ее следует удалить. Мы не сентиментальны; мы наилучшие из наблюдателей, которых вы когда-либо находили, потому что делаем дело без гнева. Мы беспощадны ко злу. Однако мы любовно снисходим к ошибкам ребенка.

– Вы закончили?

– Я утверждаю, что эту ветвь не следует удалять! Я закончила.

Фигура Мамми исчезла. Голос продолжал:

– Выступит ли в их пользу еще какая-либо раса?

– Выступлю я.

Там, где только что стояла Мамми, оказалась огромная зеленая обезьяна. Она уставилась на нас, потрясла головой, потом неожиданно перекувырнулась и принялась смотреть на нас меж собственных ног.

– Я не являюсь их другом, но я сторонник справедливости. Этим я отличаюсь от моих коллег, участвующих в собрании. – Она быстро перевернулась несколько раз. – Как сказала наша сестра, раса эта молода. Дети моей собственной благородной расы кусают и царапают друг друга – иногда до смерти. Даже я вел себя так в свое время.

Обезьяна подпрыгнула, приземлилась на руки и выдала кульбит.

– И разве кто-то здесь возьмется отрицать, что я цивилизован?

Он остановился, поскребся и внимательно осмотрел нас.

– Это звероподобные дикари, я не понимаю, как можно питать к ним симпатию, но я говорю: дайте им шанс!

Изображение обезьяны пропало.

Голос сказал:

– Можете ли вы что-либо добавить, прежде чем решение будет принято?

Я начал говорить: «Нет, кончайте эту волынку...» – но Чибис схватила меня за ухо и зашептала. Я послушал, кивнул и продолжил:

– Господин председатель собрания, если мы будем осуждены, не могли бы вы задержать палачей настолько, чтобы

мы могли попасть домой? Нам известно, что вы можете доставить нас всего за несколько минут.

Голос ответил не сразу.

– Почему вы хотите этого? Как я объяснил, лично вас не судят. Есть договоренность оставить вас в живых.

– Мы в курсе. Но хотим оказаться среди своих, вот и все. Снова секундное колебание.

– Это будет исполнено.

– Достаточны ли факты для вынесения решения?

– Да.

– Каково решение?

– Эта раса будет подвергнута повторному обследованию через десять периодов полураспада радия. На этом промежутке существует риск ее самоуничтожения. Ей будет оказана помощь против такого риска. Во время испытательного срока за ней будет наблюдать Мать-Хранительница... – машина пропела настоящее имя Мамми, – полицейский соответствующего сектора, которая будет немедленно докладывать обо всех угрожающих изменениях. Мы желаем данной расе успешного прогресса и совершенствования в течение этого срока. Теперь же образцы должны быть возвращены в те пространственно-временные параметры, откуда были изъяты.

Глава 12

Я считал, что приземляться в Нью-Джерси, не имея флайт-плана, чрезвычайно опасно. Вблизи Принстона тьма стратегических объектов; нас могли обстрелять чем угодно, вплоть до атомных ракет. Но Мамми снисходительно промурлыкала: «Думаю, до этого не дойдет».

И не дошло. Она посадила нас на околице, спела прощальную песенку и исчезла.

Конечно, нет ничего незаконного в том, чтобы прохаживаться по ночным улицам города в скафандрах, да еще с тряпичной куклой в руках. Но выглядит это странно – и нас замели полицейские. Они позвонили отцу Чибис, и уже через двадцать минут мы сидели в его кабинете, попивали какао, подкреплялись пшеничными хлопьями и разговаривали.

Маму Чибис чуть не хватил удар. Пока тянулась наша история, она так часто восклицала «Поверить не могу!», что профессор Райсфельд сказал:

– Прекрати, Дженис. Или иди спать.

Я ее не виню. Ее дочь пропала на Луне и считалась погибшей – и вот она чудесным образом возвращается на Землю. Но профессор Райсфельд нам поверил. Как у Мамми был дар понимания, так и у него был дар осмысления данных. Когда появлялся факт, он отбрасывал версии, которые не соответствовали этому факту.

Он осмотрел скафандр Чибис, велел включить шлем, зажег свет, чтобы сделать шлем непрозрачным, – и все это с улыбочкой. Потом потянулся к телефону.

– Это должен увидеть Дарио.

– В полночь, Курт?

– Хоть бы и так, Дженис. Армагеддон не станет ждать до понедельника.

– Профессор Райсфельд!

– Да, Кип?

– Может, сначала вы захотите посмотреть другие вещи?

– Хм...

Я выгреб все из карманов Оскара – оба маяка, по одному на каждого из нас, листы металлической «бумаги», покрытой уравнениями, обе «счастливики» и две серебристые сферы. По пути на Землю мы останавливались на Веге-5, где провели большую часть времени под своего рода гипнозом, пока профессор Джо с коллегой выкачивали из нас познания о земной математике. Они не изучать ее хотели – о нет! Им нужен был наш язык математических символов, от радикалов и векторов до хитрых закорючек теоретической физики, чтобы они смогли обучать нас. Результаты были записаны на металлической бумаге.

Сначала я показал профессору Райсфельду маяки.

– Сектор Мамми включает теперь и Землю. Мамми велела включить маяк, как только она нам понадобится. Она всегда будет рядышком – самое большее за тысячу световых лет. Но

прилетит даже издалека.

– Ага... – Профессор посмотрел на мой маяк. Он был меньше и аккуратнее того, смастеренного на Плутоне. – Нельзя ли разобрать его?

– Э-э-э... там заключена огромная энергия. Может рвануть.

– Гм... – Он с задумчивым видом вернул маяк.

Что такое «счастлилки», трудно объяснить. Чем-то они похожи на абстрактные безделушки, которые покупают не только для того, чтобы рассматривать, но и для того, чтобы вертеть в руках. Моя была из чего-то вроде обсидиана, но теплая и не жесткая; доставшаяся Чибис походила на яшму. Она действует, когда прижмешь ее к голове. Я дал профессору Райсфельду попробовать, и на его лице отразилось благоговение, – кажется, что ты в объятиях Мамми, чувствуешь тепло, безопасность и понимание.

– Она тебя любит, – сказал профессор. – Не для меня эта штука...

– Она и вас любит.

– Да?

– Она любит все маленькое и беспомощное. Поэтому-то она и Мамми.

Я и сам не сообразил, что ляпнул. Но он не обиделся.

– Так ты говоришь, она полицейский?

– Ну, скорее, инспектор по делам несовершеннолетних – а мы живем в трущобном районе, на задворках и в ужасных

условиях. Иногда Мамми приходится делать то, что ей не нравится. Но она хороший полицейский, а ведь кому-то надо делать и грязную работу. И своими обязанностями она не манкирует.

– Уверен, что так и есть.

– Хотите попробовать еще раз?

– Не возражаешь?

– Конечно нет – такие батарейки не садятся.

Он попробовал и вновь расплылся в улыбке. Он взглянул на Чибис – та успела заснуть, уткнувшись в пшеничные хлопья.

– Я не стал бы беспокоиться о своей дочери, если бы знал, что она под присмотром Мамми. И под твоим.

– Мы были одной командой, – объяснил я. – Без Чибис я бы не справился. Она очень волевая.

– Порой даже чересчур.

– Иногда без этого «чересчур» не обойтись. Вот шарики, на них все записано. У вас есть магнитофон, профессор?

– Конечно, сэр.

Мы включили магнитофон, и серебристый шарик выдал на него информацию. Пленка была необходима, потому что шарики оказались одноразовыми, потом молекулы теряли упорядоченность. Я показал профессору металлическую бумагу и попытался прочесть, но узнал лишь разрозненные символы. Профессор дошел до середины страницы и остановился.

– Позвоню-ка я лучше кое-кому.

Вечером показалась серебряная Луна, и я попытался разглядеть на ней станцию Томбо. Чибис, в отцовском купальном халате, спала на диване, сжимая в объятиях Мадам Помпадур. Отец хотел отнести ее в кровать, но она проснулась и начала скандалить, так что ее оставили в покое. Профессор Райсфельд жевал пустую трубку и слушал, как мой серебристый шарик мягко шепчет что-то магнитофону. Время от времени профессор задавал мне какой-нибудь вопрос, я кратко отвечал.

Профессор Джиоми и доктор Брук в другом углу кабинета записывали что-то на доске, стирали и снова писали, споря насчет металлической бумаги. В Институте перспективных исследований гении – не редкость, но этих двоих никто бы в гениальности не заподозрил: Брук был похож на мрачного водителя грузовика, а Джиоми – на перевозбужденного Юнио. Но мозгами они работали с такой же интенсивностью, как и профессор Райсфельд. У доктора Брука дергалась щека; отец Чибис объяснил, что это гарантия нервного срыва, но не у самого Брука, а у всех остальных физиков.

Два дня спустя мы все еще торчали там. Профессор Райсфельд побрился; другим было не до того. Я вздремнул и успел принять душ.

Папа Чибис слушал записи – теперь уже дочкины. Брук и Джиоми то и дело отрывали его – Джиоми чуть ли не ис-

терично, а Брук бесстрастно. Профессор Райсфельд задавал им один-два вопроса, кивал и возвращался на свой стул. Вряд ли он мог разобраться во всей этой математике – зато мог оценить и упорядочить результаты.

Я хотел отправиться домой, раз уж они со мной закончили, но профессор Райсфельд очень просил остаться; должен был приехать генеральный секретарь Федерации Свободных Наций.

Я остался. Я не позвонил домой, ведь какой смысл расстраивать домашних? Я готов был встретиться с генеральным секретарем в Нью-Йорке, но профессор Райсфельд пригласил его к себе. До меня начало доходить, что приглашение профессора не может игнорировать ни один высокопоставленный деятель.

Мистер Ван Дювендюк оказался высоким и худым. Он пожал мне руку и произнес:

– Надо полагать, вы сын доктора Сэмюэла Рассела.

– Вы знаете моего отца, сэр?

– Встречался с ним много лет назад, в Гааге.

Доктор Брук, который на приветствие генерального секретаря едва кивнул, резко повернулся ко мне:

– Так ты сын Сэма Рассела?

– Вы тоже его знаете?

– Конечно. Его книга «О статистической обработке неполных данных» – блестящий труд.

Он взмахнул рукой, еще сильнее испачкав рукав мелом.

Я и не ведал, что папа такое написал, и не подозревал даже, что он знаком с генеральным секретарем. Иногда все-таки кажется, что папа несколько эксцентричен.

Мистер Ван Дювендюк подождал, пока яйцеголовые решат передохнуть, и сказал:

– Итак, у вас что-то есть, джентльмены?

– Пожалуй, – сказал Брук.

– Супер! – добавил Джиоми.

– Например?

– Ну... – Доктор Брук ткнул в строчки, написанные мелом. – Судя по этим уравнениям, можно погасить на расстоянии ядерную реакцию.

– На каком расстоянии?

– Скажем, десять тысяч миль. Или вам нужно с Луны?

– Гм... Думаю, десяти тысяч миль хватит...

– Можно и с Луны, – перебил Джиоми, – если хватит энергии. Шикарно!

– Действительно, – согласился Ван Дювендюк. – Что-нибудь еще?

– Вам мало? – набычился Брук. – Может, еще птичьего молока?

– И все-таки?

– Видите семнадцатую строчку? Возможно, это антигравитация, обещать не могу. А если повернуть на девяносто градусов, то получится, как считает этот неуравновешенный латинянин, что-то вроде путешествия во времени.

– Не «что-то вроде», а именно оно!

– Ну-ну... Если он прав, то потребуется запас энергии, как у звезды приличных размеров. Так что забудьте об этом. – Брук уставился на каракули. – Впрочем... Возможно, это новый подход к преобразованию массы в энергию. Хотите карманную силовую установку мощнее, чем реактор в Брисбене?

– А такое возможно?

– Спросите своих внуков, – проворчал Брук. – Быстро только кошки рождаются.

– Что вас не устраивает, доктор? – поинтересовался генеральный секретарь.

Брук еще больше нахмурился:

– Так вы же наверняка хотите все это засекретить. Я не терплю, когда прячут математику. Это постыдно.

Я наострил уши. Я объяснял Мамми, что такое государственная тайна, и думаю, она была шокирована. Я говорил, что наше государство не может обойтись без оборонных секретов, точно так же не могут без них обойтись Три Галактики. Она со мной не согласилась и сказала, что на будущем это никак не скажется. Но мне было беспокойно.

– Я тоже не люблю секретность, – ответил мистер Ван Дювендюк, – однако считаюсь с ней.

– Знал, что вы так скажете.

– Послушайте, эти сведения принадлежат правительству США?

– Конечно нет.

– И не имеют отношения к научным проектам Федерации. Прекрасно. Вы показали мне несколько уравнений. Я не могу запретить их публикацию.

Брук покачал головой:

– Не наши. – Он показал на меня. – Его.

– Понятно. – Генеральный секретарь повернулся ко мне. – Молодой человек, я как юрист могу сказать вам следующее. Если вы хотите опубликовать эти материалы, я не вижу способа вам помешать.

– Я? Но это не мое... Я просто... ну, посланник.

– Все равно. Желаете, чтобы эти сведения были оглашены? Может быть, согласитесь подписаться под ними вместе с этими джентльменами?

Мне показалось, что именно этого он и хочет.

– Ну конечно. Только третьим должен стоять не я. – Я замешкался: птичью песенку не вставишь в статью. – Пусть будет доктор Мам Ми.

– Кто это?

– Она с Веги. Но имя можно выдать за китайское.

Генеральный секретарь провел в гостях у профессора Райсфельда еще некоторое время – задавал вопросы, слушал пленки. Потом позвонил по телефону. На Луну. Я знал, что такое возможно, но никогда не думал, что стану этому свидетелем.

– Это Ван Дювендюк... Да, генеральный секретарь. Со-

едините с командующим базой... Джим? Связь ужасная... Джим, ты иногда проводишь учения... Я обращаюсь неофициально, но не мог бы ты проверить долину... – он повернулся ко мне, я быстро подсказал, – ...долину сразу за горами к западу от станции Томбо. С Советом Безопасности я не консультировался; это разговор между друзьями. Но если ты все же согласишься, я настоятельно советую послать сильное, полностью вооруженное подразделение. Там могут быть змеи, причем маскирующиеся. Назовем это предчувствием. Да, дети в порядке, и Беатрис тоже. Я позвоню Мэри и скажу, что говорил с тобой.

Генеральному секретарю понадобился мой адрес. Я не знал, когда попаду домой, потому что понятия не имел, как добираться, – я собирался ехать автостопом, хоть об этом и помалкивал. Мистер Ван Дювендюк поднял брови:

– Думаю, мы должны доставить вас домой. Что скажете, профессор?

– Это будет нелишнее.

– Рассел, прослушивая ваши записи, я понял, что вы собираетесь стать инженером – космическим инженером?

– Да, сэр. То есть да, господин генеральный секретарь.

– Вы не думали заняться юриспруденцией? В космосе предостаточно молодых инженеров – и очень мало молодых юристов. Однако закон действует везде. Человек, знающий космические законы и подзаконные акты, всегда будет в выгодном положении.

– Может, обе профессии? – спросил папа Чибис. – Терпеть не могу эту современную узкую специализацию.

– Толковая мысль, – согласился мистер Ван Дювендюк. – Тогда он сможет сам диктовать условия.

Я хотел было сказать, что собираюсь заниматься электроникой, и вдруг понял, к чему меня действительно влечет.

– Не думаю, что я потяну и то и другое.

– Чепуха! – сурово заявил профессор Райсфельд.

– Но, сэр, мне бы хотелось делать более совершенные скафандры. У меня есть мысли насчет того, как их усовершенствовать.

– Хм, инженерная механика... а также многое другое, полагаю. Но в первую очередь – степень магистра техники... – Профессор Райсфельд нахмурился. – Помнится, ты говорил, что колледжи не приняли твоих документов. – Он побарабанил по столу. – Ну не глупо ли, господин секретарь? Парень сумел слетать в Магеллановы Облака, но не может попасть в вуз, который ему приглянулся!

– Э-э-э, профессор! Вы ломитесь в открытую дверь!

– В самом деле? Подождите-ка. – Профессор Райсфельд поднял телефонную трубку. – Сюзи, соедините меня с ректором МТИ. Я знаю, что сегодня выходной... Мне плевать, в Бомбее он или в постели... Вот так-то лучше.

Он положил трубку.

– Сюзи работает у нас пять лет, а до этого сидела на коммутаторе института. Она найдет ректора.

Я был смущен и обрадован. Поступить в Массачусетский технологический – любой бы ухватился за такой шанс! Но ведь это удовольствие не из дешевых. Я попытался объяснить, что у меня нет денег.

– Этот год поработаю и к следующему лету накоплю...

Зазвонил телефон.

– Райсфельд слушает. Привет, Оппи!²² Помнится, на встрече группы ты вырвал у меня обещание позвонить, если Брука замучает тик. Держись за стул, я засекал время – двадцать одно подергивание в минуту. Это рекорд... Полегче; никого ты не пришлешь, пока я не получу свой фунт мяса²³. Вздумаешь читать лекцию об академических свободах и праве на информацию – я положу трубку и позвоню в Беркли... Впрочем, думаю, и ты мне не откажешь... Немного, всего лишь четырехлетний курс, с полной оплатой обучения и проживания... Не кричи на меня; у тебя есть дискреционный фонд... Ну или подправь там что-нибудь в своей бухгалтерии. Ты ведь уже совершеннолетний, арифметику знаешь... Нет, никаких намеков. Либо ты берешь кота в мешке, либо твоя радиационная лаборатория останется на бобах. Я что, сказал «радиационная лаборатория»? Я имел в ви-

²² По-видимому, намек на Роберта Оппенгеймера (1904–1967), «отца атомной бомбы».

²³ В комедии У. Шекспира «Венецианский купец» ростовщик Шейлок требует, чтобы ему выдали предложенный в залог «фунт мяса с живого тела», но не получает, поскольку мясо обещано, а кровь – нет и нельзя извлечь из живого тела мясо, не пролив крови.

ду весь физический отдел... Ты же всегда можешь сбежать в Южную Америку, так что не заставляй давить... Что? От афериста слышу. Записывай...

Профессор Райсфельд обернулся ко мне:

– Ты подавал документы в МТИ?

– Да, сэр, но...

– Он в списках абитуриентов. Клиффорд Рассел. Пошлешь вызов ему на дом, а начальник вашей команды пусть привезет мне копию... Да, пусть это будет большая команда, а во главе поставь кого-нибудь из матфизиков, например Фарли; у него есть воображение... О-о-о, ничего более важного не происходило с тех времен, когда яблоко стукнуло сэра Исаака... Да, я шантажист, а ты протиратель штанов и демагог. Когда вернешься в научную жизнь? Привет Бьюле. Пока. – Он положил трубку. – Все в порядке. Кип, единственное, что меня смущает: зачем я понадобился этим самым черверотым монстрам?

Я не знал, что ему ответить. Только вчера он рассказывал мне, что обобщает непонятные наблюдения, неожиданные помехи на космических трассах – все, что выходит за рамки обыденного. У такого человека наверняка есть что сказать – и к нему наверняка прислушиваются. Если у него и имеется какая-нибудь слабость, так это скромность. Чего, кстати, не унаследовала Чибис. Сообщи я, что космические захватчики занервничали из-за его любознательности, он бы только фыркнул. Так что я ответил:

– Об этом мне никто не говорил, сэр. Видимо, пираты сочли вас достаточно важной персоной, чтобы захватить.

Мистер Ван Дювендюк поднялся:

– Курт, я не буду тратить время, выслушивая чепуху. Рассел, я рад, что вопрос с вашим обучением решен. Если понадобится, позвоните.

Когда он ушел, я попытался поблагодарить профессора Райсфельда.

– Я хотел учиться на собственные деньги, сэр. Я бы заработал до начала семестра.

– Меньше чем за три недели? Ну-ну.

– Я имел в виду, за остаток этого года и...

– Потерять целый год? Ну нет.

– Но я уже... – Я взглянул на зеленую листву за окном. – Профессор... которое сегодня число?

– День труда, разумеется.

«...к тем пространственно-временным параметрам, откуда они были изъяты...»

Профессор Райсфельд опрыскал меня водой.

– Пришел в себя?

– На-верное. Мы же провели там несколько недель!

– Кип, ты слишком много пережил, чтобы теперь сломаться из-за ерунды. Можешь спросить наших заоблачных близнецов, – он махнул в сторону Джиоми и Брука, – но ты ничего не поймешь. По крайней мере я не понял. Почему бы просто не принять, что прыжки на сто шестьдесят семь ты-

сая световых лет оставляют место для люфта, вроде поправки на ветер, пусть крошечного, на волосок? Тем более что метод вообще некорректно использует пространство-время.

В дверях миссис Райсфельд расцеловала меня, Чибис прослезилась и заставила Мадам Помпадур попрощаться с Оскаром, который расположился на заднем сиденье. Профессор увозил меня в аэропорт.

По дороге он обронил:

– Ты нравишься Чибис.

– Ну, я надеюсь.

– А она тебе? Я не слишком нескромен?

– Нравится ли мне Чибис? Спрашиваете! Да она раза четыре или пять спасла мне жизнь! От нее, конечно, свихнуться можно, но она храбрая, верная, умная, а уж смелости у нее... В общем, характер что надо.

– Тебе и самому парочка медалей за спасение жизни полагается.

Я поразмыслил над словами профессора.

– Кажется, я чудом не провалил все, за что брался. Но мне помогали – и вдобавок здорово везло.

Я содрогнулся при мысли, что исключительно благодаря везению из меня не сварили суп.

– Везение или нет – это вопрос, – ответил Райсфельд. – По-твоему, удивительное везение – что ты попал на частоту, на которой моя дочь передавала сигнал о помощи. Но слу-

чайностью это не было.

– Не понял, сэр.

– Почему ты оказался на той частоте? Потому что был в скафандре. Почему ты был в скафандре? Потому что стремился в космос. Услышав сигнал с космического корабля, ты ответил. Если это везение, то беттеру везет каждый раз, когда он попадает по мячу. Кип, везение приходит после тщательной подготовки; невезение – результат расхлябанности. Тебе удалось убедить суд, более древний, чем человечество, что ты и твой народ заслуживают пощады. И это просто случайность?

– Ну... на самом деле я очень разозлился и чуть не испортил все. Надоело, что меня не принимают всерьез.

– Историю человечества творят как раз те люди, которым надоело, что их не принимают всерьез. – Он нахмурился. – Я рад, что тебе нравится Чибис. Она тянет лет на двадцать по уму и лет на шесть по эмоциям. И мало с кем находит общий язык. Рад, что она нашла друга, который умнее ее.

У меня челюсть отвалилась.

– Профессор, Чибис гораздо умнее! Она меня то и дело выставляет дураком.

– Со мной она это делает уже много лет, а я не так уж и глуп. Не следует недооценивать себя, Кип.

– Но это правда.

– Вот как? Мы знаем величайшего специалиста в области математической психологии, который всегда сам распо-

ряжался своей жизнью, вплоть до того, что по собственному желанию ушел в отставку – а это очень сложно, когда на тебя такой спрос. Этот человек женился на своей лучшей ученице. Сомневаюсь, что их сын глупее моего ребенка.

До меня не сразу дошло, что речь обо мне. Я не знал, что ответить. Кто из детей действительно знает своих родителей?

Он продолжал:

– Чибис – сущее наказание, даже для меня. Вот и аэропорт. Когда начнешь учиться, навещай нас. И на День благодарения приезжай; ведь на Рождество ты, конечно, отправишься домой.

– Спасибо, сэр. Я приеду.

– Договорились.

– Да, насчет Чибис – если появятся педагогические трудности, у вас есть маяк. Мамми сумеет ее укротить.

– Мм... Это мысль.

– У Чибис ни разу не получилось ее переспорить. Да, чуть не забыл. Кому можно рассказывать? Не о Чибис. Обо всем.

– Разве не понятно?

– Сэр?

– Да говори что хочешь и кому хочешь. Язык не сотрешь, не беспокойся. Тебе почти никто не поверит.

Домой я полетел реактивным самолетом – это очень быстрый транспорт. Профессор Райсфельд всучил мне десять долларов, когда узнал, что у меня с собой только доллар и

шестьдесят центов, так что на автобусной станции я постригся и купил два билета до Сентервилла, чтобы не засовывать Оскара в багажный отсек; там он мог пострадать. Самый большой плюс стипендии в том, что теперь не нужно продавать Оскара. Да я и так бы не продал.

Сентервилл выглядел прелестно – от вязов над головой до выбоин под ногами. Водитель остановился возле дома – из-за Оскара; его неудобно нести. Я прошел в сарай, повесил скафандр, сказал, что еще наведуся, и направился к черному ходу в дом.

Мамы не было; папа сидел в кабинете. Он поднял голову от книги:

– Привет, Кип.

– Привет, пап.

– Как съездил?

– Да ты знаешь, я не был на озере...

– Знаю. Звонил доктор Райсфельд, рассказал все подробно.

– А... В общем, удалась поездка...

Я заметил, что он держит том «Британики», раскрытый на статье о Магеллановых Облаках.

Папа поймал мой взгляд.

– Я их никогда не видел, – с сожалением произнес он. – Возможность была, но по горло дел... а единственная свободная ночь выдалась пасмурной.

– Когда это, папа?

– Еще до твоего рождения, в Южной Америке.

– Я и не знал, что ты там побывал.

– Одно правительственное задание... в общем, работа «плаща и кинжала». О таком не распространяются. Они красивые?

– Ну, не очень. – Я взял другой том, открыл на статье «Туманности» и нашел Большую туманность Андромеды. – Вот она действительно красива. Так и мы выглядим.

Папа вздохнул:

– Неплохо, должно быть, выглядим.

– Да. Я тебе все потом расскажу. У меня и пленка есть.

– Не спеши. Ты проделал долгий путь. Триста тридцать три тысячи световых лет, верно?

– Да нет, вдвое меньше.

– Я имел в виду – туда и обратно.

– А-а-а... Но обратно мы летели другим путем.

– То есть?

– Не знаю, как объяснить, но для этих кораблей кратчайшим путем назад является длинный кружной. Летишь прямо и снова оказываешься в исходной точке. То есть не совсем прямо, из-за кривизны пространства, – но настолько прямо, насколько возможно. Так что все возвращается к нулю.

– Большой космический круг?

– Ну да. Круговой путь по прямой линии.

– Мм... – Он задумчиво нахмурился. – Кип, а каково рас-

стояние по окружности Вселенной? Предел красного смещения?

Я затруднился.

— Пап, я спрашивал, но не понял ответа. — (Мамми сказала: «При чем здесь расстояние, когда там нет ничего?») — Это не расстояние, а скорее состояние. Я ведь не летал; я просто оказывался. Ты не проходишь сквозь, а скользишь по краю.

— Мне следовало бы помнить, что математический вопрос не задают словами, — упрекнул себя отец.

Я уже хотел сослаться на доктора Брука, когда вошла мама и проворковала:

— Привет, мои дорогие!

На долю секунды мне показалось, что это Мамми.

Она расцеловала нас.

— Я так рада, что ты дома, милый.

— Э-э-э... — Я взглянул на папу.

— Она знает.

— Да, — ласково подтвердила мама. — Куда бы ни отправился мой сын, главное, чтобы он благополучно вернулся домой. Я уже поняла, что ты сможешь побывать везде, где захочешь. — Она погладила меня по щеке. — А я всегда буду гордиться тобой. Я сходила на угол за отбивными.

Назавтра был вторник, и я спозаранку пошел на работу. Как и ожидал, увидел стойку с газировкой в жутком беспорядке. Я надел белый пиджак и приступил к уборке. Мистер

Чартон разговаривал по телефону; наконец он положил трубку и подошел ко мне.

– Хорошо съездил, Кип?

– Отлично, мистер Чартон.

– Кип, я хочу тебе кое-что сказать. Ты все еще мечтаешь попасть на Луну?

Я опешил. Потом сообразил, что он ничего не знает. Что ж, я ведь не успел как следует рассмотреть Луну, поэтому не отказался бы побывать там. Впрочем, теперь можно не торопиться.

– Да, сэр. Но сначала окончу университет.

– Я это и имел в виду. Знаешь, у меня нет детей. Если тебе нужны деньги, скажи.

Раньше он намекал на фармацевтическую школу, только не делал таких предложений. И только вчера вечером папа проговорился, что оформил страховку на образование еще в день моего рождения, но ничего мне не говорил – выжидал, когда я встану на собственные ноги.

– О-о-о, мистер Чартон, это ужасно любезно с вашей стороны!

– Мне нравится твое стремление к знаниям.

– Вообще-то, у меня уже все улажено, сэр. Но когда-нибудь может понадобится заем.

– Или не заем. Скажи, если понадобится.

Мистер Чартон отошел. Было видно, что он расстроен.

Я работал в теплом полумраке, иногда трогая карман, где лежала «счастливка». Вчера вечером я дал маме и папе положить ее ко лбу. Мама заплакала. Папа торжественно изрек: «Я начинаю понимать, Кип». Надо будет как-нибудь подсушить «счастливку» мистеру Чартону.

Я начистил краны до блеска и проверил кондиционер. Все в порядке.

Около полудня ввалился Туз Квиггл, плюхнулся на стул.

– Привет, космический пират! Что слышно от властелинов Галактики? Гы! Гы! Гы!

Как бы он отреагировал, ответь я честно? Я дотронулся до «счастливки» и произнес:

– Что закажешь, Туз?

– Как обычно, и взбей получше!

– Шоколадный солодовый?

– Сам знаешь. Что ты такой снулый, кадет? Проснись и погляди на мир вокруг тебя.

– Как скажешь, Туз.

Не стоило обращать на него внимание; он жил в мирке узком, как пустота меж его ушей, и мелком, как свиная лохань. Вошли две девчонки; пока коктейль Туза крутился в миксере, я налил им кока-колы. Туз с улыбкой от уха до уха спросил у них:

– Дамы, вы знакомы с Капитаном Кометой?

Одна захихикала, а Тузу только того и надо.

– Я его агент. Захотите полюбоваться на подвиги – свяжи-

тесь со мной. Капитан, я все думаю насчет рекламы, которую мы запустим.

– Что за реклама?

– Послушай, что я тебе скажу. «Есть скафандр – готов путешествовать!» – этого мало. Чтобы твой клоунский балахон принес денежки, надо поднапрячься. Так что мы добавим: «Истребляю пучеглазых монстров! Профессия – спаситель мира! Цена договорная!» Годится?

Я покачал головой:

– Нет, Туз.

– Чего это ты? Ни фига не понимаешь в бизнесе?

– Рассмотрим факты. Я не беру денег за спасение мира и не делаю этого под заказ. Это происходит само собой. И вряд ли я стал бы спасать мир, в котором живешь ты.

Обе девчонки заржали, а Квиггл нахмурился:

– Умный, да? А может, не слышал, что покупатель всегда прав?

– Всегда?

– Конечно. Заруби это на носу. И давай сюда коктейль!

– Хорошо, Туз.

Я поднял стакан. Он швырнул мне тридцать пять центов. Я отодвинул их обратно.

– Это за счет заведения.

И плеснул коктейль ему в лицо.

Туннель в небе

Джимми и Бибс

Глава 1

Марширующие орды

На доске объявлений у аудитории 1712-А средней школы имени Патрика Генри мигал красный сигнал. Род Уокер попытался протиснуться через толпу учащихся, чтобы взглянуть, что там за объявление, но ему тут же двинули локтем в живот и посоветовали не толкаться.

– Извини, Джимми, я не нарочно. – Род зажал локоть в борцовском захвате, но давить не стал и, вытягивая шею над головой Джимми Трокстона, спросил: – Что там такое?

– Сегодня занятий не будет.

– Почему?

Ответил ему кто-то из стоящих у самой доски:

– А потому, что завтра начнется Ave, Caesar, morituri te salutant!²⁴

– Серьезно? – Род почувствовал, что внутри у него все сжимается в тугой узел, как это обычно бывает перед экза-

²⁴ Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя! (*лат.*)

менами. Затем кто-то отодвинулся в сторону, и он наконец прочел объявление:

СРЕДНЯЯ ШКОЛА имени ПАТРИКА ГЕНРИ

Отделение общественных наук

ВНИМАНИЮ всех слушателей курса 410
(факультативный семинар для учащихся старших классов)

«Выживание: дополнительные сведения».

Инстр. – доктор Мэтсон. 1712-А.

1. В пятницу, 14-го числа занятия отменяются.

2. Настоящим объявляется двадцатичетырехчасовая готовность к финальному экзамену по одиночному выживанию. Слушатели курса должны явиться на медицинское освидетельствование в 9:00 в амбулаторию при терминале «Темплтон» и в 10:00 с трехминутным интервалом начнут проходить ворота в порядке, устанавливаемом жребием.

3. УСЛОВИЯ ИСПЫТАНИЙ:

а) любая планета, любой климат, любой рельеф местности;

б) никаких правил, оружие любое, снаряжение любое;

в) разрешается объединяться в группы, но члены групп будут проходить ворота по отдельности;

г) продолжительность экзамена – не менее сорока восьми часов и не более десяти суток;

4. Доктор Мэтсон консультирует в пятницу до 17:00.

5. Испытание может быть перенесено только по рекомендации врача, однако любой из учащихся имеет право отказаться от участия без всяких административных последствий до 10:00 субботы.

6. Удачи и долгих лет жизни вам всем!

Подп. – Б. П. Мэтсон, д. н. Согласовано: Дж. Р. Рорих, член совета директоров

Пытаясь унять волнение, Род Уокер медленно перечитал объявление. Еще раз прочел условия. Впрочем, какие тут условия? Это, скорее, «вообще никаких условий», полное отсутствие каких-либо ограничений! Тебя могут швырнуть через ворота, а в следующее мгновение ты нос к носу столкнешься с белым медведем при температуре минус сорок или сцепишься в теплой соленой воде с осьминогом.

Или же, подумал он, окажешься перед каким-нибудь трехголовым чудовищем, причем на планете, о которой никогда раньше не слышал.

Чей-то дискант в стороне пожаловался:

– Двадцатичетырехчасовая готовность! Да уже меньше двадцати часов осталось. Это просто нечестно!

– Какая разница? – откликнулась вторая девушка. – Лучше бы они начинали прямо сейчас. Я все равно сегодня не засну.

– Но если нам полагается двадцать четыре часа на подготовку, должно быть двадцать четыре часа. Чтобы все было

справедливо.

Еще одна участница будущих испытаний, высокая девушка-зулуска, мягко усмехнулась:

– А ты пойди скажи об этом Мастеру.

Род выбрался из толпы и вытянул за собой Джимми Трокстона. Похоже, он и так знал, что «Мастер» Мэтсон может ответить на подобные претензии. Справедливость, мол, не имеет к выживанию никакого отношения. Однако пункт пятый заставил на какое-то время задуматься: никто его не упрекнет, если он решит бросить этот курс. В конце концов, «Выживание: дополнительные сведения» – курс институтский; школьный аттестат выдадут и без него.

Но он знал: если струсит сейчас, то уже никогда не наберется смелости на второй заход.

– И как тебе все это нравится, Род? – нервно спросил Джимми.

– Я полагаю, ничего страшного. Узнать бы только, стоит ли надевать подштанники с начесом. Как думаешь, может, Мастер намекнет?

– Жди! У него с юмором туговато. И вообще, такой тип родную бабку съест – не поморщится, причем без соли.

– Ну, это ты загнул. Без соли он есть не станет... Послушай, Джим... Ты видел, что там написано насчет групп?

– Да... А что? – Взгляд Джимми ушел в сторону.

Род почувствовал мимолетный всплеск раздражения. Ведь он пытался сделать предложение, ничуть не менее от-

ветственное, чем, скажем, когда предлагаешь девушке руку и сердце. Он предлагал ему объединиться и бороться за жизнь вместе. Самая большая опасность одиночного испытания заключается в том, что его участник, хочет он того или нет, а должен хоть иногда спать. С напарником же можно поделить вахты и дежурить по очереди.

Джимми прекрасно знал, что Род подготовлен лучше – как с оружием, так и без. Предложение было явно в его пользу. И все же он колебался, словно думал, что без Рода ему будет легче.

– В чем дело, Джим? – спросил Род настороженно. – Ты полагаешь, в одиночку будет безопасней?

– Нет, не в этом дело...

– Хочешь сказать, что лучше договоришься с кем-то еще?

– Нет, что ты! Я совсем не это имел в виду.

– А тогда что?

– Я хочу сказать... Слушай, Род, я тебе в самом деле очень благодарен и никогда этого не забуду. Но в объявлении было и еще кое-что...

– Что именно?

– Там сказано, что можно бросить этот курс и все равно окончить школу. А я как раз вспомнил, что для торговли одеждой он совсем не нужен.

– Как это? Ведь ты собирался стать юристом широкого профиля.

– Выходит, внеземная область юриспруденции потеряет

свою ярчайшую звезду... И бог с ней. Мой старик будет очень рад, когда узнает, что я решил продолжить семейное дело.

– Короче, ты испугался.

– Можно и так сказать. А ты?

Род сделал глубокий вдох:

– Я тоже боюсь.

– Блеск! Давай вместе продемонстрируем классический пример выживания – стройными рядами пройдем в секретариат и отважно подпишем отказные листы.

– Мм... нет. Но ты иди.

– Будешь сдавать?

– Видимо.

– Послушай, Род, а ты видел статистику по выпуску прошлого года?

– Нет. И не хочу ничего видеть. Пока.

Род резко повернулся и двинулся к двери аудитории. Джимми остался на месте, провожая его встревоженным взглядом.

В аудитории разместилось более десятка слушателей курса. Доктор Мэтсон по прозвищу Мастер сидел на краешке стула, подогнув под себя ногу, и вещал в довольно легкомысленной манере. Роста он был небольшого, жилистый, с худым лицом. Один глаз закрывала черная повязка, а на левой руке не хватало трех пальцев. На груди инструктора поблескивали миниатюрные орденские планки за участие в трех

очень известных первых экспедициях; одну из планок украшало крошечное бриллиантовое созвездие, означавшее, что он — единственный, кто остался после этой экспедиции в живых.

Род проскользнул во второй ряд. Мастер повел глазом в его сторону, но не стал прерываться.

— ... Не понимаю, на что вы жалуетесь, — добродушно говорил он. — В условиях сказано «любое оружие», так что вы можете брать для защиты что угодно — от рогатки до кобальтовой бомбы. Я лично считаю, что финальную проверку нужно проводить с голыми руками. Чтобы даже пилки для ногтей не было. Но совет по образованию не согласен, и поэтому экзамен будет проходить в таких вот тепличных условиях.

— Э-э-э... Доктор, значит, совет знает, что мы столкнемся с опасными животными?

— А? Обязательно столкнетесь с самым опасным животным на свете.

— Если это не просто фигура речи...

— Разумеется, нет!

— Тогда нас или посылают на Митру, где водятся снежные обезьяны, или выбросят где-нибудь здесь, на Земле, где мы столкнемся с леопардами. Я прав?

Мастер разочарованно покачал головой:

— Мальчик мой, я думаю, тебе лучше отказаться от экзамена и пройти курс заново. Эти тупые твари совсем не опасны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.